

Сергей Прокопьев

ОТ ГУДЗОНА
ДО ИРТЫША
КРЫША ЕДЕТ
НЕ СПЕША

*Из будней
русского гастарбайтера*

16+

Сергей Николаевич Прокопьев От Гудзона до Иртыша крыша едет не спеша

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48748414
SelfPub; 2019*

Аннотация

Книга в ироническом ключе повествует о весёлых и драматичных, смешных и не очень приключениях русского в Америке. Советский инженер, он и в гастарбайтерах мастер на все руки: горничная и грузчик, маляр и мойщик окон небоскрёбов... В последней должности стал свидетелем обрушения башен Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года.

Сергей Прокопьев
ОТ ГУДЗОНА ДО ИРТЫША
КРЫША ЕДЕТ НЕ СПЕША
Из будней русского гастарбайтера

Астраханская встреча

– Самолёт – не телега-колымага, – говорил пройда от авиации Гоша-пилот, – грузи по самое не могу – крылья не отвалятся!

В тот раз везли шопинговый товар из Эмиратов: ковры, ткани, теле-видео-техника... Двадцать пять купцов-туристов, на круг без малого по тонне на каждого. Растаможка в Сочи, куда из Омска прилетел за земляками чартером Ту-154. Грузовой отсек у лайнера скромных размеров, зато пассажирский – грузи, не хочу! Первый салон под завязку утрамбовали. Хорошо, у экипажа персональный вход с улицы. Во втором оставили для себя щелочку – как-то просачиваться. Крупногабаритным экземплярам и «как-то» никак. Гена Сватов и так и сяк, а ни с места!

– Эх, дубинушка, ухнем! – грянул наш герой Миша Прянишников песню коллективного подряда. – Животы подтя-

нем да ухнем!

– Втянуть жировые отложения! – скомандовал старший группы, Боря-волейбол.

Он на самом деле волейболист классный. Фигура соответствующая – поджарый, жилистый, ему нечего втягивать, а Гена Сватов широкофюзеляжный, хоть втягивай, хоть не втягивай, всё равно как на девятом месяце. Худые сотоварищи подналегли, таранным способом, миллиметр за миллиметром, протолкнули компаньона к креслам.

– В следующий раз, – пригрозил Боря-волейбол, – только грациозных беру, целлюлит тормозит оборачиваемость капитала.

– Не надо грязи – не возьмёшь! – упал в кресло негабаритный Гена. – Посмотрим, что в Омске на разгрузке петь будешь!

Надо отдать должное, Гена на погрузке-разгрузке за троих ворочал. Мышцы среди его жировых отложений тоже имелись.

А что касается «пения», оно по другому поводу возникло. Значительно раньше Омска.

Самолёт взлетел, взял курс на восток. Да не успели купцы-туристы размечтаться о заслуженном отдыхе в Омске, как пилоты по громкой связи порадовали проблемой. На пути в Сочи ветер дул в лоб, двигатели, пробивая сопротивление, работали на полную катушку, соответственно и горючего сожрали больше, на остатках до Екатеринбурга не доле-

теть, где собирались дозаправляться. Надо заправиться раньше в Астрахани.

Надо – так куда денешься. Заказчики рейса, наши шопинговые туристы дают добро.

Две недели назад, на берегу иртышском, всё было обговорено, оплачено.

Всё да не всё. После приземления в краях чёрной икры и астраханских арбузов пилоты вызвали старшего группы. Боря-волейбол вернулся с экономическими требованиями экипажа: пять тысяч долларов на дозаправку. То есть по двести с носа.

– А соли не надо? – спросил Миша, и все грохнули.

Это была коронная шутка поездки. Смаковали всю дорогу.

По заведённому порядку на третью ночь после прилёта в Дубай, когда сделаны и проплачены заказы, начинается доставка товара, омский торговый люд назначал праздник урожая. Бизнес бизнесом, но не одним долларом жив человек, праздник для души тоже нужен. Днём какой праздник – работа, да и жара, тогда как ночью самое время. Эмираты – страна трезвая, посему спиртным затаривались заранее – в аэропорту, в лавке свободной торговли. Стол ломился в тот раз от парадного построения бутылок и горы закуски. Предварительно сгоняли на рынок: креветки, зелень, лимоны, апельсины...

И вот омичи в радостном возбуждении ведут последние

приготовления перед стартом, и вдруг стук в дверь.

По земному шару шёл 1998-й год. Страну чрезмерного количества углеводородов и шейхов на единицу населения заполнили ночные бабочки из России, которые предоставляли возможность потомкам бедуинов познать загадочную русскую душу не по романам Достоевского. Спрос на данный метод познания не отставал от предложений. Бабочки прилетали в Эмираты туристками, селились в отелях и, не выходя из оных, развивали горячую деятельность для создания первоначального капитала, дабы потом, выбравшись из гостиницы наружу, развернуть бизнес на полную катушку.

Наша компания в тот вечер собралась в номере, сделанном под нужды араба, путешествующего с походным гаремом. Три спальни: две двухместные, одна – одноместная, огромная гостиная, большая кухня.

Миша готовил креветки на кухне, когда в дверь номера постучали.

Боря-волейбол открыл дверь, а за ней два араба в национальных головных уборах. Увидели мужчину и поспешно сказали:

– Сори.

То есть – глубоко извинились на английском. Желали увидеть белокурую, пышущую энергией ночи девицу, вместо неё – усы и волосатая грудь. Люди культурные, вежливо сказали «сори». На что Боря крикнул в номер:

– Мужики, тут арабы соли просят, у нас есть лишняя?

После лингвистического казуса старшего по делу и без оного подначивали: «Боря, соли не надо?»»

Вот и на требование экипажа ответили хором:

– А соли не надо?

– Всё бы вам зубоскалить! – сказал Боря-волейбол, к юмору был не расположен. – Экипаж наезжает скинуться по двести баксов.

– Что за фантики? – отбросив смешливое настроение, возмутился народ. – Мы купили самолёт, за всё уплачено!

И хором выдохнули:

– Нет денег!

Лукавили купцы-туристы, стреляные птицы, не с пустыми карманами возвращались. Шопинг дело такое, тому дай, этому отстегни. Электронные карточки ещё не вошли в жизнь, господствовала наличка.

– Так и передам! – не обиделся за непослушание группы Боря и разрешил выйти за пределы воздушного судна, покурить. При этом добавил: – Толстым сидеть! Остальным можно оправиться! И думайте, пилоты не шутят.

Последний звонок

Аэропорт в пяти минутах ходьбы. Миша решил икоркой разжиться. Продавали дефицитный товар не в буфете, а в туалете. Да-да-да, автор не ошибся. Именно в туалете. Без дискриминации по половой принадлежности – как в мужском, так и в женском. Насчёт технологии купли-продажи в «Ж» Миша не знал, в «М» схема простейшая: встаёшь у писсуара, тут же тебе в ухо шепоток: «Икорочки не желаете?»

Отоварился Миша, вышел из торговой точки, совмещенной с санузлом, а навстречу с аналогичным приобретением в пластиковом пакете Таня Филиппова!

– Миша?!

– Таня!!

– Откуда?

– Из Эмиратов!

– Я из Турции!

Восемнадцать лет не виделись, а ёкнули сердца, что одно, что другое. Столько времени кануло в лету с последней встречи, столько событий произошло, а ожгло сердца, что женское, что мужское. «С любимыми не расставайтесь, с любимыми не расставайтесь, всей плотью порастайте в них...», – сказал поэт. Незримо проросшее однажды нередко не погибает после расставания... Вдруг заявит о себе...

– Ты как? Муж, дети?

– Дочь Маша. А ты?

– Сын. Не со мной... Я – один-одинёшенек.

Обменялись анкетными данными, обменялись телефонами.

– Обязательно позвоню! – пообещал Миша, ткнувшись на прощание сухими губами в женскую щёку. – У тебя же двадцать пятого июня день рождения! Помнишь, я притащил в подарок здоровенный мяч, рук обхватить не хватало. У циркача выпросил.

– Ага и пел: «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик, тише, Танечка, не плачь, сдашь бутылки – купишь мяч!»

– Слушай, а ведь почти в это время был у нас в институте последний звонок...

В аэропорту среди астраханских степей стояло 23 мая 1998 года. А 25 мая 1979-го их пятый курс Казанского авиационного института, коротко – КАИ, огласил центр Казани колокольным звоном. Свобода! Позади девять сессий, штук сорок пять экзаменов, раза три по кругу загибай пальцы на руках и ногах – столько зачётов, курсовых, лабораторных ахнуло в историю...

Конечно, грусть-тоска имеет место: кончилась вольница, когда сам себе господин-хозяин по всем осям координат. Пару месяцев в году на сессиях поупирайся, между ними во-время с курсовыми, зачётами рассчитайся, где честь по чести сдай, есть возможность слукавить, использовать шпаргалки

или человеческий фактор – тоже пойдёт, победителей не судят. Ни о каких взятках преподавателям тогда и думать не могли. Самое большое – букет цветов от группы вручить преподавателю-женщине перед экзаменом, мол, мы вас особо уважаем, любим, будьте и вы снисходительны к нашим недоработкам. Технически вуз есть технический, особо не предашься лени, и всё же хватало времени на светскую жизнь: вечеринки, танцы, концерты, театры, свидания, гуляния до полуночи и дальше к утру... Бывало, в ресторан с друзьями... Родители далеко, пальцем не погрозят... А общага – дом родной, ночь-полночь примет, хлеба отыщет, чаем напоит.

И вот грянул последний звонок. Прощай свобода, пора подставлять шею под хомут – каждое утро к восьми на службу как штык, каждый день, хочешь, не хочешь, есть ли настрой или нет, будь на трудовом посту до самого вечера. Кончилась институтская вольница, когда есть настроение – идёшь на лекцию, нет вдохновения – можно повернуться на другой бок и спать дальше...

Но с другой стороны – сколько можно студенческую мелочь по карманам гонять, пора открывать дверь в большую жизнь, брать карьерные высоты.

Для Миши последний звонок надолго остался в памяти яркой вспышкой. Душа на крылах счастья взмыла в восторженные высоты и парила несколько часов кряду. Ничего подобного в жизни не случалось до этого. Спрашивал потом

ненавязчиво друзей, ту же Таню... Хорошо – да, весело – конечно, но чтобы восторг до седьмого неба... Мише будто витамин счастья вкололи.

Начался праздник общим сбором курса в актовом зале. Девчонки-заводилы выдали каждому герою торжества по рыбацкому колокольчику. Само собой, не с удочкой на берегу сидеть. И сувенир, и музыкальный инструмент праздника. С высоким голосом колокольчики тут же были опробованы – волна серебристого звона пошла по залу. Главный атрибут праздника – настоящий колокол – стоял на сцене. Свидетель многих последних звонков, он передавался по эстафете от выпуска к выпуску и голосисто служил каистам в заветный институтский день, оглашал Казань радостным звоном, возвещающая об окончании студенческой жизни.

На трибуну вышел Юрий Васильевич Кожевников, декан, заведующий кафедрой прикладной математики, доктор наук, профессор. Невысокий плечистый, всегда серьёзный, погружённый в себя он вдруг заговорил возвышенным слогом: – Студенчество – как белоснежное облако, сказочно проплывёт по жизни в солнечной выси и растворится за горизонтом... Лучшие стихи Александр Сергеевич Пушкин посвятил 19 октября, дню царско-сельского лица, годам сердечной дружбы, любви, весеннему разливу эмоций...

В высоченные окна актового зала вламывалось солнце, утро было в разгаре. Парни, девушки заняли все первые ряды, человек сто двадцать каистов-именинников сидели с ко-

локольчиками в руках, которые пребывали в нетерпении, просились в дело. Наконец на сцену вбежали два парня, продали круглый шест в ухо колокола, подняли его, водрузили концы шеста себе на плечи... Славно послужил когда-то колокол речному флоту, оглашая сигнальной музыкой просторы Волги-матушки, а теперь приватизированный студентами с гордостью носил звание главного колокола институтской жизни.

Рука звонаря на секунду замерла в театральной паузе, а потом дёрнула за верёвку, язык ударил о купол, раздался первый звук последнего звонка, а за ним грянуло многоголосое энергичное:

– Ура!!!

И зачастили, захлёбываясь от нетерпения, колокольчики, разом вознесённые над головами каистов.

Именинники высыпали на центральную площадь города. Звалась она редким по тем временам именем – площадь Свободы. Но времена были серьёзные: не шалтай-балтай-либералиссимус – никаких демонстраций, шествий, митингов. Подобные мероприятия проводились всего три раза в году – 1 Мая, 9 Мая и 7 ноября. И вдруг в будний день идёт несанкционированная толпа без флагов и портретов, зато радость через край... Надо сказать, не останавливала студентов милиция, не требовала прекратить безобразие, относились с пониманием – у студентов великий праздник. Кстати, никакой милиции и не было поблизости. У оперного театра стоя-

ла группа экскурсантов-иностранцев, похоже, западных немцев, им наговорили с три короба в родной ФРГ, дескать, в Советском Союзе строем все ходят, и вдруг из ряда вон выходящее явление социалистической действительности средь бела дня в городе, в котором имелись районы, куда им въезд категорически был запрещён.

День выдался высоким и безбрежным, он блистал солнцем, выгнутым небом, сочной листвой. Май передавал лету золотые, синие и зелёные краски, сверкающие молодостью. Под звон колокола, который торжественно несли в авангарде шествия, каисты двигались от одного здания института к другому. Корпуса исторически официально звались «домами», висели соответствующие таблички: «Первый дом КАИ», «Второй дом КАИ»,... «Пятый дом КАИ». На русском и татарском языках. Маршрут был проложен не в возрастающем порядке номеров. Ближайший от «Первого дома» (главного, в нём кабинет ректора) был «Пятый», оба на улице Карла Маркса. Начали с «Пятого» (главного для их факультета), затем направились в «Первый», громко прошли по коридорам (у ректора не стали отмечаться, пусть спокойно работает) и взяли курс в направлении «Третьего». По пути был «Четвёртый», но он не представлял интереса – не учебный корпус в полном смысле этого слова – в здании бывшей кирхи находилась институтская аэродинамическая труба. Закончили обход «Вторым домом», доставшимся институту от художественного училища, о чём говорила

огромная статуя Геракла, возлѣгшего во весь огромный, метра четыре, рост на невысоком постаменте в просторном вестибюле. Почесать пятку античному герою считалось хорошей приметой. По состоянию пятки читалось, каистам суеверие было не чуждо – чесали её студенты без усталости.

Ввалившись в очередной «дом», именинники не жалели глоток, кричали победные возгласы. Как же – первая и последняя возможность нарушить сумасшедшим «УРА!» тишину храма науки на законных основаниях, огласить стены, среди коих пять лет поджилки тряслись на экзаменах. А тут открывай ногой дверь в любую аудиторию, пусть там хоть сам ректор читает лекцию, и ори фирменный институтский лозунг: «КАИ – пуп Земли!» Кроме восторженных аплодисментов, другой реакции быть не могло. С завистью смотрели те (студенты), кому ещё предстояло не один год учиться до сумасшедшей свободы, с завистью смотрели и те (преподаватели), кому уже никогда не испытать её.

В садике Горького (в Казани скверы называются садиками) на лавочке сидел дедушка ветхого состояния, профессор Герасимов.

– Профессору Герасимову ура! – закричал кто-то.

– Ура! – подхватила толпа. – Ура!

Миша после третьего курса был на практике на заводе Электронных вычислительных машин, его заводской куратор, Александр Михайлович Тихомиров, поведал, как в начале пятидесятых годов сдавал математический анализ отцу

и сыну Герасимовым. Понятное дело, на экзамене студенты как разведчики в тылу врага, любая мелочь может выдать тебя, любая мелочь может выручить, посему зри в оба глаза, на ус мотай. Во время подготовки к ответу Тихомиров заметил – больше народу к отцу идёт, значит, сегодня добрее отпрыска. Понятно – к кому пошёл сдавать студент. Ответил по билету. Начались дополнительные вопросы. Сын-профессор тоже подошёл.

– С двух сторон как зажали в тиски! – вспоминал Тихомиров. – Как давай по всему курсу гонять. Запудрили голову, а я полночи не спал, последние лекции читал, разволновался. И понёс на автопилоте отсебятину. «Хватит! – сын резко тормозит. – Три разделить на два сколько?» Совсем, думаю, за долбика считают. Ведь не делится. И ляпнул: «Три на два не делится!» Да с вызовом, дескать, нечего из меня принародно дурака делать. Отец Герасимов как шарахнет кулаком по столу: «Издваться надо мной – советским профессором! – вздумали?» И с неудом выгнал.

Отец давным-давно умер. И сын уже не читал лекции. А были они дореволюционной школы. С каким уважением раскланивались при встрече со своими даже самыми желторотыми студентами. Если, выходя из института, Герасимов (и один, и другой) в дверях сталкивался со студенткой – не только галантно придерживал дверь, пропуская слабый пол. Это само собой. Он возвращался через весь тамбур до внутренней двери, чтобы открыть её перед барышней. Только по-

сле этого выходил из здания. Мише доводилось наблюдать этот, как он считал тогда, «музей».

Герасимов со скрипом поднялся с лавочки, поклонился орущим студиязам.

У «Второго дома» встретили профессора Банникова. Экономисту читал.

– Банникову ура! – раздался из толпы студентов возглас.

– Ура! – с радостью подхватила толпа.

Банников шествовал с молодой женщиной, засиял довольный.

Но студенты не могли не отмочить номер.

– Мунчанникову ура! – выкрикнул из толпы провокатор.

– Ура-а-а! – взорвалась с ещё большим энтузиазмом толпа.

Баня по-татарски – мунча. В студенческом переводе истинно русская фамилия приобретала местный колорит. По аналогии преподавателя Рахматулину звали за глаза Спасибочкина, так как спасибо по-татарски – рахмат.

Банников-Мунчанников был человеком с юмором. Расхотался и погрозил пальцем озорникам.

Часа два каисты оглашали победным звоном славный град Казань, улицы Горького, Толстого, Карла Маркса. Закруглили звонкий маршрут у своей общаги под номером один, расположенной на Большой Красной. Расходиться не хотелось. Ой как не хотелось, так бы и ходить и ходить. Кто-то крикнул призывно:

– Айда в ресторан!

Тут же нашлись скептики – белый день на дворе! Однако не окончательные скептики, за вечерний ресторан проголосовали единогласно. Скинулись по десятке, хорошие деньги для того времени, это уже с коньяком. Девчонки-заводилы взяли на себя оргзаботы по увеселительному объекту.

Миша поднялся в свою комнату на четвёртый этаж, упал на кровать, закрыл глаза, душа взмыла и полетела по только что пройденному маршруту, повторяя пережитое...

Застольная часть последнего звонка праздновалась в ресторане «Лето», что расположил свои увеселительные площади в парке имени Горького. Там-то и познакомился Миша с Татьяной. Пять лет учились в параллельных группах, сотни лекций в одних аудиториях прослушали, но... Зазвучало танго, да не вовремя – у Миши полон рот азу по-татарски. Только в те весенние годы гастрономические радости были не на первом месте, в темпе прожевал, окидывая взглядом стол – с кем танцевать? Вблизи одна Татьяна. Так вышло: за пять лет ни миллиметра взаимного интереса. Ни личного, ни безличного. Кроме дежурных «здравствуй – здравствуй» – никаких контактов за все годы. А тут делать нечего – пригласил Татьяну. И сходу удивил её, определив духи, которыми благоухала сокурсница:

– «Клема» ведь.

– Ну, ты даёшь! – улыбнулась Татьяна.

Дорогущие, едва ни всю стипендию угрохала девушка на

первые в своей жизни французские духи. Тогда не знали, что такое контрафакт ни в магазинах, ни в аптеках – настоящие французские, сказочного аромата. Продавали «Клема» всего лишь одном магазине на улице Баумана.

К следующему танго Миша поторопился с жеванием, ускорил работу челюстей, дабы Татьяну не увели. Потом было провожание по ночному парку, гуляние по городу. В Казани светает рано, астрономическое время неподвластно декретному, по последнему ещё ночь, а солнце по первому восходит, к Таниному дому подошли в четвёртом часу, уже за-светло.

И вдруг начали в подъезде обвальню целоваться. Миша плюнул на мужское самолюбие, которое часа два опасалось получить щелчок по носу: «Ты что?! Мы ведь товарищи!»

Столько времени потеряли...

– Ты такой ласковый! – шептала Татьяна.

И снова губы сливались на долгие-долгие минуты.

Было нежно, красиво, романтично и...

Уснули под утро, и вдруг звонок. Теперь уже не последний, из разряда дверных.

– Отец, – сказала Таня.

– Что делать? – ёкнуло сердце у Миши.

– Разоспались мы с тобой. Спокойно, я сейчас открою. Он никогда не заходит ко мне в комнату. Это исключено. Лежи тихо, папа уснёт и уйдёшь.

Таня накинула халат, выскользнула за дверь и тут же вер-

нулась с Мишиными туфлями, сунула их под кресло. Ободряюще улыбнулась, снова исчезла.

– Доброе утро, – раздалось в коридоре

– Доброе! Я ещё посплю.

– Хорошо, Таня.

Миша оглядел комнату, в углу стоял полномасштабный трёхдверный шкаф, может быть даже дубовый. «Вот где можно залечь», – весело подумал Миша и вспомнил дальнего родственника дядю Митю.

Таня вернулась, плотно закрыла дверь за собой. Легла в халате рядом.

– Папа у меня интеллигент, – зашептала прямо в ухо, – не хуже профессора Герасимова, хоть и рабочий, но тоже профессор в своём деле и заслуженный рационализатор. Я чуть подросла, он перестал заходить ко мне в комнату. Класа с четвёртого.

Они тихонько поднялись, оделись, в квартире стояла тишина.

– Уснул, – шёпотом сказала Таня, – он с ночной смены.

– А мать где?

– В Ленинграде у сестры.

Наконец, они выскользнули из квартиры.

– Провожу тебя до остановки, а потом в магазин пойду.

Миша, хохоча и дурачась, рассказал о дяде Мите.

Сельский родственник дядя Митя был фронтовик, с войны вернулся в двадцать один год, с руками и ногами. А в се-

ле одни женщины. Пользовался успехом. И они у него. Война уже лет пятнадцать как закончилась, но взаимные симпатии не ослабевали. Миша любил дядю за весёлый нрав, всегда с улыбкой, всегда на позитиве, любил повторять «живы будем – не помрём» и говорил частенько «ёк-мокарёк». От Миши никогда не отмахивался, катал на мотоцикле, на лошади, брал с собой на рыбалку, одним словом, классный дядя. И жена его, тётя Вера, тоже хорошая. Поила парным молоком, нальёт стакан, Миша выпьет одним махом, рукой губы вытрет:

– Ещё, – засмеётся тётя Вера.

Миша головой мотнёт и второй стакан, теперь уже не торопясь, опорожнит.

Тётя Вера увлечения дяди Мити женским полом не разделяла. В тот раз ей донесли: муж к почтальонке нырнул.

Тётя Вера схватила Мишу за руку, тому шесть лет тогда было.

– Пошли за этим шельмецом!

Тётя Вера летит как на крыльях, Миша едва за ней поспевает.

Залетели во двор к почтальонке.

– Зови громко дядю! – наказала тётя Вера.

Решила племянником устыдить мужа. Миша давай звать:

– Дядя Митя! Дядя Митя!

На крыльцо выскочила почтальонка:

– Ты что ребёнка приплела? – пошла в атаку.

– Где он?

– Нет никого!

Тётя Вера отстранила соперницу и, таща Мишу за собой, влетела в рублёные сени. И уже собралась открывать входную дверь в дом, но вдруг женское чутьё бросило к двери в кладовку, рванула ручку на себя, а там...

– Дядя Митя? – удивлённо произнёс Миша, увидев пропавшего.

На что обнаруженный бросил руку к виску, хотя был без головного убора, браво представился:

– Дядя Митя – это я!

С тех пор его частенько звали в деревне «Дядя Митя – это я». Прилипло прозвище. Ни дядя Митя, ни Миша, ни тётя Вера не распространяли по селу эту историю. Почтальонка мстительно разнесла, рассказывая всем подряд, как «Верка бежит за своим Митькой, который ей (почтальонке) даром не нужен, попросила мужика радио починить». И добавляла при этом: «Кого просить-то мне, Верку что ли?»

– Ты что, ничего не понимал, когда звал: «Дядя Митя!» – смеялась Таня, слушая рассказ.

– Я ещё в школу не ходил. Тётя Вера сказала: «Водку у почтарки опять пьёт, а ему нельзя – контуженный». Я и шёл вызволять дядю Митю из водочного плена.

...Закружила их чувство. В июне была последняя сессия. Прошла в полусне. Каждый вечер ехали на электричке на дачу к Тане, чтобы за полночь вернуться в Казань на попутках,

ухватить немного сна: Тане – дома, Мише – в общежитии, а днём снова сидеть вместе в читальном зале над конспектами с одним желанием: скорее бы вечер.

Оно, само собой, дело молодое. Тем более, герои уже не в возрасте Ромео и Джульетты. По двадцать два года обоим. Но жениться Миша не хотел. Любовь любовью, а, казалось, куда спешить. Тянуло к Татьяне. Ох, как тянуло. Она писала диплом в Казани, он – в Омске, куда получил распределение. Заваливали друг друга письмами. Два раза Миша прилетал в Казань, один раз – Татьяна в Омск.

Но в плане женитьбы Миша уклончиво предложил, когда получили дипломы:

– Давай подождём.

– Долго? – спросила она.

– Давай подождём, – уклончиво ответил он.

Татьяна обиделась. И через полгода выскочила замуж. Так сказать, назло бабушке отморожу уши.

Миша женился через два года. Особо не жалел, что с Таней не получилось. Первые годы отлично жили с женой. Однако когда летел в Казань на встречу с однокашниками на десятилетие после выпуска, страшно захотел увидеть Таню... Прошлое накрыло волной светлых воспоминаний... И захотелось повторения пройденного...

Но, будто специально, Таня уехала в те дни в командировку.

Прошло ещё восемь лет и, казалось, всё перемолола суе-

та и кутерьма перестроечной жизни. Но оборвалось сердце (будь оно неладно) при встрече у туалета. Оборвалось и одно, и другое...

С женой Миша пять лет назад развёлся, Таня мужа похоронила.

– Позвоню, – сказал Миша.

– Буду ждать! – Таня воздушно провела Мише пальцами по щеке.

– Поцарапаешься! – засмеялся Миша и заспешил к самолёту.

Под крылом самолёта ничё не поёт

Вернулся в лайнер с размякшей душой, тут же лирический настрой был разрушен самым прозаическим способом. Боря-волейбол снова озвучил требования летунов о двухстах долларах с каждого пассажира:

– Ребята, если мы через двадцать минут не соберём, никуда не улетим.

– Не надо сказок и стихов про серого волка! – отмахнулся торговый народ.

– У пилотов восемь бутылок коньяка, – предупредил Боря, – одну при мне разливали. Скоро будут никакущие.

– Не три по ушам! – бросил кто-то.

Ой, как не хотелось расставаться с долларами.

Но Миша понял – придётся. В астраханском туалете, где мечется чёрная икра, штурман их шопрейса тоже покупал продукт царских столов. Когда ставил банку с продуктом в сумку, в ней ошетибилась батарея коньяка.

Не успел Миша об этом сказать, включилась громкая связь:

– Господа, – сказал не совсем твёрдый язык, – вас приветствует командир самолета, под крылом которого пока ничё не поёт...

– Точно принял.

– Картину гонит.

Гнать не сложно, но за годы коммерческого опыта приобрёл Миша немалый стаж общения с авиацией. В том числе и застольного общения. Да не с чаем в стаканах, вне зависимости от того – земная твердь или небесные просторы под ногами и крылом.

Первый раз столкнулся, когда везли после растаможки из того же Сочи товара «хренову гору», как говорил один из Мишиных коллег по торговому бизнесу. Для чего пригнали дополнительно к Ту-154 грузовой Ан-12. Миша с Геней Сватовым полетели на нём.

Между кабиной пилотов и грузовым отсеком маленький тамбур. Со столиком, за которым чудненько расположилась наша парочка. Самолёт летит, пропеллер крутится, а значит, что? А значит, делу время, потехе тоже надо уделить внимание. Выпили под шум моторов пару бутылок вкусного вина «Южная ночь» и решили подремать.

Вдруг Мишу в бок Гена толкает. Миша открыл глаза, и стало ему не до сна. Пилоты занимаются тем же самым, чем пассажиры заполняли свободное время полчаса назад. Только «Южной ночи» в два раза больше.

– Сколько их в экипаже? – шепчет Миша.

– Вроде, четверо.

– Мужики, а кто самолёт ведёт? – спросил Миша.

– Автопилот!

Гена сунул голову в кабину. И вправду никого у штурвала.

– Да вы отдыхайте, мужики, – смеются пилоты, – до Омска

лететь и лететь. Присоединяйтесь.

– У нас своё есть!

– Доставайте.

Гуляют пассажиры с пилотами. Миша осмелел, как-никак авиационный институт окончил. Хотя и далека от летательных аппаратов специальность, всё одно романтика неба влекла.

– Командир, а порулить можно? – спросил.

– Рули. Делов-то.

Зашёл в кабину. Впереди чёрное небо, звёзды, облачка редкие внизу. Взял в руки штурвал, он как живой. Представил себя Экзюпери в ночном полёте. Когда-то зачитывался им. По несколько раз перечитывал «Ночной полёт» и «Планету людей».

Минут через десять заглянул второй пилот.

– Только резко ничего не дёргай, – попросил, – а то по-настоящему придётся рулить.

А потом Миша завёл коммерческую дружбу с одним авиаотрядом. Взаимовыгодно немало рейсов с товаром сделали. И пообщались заодно в разной обстановке. Знал Миша, как пилоты на работе не пьют. Не пьют они, не закусывая, а закусывая – с большим удовольствием...

«Миша, – пояснял пройда Гоша-пилот, – при отлёте из дома мы проходим медицинский контроль, а на трассе кому нужны? Приземлились – хорошо. Разбились – медицина бесполезна. Значит, не умеешь пить!»

Услышав дикцию командира, Миша сказал сотоварищам:

– Надо быстрее сбрасываться и взлетать, пока их не развезло.

Через пять минут Боря-волейбол понёс пилотам доплату.

Заревели моторы, командир опять громкую связь включил, теперь по другому поводу:

– Мужики, собрались по-взрослому и все в хвост, в туалеты забейтесь! Из жадности, едри её в кочку, перелили горючее: перегруз, центровка нарушена, не взлетим. У меня штурвал до пупа, мне даже второй пилот не поможет его наверх вытащить.

– Толстые в первую очередь идут! – командовала броском в места общественного пользования изящная стюардесса. – Худые следом!

Не сразу перецентровка с использованием туалетов помогла. Самолёт, дрожа от напряжения, неся по взлётке, никак не мог оторвать шасси от бетона в сторону неба. «Давай, родненький, давай!» – повторял про себя Миша. Наконец гул изменился, шасси оторвались от земли края сладких арбузов, лайнер устремился в сибирские дали.

– Кому памперсы менять, за мной! – великодушно пригласил Боря-волейбол. – Ради такого случая угощаю! У меня винишко хорошее есть.

Миша сел в кресло и вдруг начал сочинять письмо Тане. Описывать после институтскую жизнь.

Но предать бумаге устное сочинение на тему мемуаров не

получилось. В Омске навалилась суета – товар распихать, долги отдать. Тем не менее двадцать пятого июня в ноль-ноль часов по казанскому, в три по омскому времени зазвонил телефон у Тани в изголовье.

– Ах, краса моя, Танюша, поздравления послушай! – раздался голос Миши в трубке.

Полтора часа они будут говорить-говорить-говорить. И условятся на бархатный сезон поехать вместе на Кипр.

– Тогда и подарок с меня! – пообещал Миша.

«Мечты, мечты, где ваша сладость? Пришёл дефолт – осталась гадость!» – скажет в Нью-Йорке на эту историю Антон Хохлов...

Под боком у Ниагары

С Валерой Собачкиным Миша пять лет жил на одной площадке. Валера из племени инженеров, а также большой любитель порассуждать за жизнь. Столкнулись на вокзале, Валера доложил:

– Всё также в конструкторском бюро небо копчу. На бизнесмена я натурой не вышел. Мама с папой не так воспитали. Знаешь тест – годишься ты дела денежные проворачивать или век в наёмных работниках пребывать? Назанимай у близких друзей денег, а как начнут приставать, посылай по матушке по Волге. Нет и всё. Будут – отдам, а сейчас откуда их вам рожу?! Хватит наглости – куй деньги, нет – сиди на бобах. Брать долги да отдавать – никогда богатым не бывать. Лично я даже не пытался проверяться на этот тест...

Посмеялся Миша над домотканой теорией, да только намёк в сказке был. Ехать в США на заработки думать не думал – Тонька Сошникова сбила. В лучшие, додефолтовские, времена в шоптуры случалось в одной группе ездить. Бабёнка хваткая, своего не упустит, а то и чужое прихватит. С её мужем Миша встретился на станции техобслуживания. Ладненький пузанчик, этакий Афанасий восемь на семь по имени Лёва. Из тех трудяг, по характеристике самой Тоньки, без пинка шага не сделает. Тонька крутилась как белка в колесе, а он лишь встречал её на машине из поездов.

– Где твоя Тонька? – спросил Миша, – давно что-то не видел её.

Сначала Лёва крутил, мол, на север подалась, а потом со-знался – в США супруга умотала. Только, дескать, просила не распространяться о своём местопребывании.

Мише без разницы, пусть хоть в Антарктиде зарабатывает.

На другой день сама Тонька из-за океана в телефонной трубке заворковала. Никогда с ней особо не знались, совместных дел не вели. Тут болтает без умолку и десять минут, и двадцать. Удивился Миша, это какие деньги надо зарабатывает, чтобы запросто тратится на пустопорожний разговор? Обычный трёп об общих знакомых. Через пару-тройку дней опять на проводе. Про житье-бытье импортное молотит и вдруг приглашает на работу в США. Какого-де лучшего в России после дефолта торчать, надо зелёную капусту на месте её произрастания рубить.

Недели не прошло – снова звонок. Давит Тонька на мозоль: приезжай! Ты, напирает агитацией, рукастый и головастый! Тут мужики из себя ни украсть, ни покараулить по десять-двенадцать долларов в час зарабатывают. Поёт соловьём медовые песни.

Дефолт Мишу хорошо приголубил. Миша кредитов набрал в надежде на крутые прибыли. И вдруг как выразился Боря-волейбол: государство кинуло на борт рёбра считать. Кредиторы – люди серьёзные, по рецепту Собачкина не

пошлѐшь по Волге-матушке. Продал Миша джип, квартиру двухэтажную. Гол как кол не остался, на хлеб с колбасой зарабатывал. Но бизнес резко снизил обороты, одна суета-маета, где раньше пачку долларов держал, рублей столько не выходило. И в перспективу глядеть не хотелось – одна мелочѐвка на горизонте.

После встречи в астраханском аэропорту с Таней, была мечта открыть на пару с ней новый файл жизни. Может, в Омске, а то и в Казани. А так как не по двадцать лет в паспортах у молодожёнов, надо что-то иметь в кошельке, мечтая о красотах будущего житья-бытья. И зарабатывать, пока есть порох в пороховницах...

А пока имеется в наличии, почему бы не стонять в США. Устроить заграничную шабашку. Схема заброски была отработана. Турфирма в Омске, у которой в американском консульстве имелись связи, набирает группу, помогает обзавестись липовыми документами, по ним у туристов железобетонные якоря в России: недвижимость в два-три этажа, должности высокие, заработки солидные. Все летят на пару недель оттянуться в свободной Америке. У каждого обратный билет в кармане, чтобы дня лишнего не задерживаться сверх визовых границ. На самом деле, когда приходит время увозить туристам впечатления домой в Россию, тащить этот бесценный груз через океан груз некому. Группа до единого растворяется в штатах. Туристы переходят на положение подпольщиков, иммигрантов-нелегалов.

– Полиции до фонаря, есть у тебя гражданство или нет, – разъясняла Тонька по телефону. – Мы для них рабсила на чёрную работу. Безработные не будут за десять долларов в час горбатиться. Оно им надо. У них пособия, социальные защиты. А кому упираться? Таким, как мы. Полиция это, как ясный день, знает. Ты не лезь в бутылку, не скандаль в общественных местах – никто тебя не тронет.

И Миша засобирался. Как только посвятил Тоньку в заграничные планы, она принялась слёзно просить помочь уехать мужу.

– Да запросто, – сказал великодушно.

А потом в голове срослось: Тонька хитромудрая агитировала с одной целью – на Мишиных плечах мужа в США вытащить. У Лёвы и денег не было, и Тонька далеко, пинка дать некому, сам не станет суетиться с оформлением.

Миша деньги занял, с бумагами помог. Тонька долг сразу вернула, и тут же свинью подложила. Омская турфирма, которую Тонька насоветовала, гарантировала трудоустройство, если даёшь сверху триста долларов. Миша от данной услуги отказался, зачем, если Тонька обещала трудоустроить.

– Железобетонно работа будет! – гарантировала.

И свела в Нью-Йорк с агентом, с которого, само собой, за Мишину голову что-то поимела. За здоров живёшь такое не делается.

– Отель «Хилтон», – запел при знакомстве чернявенький с оттопыренными ушами агент. – Заработок от тысячи двух-

сот до тысячи шестисот долларов в месяц, это без чаевых, плюс чаевые баксов двести. Хорошие деньги. И всего-то час езды до Ниагарского водопада. Каких-то девяносто миль и чудо света!

Тонька со своей стороны подпевала чернявенькому с ушами-локаторами:

– Не надо работу искать, на биржу бегать.

Тогда как мужа Лёву к Ниагарскому водопаду за большими деньгами не отправила, оставила у себя под боком.

До того «Хилтона» добирался Миша автобусом. Сине-белым огромным снарядом летел он по идеальной автотрассе. За окном проносились некиношные Соединённые Штаты. В детстве Миша, глядя на карту, пытался представить континент с прериями, мустангами, реками с золотым песком, Ниагарой... И вот едет жить в плёвом расстоянии до ниагарского чуда природы. Это, как говорится – с ума облокотиться, жить от Ниагары на расстоянии, как от Омска до Саргатки. И дорога не сравнить.

Будущее виделось радужным, подзаработает да вызовет Таню хотя бы на недельку, вместе поедут на Ниагару... Когда-то мечтали сесть на теплоход в Казани поплыть в двухместной каюте куда-нибудь в Ульяновск или даже в Астрахань. Но даже в Чебоксары не получилось...

Стеклобетонная коробка «Хилтона», этакая сверху донизу и снизу доверху зеркально сверкающая громадина, выглядела впечатляюще! Внутри, правда, господствовала дурно-

вкусица с балдахинами, с рюшками на одеялах и подушках...

Ну да наплевать, где доллары ковать. Впрягся Миша в импортную шабашку. А вскоре дедуктивным методом и на своей шкуре потихоньку начал распознавать картинку теневого бизнеса, в который Тонька его втравила на должность низового рабзвена. Ниже не было.

В сеть известных на весь мир отелей была вплетена мафиозная сеточка с привлечением нелегалов. Грех не заработать на дешёвых руках, понаехавших из России. Старая ли мафия подсуетилась, или на волне перемен новая возникла – это Миша со своей кочки зрения знать не мог, дальше своей бригады мало что видел.

В бригаде тридцать пять русских нелегалов. Смотрящие Лёня с Борей – Лёсик и Борисик. На кого работала эта сладкая до тошноты парочка – неизвестно. Экземпляры ещё те... Позже в Нью-Йорке Миша постоянно имел дело с контракторами, то бишь – работодателями. Один раз попался поляк, один – румын, остальные – русские. Контрактор где по газетам, где по другим каналам находит работу и под неё подыскивает исполнителей. Всё просто и красиво.

Русский контрактор – всегда еврей. Из той волны, кто в восьмидесятых уехали в США. Выдавая себя политэмигрантов, дескать, были гонимы в ненавистном Советском Союзе, быстро получили гражданство, могли официально заключать договоры на работу. Спрашивается в задачке, зачем самому упираться, когда нелегалы в очередь стоят. Никто из

контракторов не бил себя в грудь: я – диссидент. Чё врать бестолку. Только Лёсик с Борисиком напирали на политическое инакомыслие. Дескать, страдали от советского империализма в борьбе за свои права.

Новичкам, с которыми Миша приехал, прав не оставили. Сразу провели инструктаж: здесь вам не СССР с профсоюзами и парткомом.

– Вы обязаны полгода отработать! И не вздумайте делать ноги! – пугали. – До Нью-Йорка не доедете, у нас в полиции всё схвачено! Стопорнут на дороге, а вы никто! Будет вам викидос из страны ха милую душу.

Часто давали устрашающие напутствия. Миша и не думал делать ноги. Обещанная сумма за полгода вполне ничего. Можно и потерпеть. Где наша не пропадала.

Оказалось – наша пропадала везде.

Должность Мише досталась громкая – хаускипер. В переводе на русский язык – горничная, а точнее – уборщица. Четырнадцать-пятнадцать хилтоновских горниц в день надо привести в полный порядок.

«Технология работ высшего образования не требует, – рассказывал Миша. Пыль во всех углах протри, постель перестели. Халаты, полотенца – ручные да ножные – поменяй, разложи. Чайники, кофейники перемой, пакетики чая, кофе куда надо сунь. Покрытие напольное пропылесось. Ванну до блеска доведи, а уж унитаз – чтоб жилец вместо зеркала мог физиономию свою разглядывать. Не моги пятнышко микро-

скопическое в ночной вазе оставить. В горшок проверяющие первым делом нос совали, будто главный атрибут номера. Помыл туалетный агрегат – аэрозолем по чаше пройдишь. Жидкость – зверь, все налёты сжирает и пахнет вкусно. Да не тот аромат, которым дыши да радуйся. Наоборот – варезку не разевай. На кислоте коктейль замешан. Я с непривычки нахватался аромата, две недели горло свербило. И руки береги, перчатки не ленись натягивай, на кожу попадёт, тут же язвочками обсыплет».

На номер отводилось полчаса. У американцев призыв «Цени труд уборщицы» не в ходу. Их кредо: деньги плачу – что хочу, то ворочу! Наш человек душ примет, тела вытрет полотенце куда? Из десяти девять – на крючок водрузит. Американец из десяти одиннадцать – под ноги или в ванну с водой швырнёт. Наплевать на неудобства горничной. Журнал почитал – на пол, газету посмотрел – туда же... Конфетку зажевал, фантик куда попало. В постели презервативы использованные... Пока номер уберёшь – спина в мыле. Надо быстро всё сделать, перекуривать некогда.

Зато когда выезжает постоялец из гостиницы, непременно чаевые оставляет хаускиперу. Дескать, виноват, получите компенсацию за свинство. Хоть доллар, но оставит. Американцы в своей массе прижимистые, удавятся за цент, в данном случае жадничать – себя не уважать. Примите со щедрого американского плеча. Иной раскуражится – пять оставит. Однако хоть и обещал ушастый агент в Нью-Йорке чаевые

сверх основного заработка, этот калым шёл исключительно в бюджет афроамериканцев, привычнее – негров. Мише в карман редко попадал.

Утром на разводе хаускиперам раздавались листки с указанием объектов трудового фронта. Командовал старший по этажу – супервайзер. Данные должности занимали, как говорили русские гастарбайтеры – чернилки. В переводе с шовинистского жаргона нелегалов – негр женского рода.

По-русски супервайзерихи ни в зуб ногой. Да и зачем ей язык Пушкина, хоть великий поэт имел африканские корни, молчком черкнёт на литке столбик номеров – иди, работай. А сама губищами своими посмеивается от удовольствия. А что ей плакать, левые доллары приятно оттягивают карман – утро прошло не зря. Этаж оперативно прошерстила, освободившиеся номера на наличие чаевых проверила.

До русских негры номера убирали. Их чернилки не обжуливали. С приходом на самую низовую работу нелегалов, хаускиперы-негры пошли на повышение: кто в прачечную, кто ещё куда. Тут-то супервайзерихи пошли марадёрничать. Негр чикаться не будет, отвесит оплеуху за воровство, а у русского никаких прав – грабь средь бела дня и с утра пораньше.

Бывало, Миша идёт за разрядкой, а старшая летит по номерам. Негритянки дамы, как правило, дородные, целлюлит трясётся на боках, пятки цветные сверкают...

«Чтоб ты поскользнулась да растянулась!» – не по-хри-

стиански пожелает Миша грабительнице.

Да не всё чернилкам масленица, случались постные дни. Постоялец, если он без фантазии, банально оставит на видном месте доллар, от сердца оторванный. Бери и радуйся щедроте американской души. Другой творчески к чаевым подойдёт, ему выпедрёж подавай. Сунет под подушку, дескать, без труда не вытащишь букашку из пруда. А то и совсем шутник – сыпанёт горсть мелочи под одеяло. Простынь сдёргиваешь, а с неё монеты веером... Бывает, на крышку унитаза положит...

Выдумщиков Миша очень уважал.

Супервайзерихи знали повадки постояльцев. Заскочит в номер: на тумбочке – нет, под подушкой – нет, в шкафу – нет. Где он, где заветный доллар? Должен быть родненький! Должен! Мечется из угла в угол, да время ограничено, следующие номера ждут грабителя...

Запрятанные доллары доставались русским.

Был другой вариант в пользу их кошелька. В разрядке номер для уборки указан, да на двери табличка «Не обслуживать». Постоялец вещи собирает, вот-вот освободить номер, откроет доступ к чаевым, но пока не кантовать.

Тут и начинается соревнование: кто кого – русский или афроамериканец чернильного цвета? Каждый сторожит, когда жилец перестанет быть таковым, обеспечит доступ к доллару.

«Чернилка из своего угла стрижёт глазом, – рассказывал

Миша, – но и я начеку, соседний номер убираю, а сам жду момент икс, слушаю, что в коридоре творится, выглядываю время от времени, оппа – дверь открылась, жилец с чемоданом появился, я шукой из-под берега вылетаю, он шага не успеет сделать, я уже с долларом в кармане. Бывает, сразу два номера освобождаются. За двумя долларами погонишься... Но русские тоже не дурнее негров. Мгновенно вешаю на одну дверь табличку “Не обслуживать”. Старшая думает, чаевые в стадии созревания, а они уже под моим контролем».

Условия труда без охраны последнего. Условия жизни без хилтоновского комфорта. Бизнес у диссидентов Лёсика с Борисиком теневой, поэтому, замечая следы от полиции, бригаду держали у чёрта на куличках от рабочего места – в трёх часах езды. Бока отлёживать не приходилось, в четыре утра труба играла «подъём» – зубы почистил, физиономию сполоснул, побрился, что-то пожевал, запрыгнул в спецавтобус, досыпай в пути. В восемь утра нелегал должен приступить к производственным обязанностям. Восьмичасовой рабочий день, но случались авралы: массовый наплыв постояльцев или наоборот – поголовный отъезд. В таком разе оставляли ещё на четыре часа номера убирать. Сверхурочно отработаешь, пока то да сё, и только в одиннадцать вечера отъезжали на ночёвку, в два прибывали на базу, а в четыре опять вскакивай. С таким графиком о какой охране труда может быть речь?

Но каждый час работы грел Мише душу – капают долла-

ры! Капают зелёные! В конце-то концов, не всю жизнь он будет ишачить в «Хилтоне», можно какое-то время потерпеть за бумажки с физиономиями американских президентов.

Месяц прошёл, Лёсик с Борисиком начали считать, что из заработанной портретной галереи минусовать. За бензин – раз, на зарплату водителю – два, жильё, кормёжку – три, четыре, пять...

Бухгалтерия сама что ни на есть капиталистическая. Карл Маркс говорил: капиталист на любое преступление пойдёт, даже грозящее виселицей, если триста процентов прибыли ему светит. Лёсик с Борисиком на уровень виселицы не выходили, но расстреливать их можно было – беззастенчиво лезли в карманы нелегалов. Сладкая диссидентская парочка не посвятила бывших земляков в нюанс, что негры-хаускиперы по двенадцать долларов в час получали. Наши сами разузнали эту информацию но, логически рассуждая, решили: раз им по пять с половиной долларов в час, значит, разница уходит на жильё, кормёжку так далее.

Питание в рабочие дни было двухразовое в форме шведского стола. Мясные блюда – пожалуйста, овощей – завались, также фрукты, торты, пирожные... Есть где повеселиться!

Порезвились в первые дни, уплетая за обе щеки, потом пригляделись на происхождение разносолов и аппетит пропал. Гостиница деловая: съезды, симпозиумы, другие тусовки... Без банкетов не обходятся. Кто, дорвавшись до стола, как дурень на поминках – в два горла набивает желудок, дру-

гому кроме бутылок с выпивкой ничего на дух не надо. Салатик клюнул, яблочко хрумкнул... Куда остатки девать? Правильно – шведский стол из американских объедков. Чем в таз – лучше в вас. Хаускиперы и другая обслуга не даст пропадать продукту – стрескает.

Верная примета нелегала: если сегодня с банкетного стола в столовую носили, завтра это будет на шведском столе.

Пару слов о жилищных условиях нелегалов. Само собой, собираясь на заработки в США, на отель со звёздами только самые наивные рассчитывали. Но и самые трезвомыслящие не думали, что попадут в апартаменты, которые предоставила диссидентская парочка. «Пятнадцать человек на сундук мертвеца», – поётся в пиратской песне, у нас пятнадцать мужиков на трёхкомнатную квартиру. Трёхкомнатная, это по советской классификации. По американским – двухкомнатная. Они спальни считают. Лёсик с Борисиком, как выходцы из СССР, проходную приплюсовали, спальню в ней сделали. Отдыхайте, земляки. Правда, вместо кроватей – надувные матрасики впритык на полу набросаны. Простыни были, тут грех жаловаться, подушка считалось у Лёсика с Борисиком роскошью. Под голову можно и сумку положить. Зато кондиционер обязательно. Без него летом смерть, а с ним береги поясницу – по полу ледяной холод шурует.

Аренда апартаментов восемьсот долларов в месяц. Это нелегалы быстро разузнали. Диссидентская парочка с каждого нелегала по сто пятьдесят баксов высчитывала. На всём

объегоривала земляков.

Два раза при Мише случалась команда:

– Полундра! Матрасы сдуть, пожитки в охапку, эвакуация. Делаем ноги от полиции.

Ночь в автобусе перекантовались, только под утро в свои апартаменты вернулись, но не спать – сумки бросили и на трудовые подвиги в «Хилтон».

– У нас тоже жизнь не малина с сахаром, – пожаловался как-то Мише Лёсик. – Но веди надо землякам помогать.

Помогая не скупилась на поборы. По триста долларов сминусовали с каждого земляка за трудоустройство и четыреста – в страховой фонд. Вдруг хаускипер повредит гостиничную матчасть. Зеркало лбом расколотит, дверь с петель ненароком сорвёт, ещё что-нибудь накосячит. На погашение убытков – специальный фонд. Но всё по-честному, пообещала сладкая парочка.

– По чесноку, – сказал Лёсик, вспоминая сочное словечко из советского прошлого, – до последнего доллара получите из страхового фонда при полном расчёте через полгода.

«Лохотрон! – сделал вывод Миша. – Работаем, как лошади, а получим, как ослы».

По его радужным подсчётам – номеров за первый месяц наубирал на тысячу триста долларов. Самое скромное – тысяча двести. На Ниагарский водопад думал с получки съездить. Устроить праздник души. С первого класса в голову запала картинка из книжки: падает высоченная стена воды

и несёт на себе бочку, в которой, согласно надписи под картинкой, смельчак сидит. В бочку запаковываться Миша не собирался, со стороны хотел глянуть на чудо природы! Да и как не побывать в известном на весь мир месте, если тебе добраться туда – раз плюнуть!

Если, само собой, заработал на раз плюнуть.

Миша видел видео экстрима, на прогулочном пароходике подвозят к водопаду. Шум падающей воды, брызги на тебя дождём – красота.

Выдали диссиденты по двести долларов на брата. С таких доходов бешеных о какой Ниагаре с бочкой и подходом впритык к водопаду на прогулочном пароходике может быть речь! Впору банки из-под пива собирать на прокорм. Был у двух коллег из бригады баночный бизнес на досуге. В США институт жуликоватых приёмщиков тары и металла ликвидирован как класс. Автоматы взамен. Кидаешь пустую баночку, тебе в ответ десять центов. Курочка по зёрнышку, нелегал по баночке.

Вариант покорения Америки банками с цветметом Миша отверг.

«Козе понятно, – делился он пережитым в заокеанских далях – Лёсику с Борисиком и через полгода не резон отпускать дармовую силу, что-нибудь придумают, чтобы удержать нас, а если и отпустят, заплатят крохи. А то и вообще исчезнут в последний момент. Гнилая парочка. Я принялся мозги раскидывать на предмет побега».

Ночной побег

А как бежать? Не в чеченском зиндане на цепи сидишь, но тоже капкан. Глубинные штаты. Основные населённые пункты в округе – этакие деревни по-американски. Несколько двух или трёхэтажек стоит, в центре бассейн. Мишина бригада в таком посёлке обитала. Рядом идеальная дорога, машины так и мелькают, и автобусы междугородние летят. Казалось бы – проголосуй, руку подними и езжай с ветерком куда хочешь. Да не тут-то было. Ближайшая автобусная станция в шестидесяти милях. А общественного транспорта как такового нет. Зачем он, если у каждого американца машина под задницей.

У Миши под задницей только ноги, а шестьдесят миль даже не шестьдесят километров – длиннее. Пока будешь идти, пять раз Лёсика-Борисикина парочка накроет. Огородами не проберёшься, их просто-напросто нет. Да и на частную собственность можно нарваться на обочине. Того хуже для нелегала.

Лихо вырвался на свободу Автандил Чохели. Грузин из Тбилиси. Американцы грузин, казахов, узбеков и остальных гражданами из бывших советских республик не боятся к себе пускать. Другое дело граждане России. Как красная тряпка для них. Вдруг бациллы социализма с коммунизмом завезут на просторы демократии! Миша на две недели туристи-

ческую визу с трудом получил, Автандил рабочую на пять лет запросто. Прежде чем попасться на удочку в «Хилтон», он два раза ездил на побывку в Грузию. Барашка поест, вина попить.

Автандила сотоварищи по заработкам перекрестили в Автобат. Служил грузин коридорным. Спокойный, как удав, несмотря на южную кровь. Весь рабочий день по коридору из конца в конец перемещался, наводил блеск и лоск на закреплённой территории. В одну сторону моет, пылесосит, протирает, потом – в другую. И опять поворот на 180 градусов...

В тот день, как обычно, вершил санитарную орбиту, ведро на колёсиках за собой тащил. Вдруг дверь номера перед самым носом распаивается, американка высовывается. Толстенная, как баобаб, в помятой пижаме, на голове причёска, будто пьяный садовник стриг. С горшком в руке. Туалетным. Для детских отправлений. Полным пахучего вещества. И раз! – ухнула отходы детского организма в ведро грузина.

Автобат не стал говорить даме «сенкью» или «зарэжу, женщина!» Без единого слова-полслова взял ведро и вылил воду вместе с вонючей добавкой в канализацию.

На следующее утро, неся коридорную вахту, опять оказался у номера, откуда накануне плеснули «колдовства» в ведро. Не успел проследовать мимоходным курсом, дверь запахнулась, та же самая в два обхвата американка высовывается и повторяет фокус с горшком. Нарочно поджидала с ночной вазой. Выскочила из укрытия, как только Автобат

приблизился на расстояние вытянутой с дерьмом руки, и отправила фекалии по вчерашнему адресу.

Что ей двигало, трудно сказать. «Хилтон» не деревенская гостиница времён Наполеона Бонапарта, в любом номере туалет, который ежедневно до блеска чистит Миша или другой нелегал. Почему туда не вылить отходы производства детского организма. Может, у американки была скрытая неприязнь к грузинам? Не знаю. Зато у Автобата она вспыхнула со страшной силой. Схватил своё ведро, пинком распахнул дверь к даме и нате вам алаверды: испражнения дитяти по крутой траектории покинули ёмкость, дабы водопадом обрушиться на маму.

Той почему-то не понравилось такое обращение. Заорала, будто Автобат набросился на неё с самым большим кавказским кинжалом. С её обширной телесной поверхности, облачённой в халат, сбегала на пол неприглядная жидкость, при этом дама, благоухая всеми цветами туалетной радуги, орала на весь «Хилтон».

Откуда ни возьмись на истошный крик появились Лёсик с Борисиком, Лёсик что-то извинительное залепетал на американском даме, Борисик схватил Автобата за руку и потащил к выходу, купил грузину билет на автобус и отправил на все четыре стороны в Нью-Йорк:

– Чтобы я тебя больше здесь не видел!

Будто Автобат жаждал ещё раз столкнуться с ними.

«А как мне выбираться из этой мороки?» – терзал голову

Миша.

С навязчивой мыслью в выходной побрёл прогуляться по своей деревне, остановился у бассейна и замер, не веря ушам: не может быть?! Русская речь! Впервые за месяц услышал от посторонних. В этой глуши ни разу соотечественников не встречал. И вот они: женщина и мужчина по-русски без акцента общаются. Девчушка в коляске.

Из Бишкека. Мужчина, Инсор, примерно Мишиного возраста, симпатичной наружности, азиатская кровь с примесью славянской, в Афганистане, как оказалось, воевал, женщина русская, Лена, медсестра по образованию. Миша едва в ноги Инсору не упал:

– Выручай, земляк! Отец у немцев в плену год мантулил, я в США в рабство угодил, как соскочить не знаю.

– Слышал про такую петрушку! – сказал Инсор. – Наживаться на чужой беде они мастаки.

И дал свой телефон.

– Звонить будешь, – предупредил, – по имени не называй. Если мафиози меня разнюхают, без чиканья живьём закопают!

Тайком от товарищей по бригаде разработал Миша план побега. В выбранную ночь улёгся на свой матрас, сумку, предварительно собранную, под голову положил. «Даже хорошо, что в диссидентском сервисе сидор вместо подушек», – подумал.

«Проспать я не боялся, – рассказывал он, – Какой сон, ко-

гда волнуешься, как поросёнок в мешке... С вечера позвонил из автомата Инсору, всё серьёзно по-шпионски, по имени его не называл, мы согласовали время и место. В половине первого я решил: пора-пора. В комнате темень непроглядная, по полу от кондиционера холодом несёт. Всё дрыхнут, умаялись бедолаги на хилтоновской ниве. Я на колени встаю, сумку приподнимаю и только начал подниматься, вдруг кто-то в углу заговорил. У меня нервы на пределе, послышалось: «Ты куда?» Я окаменел, ноги полусогнуты, сумка в вытянутой руке висит, как статуя из жизни мешочника. Прислушался спят сотоварищи по американскому бизнесу. Выскользнул в коридор, нежно замок открыл, выглянул за дверь. Спокойно.

Конечно, не концлагерь, охрана за дверями не выставлась, а вдруг какая следящая система?

От сладкой диссидентской парочки всё можно было ожидать. В бригаде стукачок был. Сначала не знали, болтали, что попало. Потом обнаружилось: недовольные настроения, разговоры доставляются Лёсику и Борисику в лучшем виде. Слаб человек на денежку, приплачивали кому-то, он тук-тук делал. Опыт ЦРУ и КГБ прочно стоял у диссидентов на вооружении. Телефоны прослушивались. Как-то поменяли квартиру, через день диссиденты говорят: дайте-ка на ночь ваш стационарный аппарат. Зачем, спрашивается в кроссворде? А затем, чтобы жучка посадить. Сотовые тогда только входили, мы часто пользовались стационарным телефоном».

В день Мишиного побега часть бригады осталась в «Хилтоне» сверхурочить – ожидался наплыв гостей. Мишу Лёсик назначил дежурным по квартире. Обязанность простая – впустить полуночников в квартиру, как приедут со смены. Миша опасался, как бы раньше срока не заявились.

После побега позвонил из Нью-Йорка и узнал, как было дело по его исчезновению. Группа приехала, и что за ерунда – никто не встречает, не распахивает двери: добро пожаловать, герои трудового фронта. Поскребли пальчиком, постучали тихо-тихо. В результате коротали ночь на лестнице. США не Россия: руками-ногами грохотать «откройте!» – ни в коем случае. Соседи в твои проблемы с ненормированным рабочим днём и дежурным засоней входить не будут, вызовут полицию. Лёсика-Борисикина парочка строго-настрого запрещала шуметь. Почему и назначался дежурный. Эти порядки сыграли на руку беглецу. До утра никто не обнаружил, что Миша бесследно исчез. А так бы стукачок мог ещё ночью доложить о побеге.

Всего один раз Миша дозвонился из Нью-Йорка сотоварищам по «Хилтону». Через день телефон не ответил. Диссиденты, замечая следы, или номер поменяли, или засветившуюся квартиру.

Убегая, Миша беззвучно закрыл за собой дверь на все замки, выплыл в ночь. На улице не было ни души, темнота и гул кондиционеров. У каждого дома здоровенные ящики с неутомимыми вентиляторами во чреве, которые с шумом

боролись с жарой, гнали в квартиры прохладу.

С Инсором договорились встретиться подальше от его дома, дабы в случае провала не засветить подельника.

«Только бы не струсил!» – прячась за деревья, всматривался в ночь Миша.

«Форд» вылетел из-за дома.

– Прыгай! – открыл дверцу Инсор. – Не мандражируй, земля, прорвёмся!

За полчаса долетели до автостанции.

– Сколько тебе должен? – полез в карман Миша.

– Только за бензин! Я не работаю сейчас...

Через десять минут Миша уже сидел в автобусе. Хотел показать язык Лёсику с Борисиком, но суеверно прикусил – не говори гоп раньше времени.

С пересадками доехал до Нью-Йорка.

Не без опаски ступил на землю великого города. А вдруг подручные Лёсика с Борисиком ждут его рейс? Полицейские, на них работающие, или ещё какие бойцы... Схватят и вернут на хилтоновскую галеру...

Выскользнул из автобуса, тут же другие стоят, скоренько зашёл за ближайший, осмотрелся, ничего подозрительного, ещё одну перебежку сделал. Никто за руки не хватал, повышенного внимания к его персоне не проявлял. Никому никакого дела до мужика с сумкой. Миша прыгнул в такси, назвал адрес квартиры в Бруклине, угол четырнадцатой стритки и авеню Кей.

«Привет от старых штиблет! – мысленно поиздевался над Лёсиком с Борисиком, когда машина набрала скорость. – Русские диссидентам не сдаются!»

Омский отстойник

Среди омичей эта квартира с лёгкого языка Антона Хохлова получила название отстойник. У Миши как пошло везение с начала побега, так и в Нью-Йорке подфартило – в отстойнике накануне освободилось место на мужской половине.

– Квартиру омички ухитрились устроить, – красочно рассказывал об американском житье-бытье друзьям Миша, по возвращению из штатов домой. – В зашуганной законами Америка снять путное жильё нелегалу – исхитриться надо. Женщины снюхались с адвокатом-пронырой, тот провернул операцию. Ежу понятно, не за красивые глазки сибирячек, позолотили ручку. Зато не в накладе – в одной комнате жили сами, вторую сдавали землякам-мужчинам. За счёт жильцов покрывали арендные издержки. Хорошо? Ещё как! И мужички рады. Двести долларов квартплаты с носа такая дешевизна только за подвальный вариант с мусорными бачками по соседству. Здесь трёхкомнатная квартира.

Опять же – трёхкомнатная, если широкая русская натура пальцы загибает. По скупым американским меркам – двух. Налево спальня мужского содержания, четверо проживающих, направо – женского наполнения, тоже список из четырёх жилищек. Посредине комната без полового различия, играла роль гостевой, заполнялась по воскресеньям. С раз-

ных концов Нью-Йорка набегали омичи. Пообщаться, помыться, постираться, погулять-расслабиться. Человек пять-шесть-семь-восемь как заявятся да с ночевой. К кранам, унитазу в будние дни хвост очереди вырастал, в выходные – тем паче не пробиться...

– С нелегальщиков налог за унитаз и воду! – объявлял Антон Хохлов. – Захотел по маленькому – рассказывай анекдот, серьёзнее желания обуревают – пой песню. И пока не развеселил хозяев – прыгай у двери неудовлетворённым.

Антон был из породы, кому тоскливо изо дня в день одну работу работать, на одном месте жить-поживать да добра наживать, с одной супругой судьбу коротать.

Миша ему говорил:

– Антон, когда мама тебя грудью кормила, видимо, скушала по беспечности ягодку с бациллой непоседливости. И завелось у тебя шило в одном месте.

Антон не обижался на «шило».

– Я последний романтик! – бил себя в грудь.

Без натуги окончил Антон политехнический институт. Хотя вместо учебного процесса в основном бегал по лесам и долам с картой и компасом. Пристрастился к ориентированию на пересечённой местности. Доориентировался меж берёз и сосен, прудов и оврагов до мастера спорта. Получив инженерное образование, с год поработал на заводе технологом, да заскучал от грохота производства. Сбежал от него в тренеры, всё туда же – меж берёз и сосен.

Но ягодка, о которой говорил Миша, и в спортивно-тренерской карьере начала мутить воду. Антон на ровном месте вдруг сделал кульбит и развернулся и к инженерии, и к ориентированию всеми тылами своей многогранной натуры, обратив её к должности сторожа. Решил взять философскую паузу, дабы поразмышлять над вопросом: как жить дальше? Размышляя, наткнулся на газетное объявление-приглашение на курсы вязания крючком.

«Ёперный театр! – обрадовался Антон. – Самое занятие для охранной должности. У сторожа главное в профессии – ушки на макушке! Руки свободны! Вот и пусть занимаются творчеством!»

Крючок в крепких мужских пальцах довязался до таких высот, что жюри республиканского конкурса не могло не дать призового места. Став дипломантом, Антон прервал философскую паузу, ушёл из сторожей и два года преподавал вязание в профессионально-техническом училище. Определённый нюанс был. Как струна элегантно-спортивный мужчина поверяет девчушкам тайны сугубо женского дела.

Много кем после крючка работал Антон. От сварщика до инструктора по туризму, от электрика до энергетика, а грянул срок выдавать дочь замуж – достал набор вязальных крючков и выпустил из-под него ногшибательное свадебное платье. И фату.

– От какого кутюрье шарм? – ахали всякой всячины по-видавшие работники загса.

А ни от какого! Папочкиных рук искусство!

Языком Антон тоже вязал кружева. Самое скучное общество расшевелит. На заре кооперативного движения деловая дама из дома культуры предложила организовать дуэт по проведению торжественных мероприятий: свадеб, юбилеев, корпоративов. Антон стал звездой увеселительных мероприятий. Всем хочется весело выпить, закусить.

Застольный артистизм у Антона был отточен ещё в институтские годы – пережил массу однокашников. Был случай: дружок из группы, распределившись в Подмоскowie, сошёлся со столичной штучкой. Родители невесты через губу благословили молодых на совместную жизнь. Они бы с большим удовольствием батожком поперёк спины благословили жениха, да невеста все сроки аборта упустила.

Изначально зять не пришёлся, заодно вся новая родня. Не свадьба, а Монтеки и Капулетти. Дружок Антона, предвидя трагедию Шекспира, уговорил Антона броситься на амбразуру.

– Приезжай, – слёзно попросил, – на тебя вся надежда. Мы с Ритой никакой свадьбы не хотели. Они в два голоса: что люди скажут? Это для них главное. Я заикнулся, может, тогда узким вашим кругом посидим? «А что твои родственники за людей нас не считают?» – отец её. Не стал перечить, что мои родственники в глаза ещё вас не видели, чтобы считать за людей или не считать.

Ресторан – шикарный, стол – деликатесы в три этажа. С

одной стороны разносолов московские Монтекки окопались, с другой – сибирские Капулетти ошетинились. Глава первых – неслабый министерский чиновник, глава вторых – в Омске не последний человек. Даёт Антон слово одним, вторые с неохотой опрокидывают рюмки в ответ на тост. Приглашает к микрофону вторых, аналогичная реакция с противоположной стороны фронта. Того и гляди – стенка на стенку пойдут вместо гуляния за молодых.

Антон заело откровенное пренебрежение его миролюбивым инициативам. Принялся вдохновенно метать бисер лирики, юмора, поэзии и философии на баррикады. Наизнанку вывернулся с анекдотами, стихами, частушками и комплиментами в адрес родителей молодых, тещеньки со свекром и тестя со свекрухой и их родни. И ведь началось потепление грозовой атмосферы, а потом и всеобщее братание. Монтекки плясали в обнимку с Капулетти, пели хором «Подмосковные вечера», «На диком берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой...» и «Ой, мороз-мороз...» Особенно «мороз» хорошо получался в этой свадебной оттепели...

Много пар в Омске Антон пережил в перестроечный период, много юбилеев, корпоративов оттамадил, а потом сказал себе «стоп, пулемёт!» и сделал два крутых виража: разошёлся со второй женой и бросил развлекательно-выпивательный бизнес. Посчитал бесперспективным для серьёзного человека. Всё вокруг покупалось и продавалось, деловые люди, как один, ринулись в торговлю. Антон начал ез-

дить за три моря налегке, возвращаясь обратно натежеле, если так можно сказать. Товар превращался в деньги, деньги снова в товар. Появились накопления, жизнь стала налаживаться, открылись новые перспективы, да дефолт 1998 года закрыл их, слизав жадным языком накопления, а вместе с ними и радужные мечты о спокойном бизнесе без челночного мотания за три моря и безбедном существовании под старость. Переходный от дефолта Антон надумал пересидеть в США.

Начал оформляться по отработанной схеме в турпоездку, бумаг липовых насобирал и занемог. Кинулся народные методы употреблять, а они действуют с эффектом мёртвому припарки. Пошёл сдаваться врачам. Те диагнозом в лоб: злокачественная опухоль.

– Ёперный театр! – сказал Антон и согласился с докторами. – Режьте быстрее, срочно в США надо.

– В таком разе тянуть нельзя! – подыграли медики. Они-то думали, пациент с чёрным юмором.

Он без всякого юмора сказано – сделано. Ещё силёнок не набрался чемодан дорожный таскать, в себя не пришёл после операции, консульство США даёт зелёную улицу на другой берег Атлантического океана. И не скажешь: отложите на завтра. Документы сплошное враньё, пока не разобрались америкосы, что у него нет никакого трёхэтажно дома, квартира и та однокомнатная, надо лететь в США.

Третья жена Антона повисла тяжёлым якорем на шее:

– Не пущу!

Антон отодвинул в сторону обалденно пахнущую тяжесть и ринулся в аэропорт.

А сам сумку со шмутками поднять не может.

С обаянием Антона разве это преграда, такому весельчаку любой с радостью подсобит.

И что вы думаете? До Нью-Йорка без проблем долетел, и перемена континента благотворно повлияла на здоровье. Вскоре Антон работал наравне со всеми.

Миша появился в отстойнике в субботу, в воскресенье праздновали день рождения Риты Соколовой.

Рита, под мышками брито – звал Антон именинницу. Или: Рита, сзади колоритна. Любил имена присказками украшать: Ленка – покажи коленку, Юля – девочка красуля, Люба – слазь с дуба. Рита была колоритна статью во всех составляющих. Не девочка – сорок два праздновали. Ножки, оттоптавшие этот срок, по-прежнему точёные, фигурку можно в журнал помещать, который не худышек любит... Этакая русская красавица! Но безумно влюблённая в США.

– Это же Америка! – восклицала в спорах с Антоном, скептиком в отношении данного государства. – Это же свобода!

Женское дыхание перехватывал восторг.

– Да-да-да! – говорил оппонент. – Хочешь унитаза драй, хочешь в проститутки подавайся.

Женщины чаще зарабатывали уборкой квартир. Унитазов

Рита перемыла, в очередь составь – до Омска бы хватило. На руках не переводились явочки от кислотной пшикалки.

– Ты-то ведь именно здесь оклемался! – была веским доводом Рита.

– Только что, – говорил Антон.

Само собой он был тамадой на дне рождения.

– Подарки с тостами в честь прекрасной Ритули-обворожули само собой, – сказал перед началом веселья, – но с каждого забавная история из прошлой или настоящей жизни. Будем петь и резвиться, как дети, пить, как взрослые, и развлекать друг друга байками.

По Омску Миша Антона знал в лицо, с Ритой, как и её мужем, контактировал по вещевому рынку, места рядом были. Не удивился, встретив её в отстойнике. Но челюсть отвисла, когда зашла Люба Валова.

Люба торговала на рынке семечками. Года три изо дня в день, в жару и в холод появлялась с щелкательно-плевательным товаром.

– Семечки, поди, левые? – подначивали её. – Китайские?

На что Люба индифферентно отвечала:

– Жареные.

Где взяла две тысячи долларов, чтобы попасть на американские заработки – тайна за семью замками.

Как и все земляки – за океаном специализацию бизнеса сменила. Ухитрилась попасть в бебиситтеры. По-нашему – нянька, водилась с детьми.

– Люба, слазь с дуба, – подзуживал её Антон, – у тебя такой опыт, вла бы да развернулась здесь на семечках.

– Эти америкашки только жвачкой рот забивают. Ни разу семечек не видела. Сама бы пощёлкала с большим удовольствием.

В отстойник Люба приезжала при первом удобном случае. Скучала по ералашу многолюдья.

– Чё мне рассказывать? – заскромничала, когда Антон предоставил ей слово.

– Как на семечках денег накосила?

– Вам скажи – сами начнёте! Ну, ладно. Как сюда приехала, меня подруга встретила. Она сейчас в Мичигане. В общагу к Лёвочке на ночёвку привела, и договорились на следующий день встретиться в Манхэттене на центральной узловой станции метро. Подруга мне работу в американской семье подыскала, собрались ехать договариваться. Растолковала, где в метро встретимся. Но это не в Москве, там и станции красивые, и указатели везде на русском понатыканы. Здесь обшарпано и на английском. Я круть-верть, в три секунды заблудилась. Десять минут тыкаюсь, полчаса. Туда сунуть – нет, сюда пойду – не то. Станция в несколько ярусов, сумасшедший дом под землёй, попробуй тут разберись с первого раза. Хожу, хожу и, как леший водит – опять на то же место попадаю. Да пропади всё пропадом! Уже ничего не надо, только бы на улицу живьём выбраться, солнышко увидеть! Вот-вот разревусь. Сидеть, думаю, надо было в Омске с

семечками, попёрлась дунька в заграницу на свою погибель. В школе иностранного не было, в техникуме немецкому бес-толку учили. Хоть караул кричи. И заорала: «Люди добрые, по-русски кто-нибудь понимает?» И, Боже мой, человек пять ринулось ко мне: «Какие проблемы?» Тут-то я и поняла: не пропаду в этих джунглях капитализма!

– «Проникновенье наше на планете особенно заметно вдалеке, – процитировал Роман Бекасов Высоцкого, – в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке». Со мной аналогичный случай в Германии стряся.

Роман с первых дней в Нью-Йорке начал рационализировать быт. Одно время жил в отстойнике. Сразу приноровился договариваться: Рита, к примеру, готовит на двоих первое, он – второе. В сумме в два раза быстрее и организму полезнее полный рацион. Потом и вовсе покончил с одиночеством.

«Чем мы хуже тех, кто на фронте заводил боевых подруг? – резонно задумался. – Не под пулями, а всё одно в окопах. Миленько бы на пару с дамой снять подвальчик в всех экономических и физических отношениях».

Предложил Лидочке Фокиной объединить житейские проблемы для решения оных в четыре руки. Показать невзгодам и неудобствам американской жизни русский кукиш.

Лидочка, по всем континентам свободный человек, правда, в России сын-второклассник растёт у бабушки, зато мужа

давно выкорчевала из собственной жизни. Роман никого не выкорчёвывал, кроме сына и дочери имелась действующая супруга, да что же теперь и деньги зарабатывай, и никаких условий для восстановления сил и вдохновения на труд?

Сняли подвальчик за триста долларов в месяц. Есть нюансы: солярой немного пахнет – котёл парового отопления недалеко, и другие ароматы, бывает, залетают, мусорные баки неподалёку – в остальном жить можно. Окно под потолком на уровне улицы, садик перед ним со свежим воздухом, случается, кошка с улицы заскочит в окно, но кошка это не страшно.

Супруге Романа в Омск, несмотря на долгие морские мили и длинные сухопутные километры, доброхоты доложили о наличии подруги трудового фронта у мужа. Без радости восприняла Бекасова сообщение о фронтовой сопернице, однако рвать в негодовании волосы на голове не стала и проклятия в сторону Нового Света не отправила. Может, не захотела верить, посчитала, от зависти наговаривают: Роман деньги всё с той же регулярностью, в прежнем количестве шлёт, а какая дура будет за бесплатно с мужиком жить? А может, подумала: ну, поприжал добытчик на отхожем промысле какую, всё равно ко мне вернётся.

Лидочка была женщина голосистая. Не в смысле скандальная – пела душевно. Музыкальное училище окончила. Романсы любила. А когда слишком принимала на красивую грудь – частушки с картинками сыпала в большом количе-

стве. Видимо, сказывалась тоска по родине. Аккомпанировала себе на электрооргане. В Нью-Йорке на улицу какой только мусор не выставляют. Роман увидел электроорган, в подвал притащил, шнур питания заменил – всё разнообразие в жизни. Лидочка песен бессчётное количество знала. Собираясь на день рождения Риты, прихватили инструмент, музицировать на празднике.

– Было это в конце Советского Союза, – начал застольный рассказ Роман, – год примерно восемьдесят восьмой, восемьдесят девятый, уже действовал-злодействовал закон о кооперации. Правдами-неправдами через прибалтов, их каналы с ФРГ, заработал первые пятнадцать тысяч марок. Евро ещё не было.

Бешеные деньги по тем временам. Вдобавок к валюте немцы-компаньоны пригласили Романа в гости. Разу за границей не был, и нате без подготовки – вызов в загнивающий капитализм. Жуть интересно было Роману поглядеть, как они там загнивают. В марте полетел в Москву оформляться. Загранпаспорт только МИД выдавал. В тот год зима лютовала, весна не лучше выдалась – холод не отпускал. Роман махнул в столицу в унтах, шапке-ушанке и синтетической шубе, жутко синего цвета. Марки банк выдал тысячными купюрами. Мельче не было. Роман не стал кочевряжиться: мол, такими брать не буду, мне чего помельче. Взял.

Компаньон, Слава-прибалт, по телефону уму-разуму научил: валютой в Москве не светить. КГБ дело своё знает, за-

кон о валютчиках никто не отменял. Куда в такой партизанской обстановке девать десять тысяч, которые брал за кордон, тысячными купюрами? Роман придумал в галстук упрятать. Подпорол, зашил, загладил. И как разведчик за линией фронта – снимал бесценную удавку только на ночь, даже узел не развязывал. Привык так, что забывал о богатстве на груди. Когда в аэропорту контролирующие органы спросили: незадекларированная валюта есть? Почти с честными глазами ответил: нет. Только что карманы брюк не вывернул: сами смотрите!

И не удивительно. Месяц без дела таскал марки под сердцем, печенью и другими внутренними органами.

Собираясь в ФРГ, наивно посчитал: получить загранпаспорт – элементарная формальность. Подал заявление и получи. Перестройка объявлена во всеуслышание, железный занавес до потолка поднят, дышим все вместе и по отдельности воздухом свободы. Другого мнения был МИД. Неделю туда Роман ходит, вторую... Весна между тем разгулялась, а он, как из берлоги, всё в тех же лохматых собачьих унтах... И надежда на ФРГ начала таять под московским солнышком. Запаниковал, как Люба в нью-йоркском метро. Вызов в капитализм на два месяца, из них две недели осталось, а перспектив пересечения границы ноль.

В тот раз в коридоре МИДа притулился к стенке с безрадостной думкой: может, иди оно всё лесом! Может, взять и плюнуть на капитализм, пусть сам себе загнивает, а он по-

едет в Омск! Палкой обуха не перешибёшь!

Вдруг подходит московского лоска мужчина. Средних лет, очки в модной оправе.

– Сибиряк? – спрашивает с улыбкой

– Как догадались? – удивился Роман прозорливости незнакомца.

– По обуви. Не жарко?

– Мы привыкшие, – пошутил Роман сквозь слёзы.

– Какие проблемы?

Роман взял и честно рассказал, поплакался незнакомцу: вызов тает, он ни с места в сторону ФРГ. Мужчина прервал поток слёз, категоричным:

– Пошли!

И решительно повёл Романа в кабинет мимо длинной очереди. Во главе стола сидела гранд-дама с бюстом на полстолешницы. Мужчина объяснил, что земляку срочно требуется соорудить загранпаспорт.

– Ты же знаешь! – загадочно сказала поверх бюста гранд-дама.

– Знаю, – с готовностью бросил мужчина, – завтра принесу.

Что «знаешь» и что «принесу» – птичий язык для Романа. Однако тоскливо подумалось про валюту у сердца. Придётся вскрывать тайник для ускорения процесса.

– Что я вам должен? – инстинктивно теребя галстук-клад, шёпотом спросил Роман в коридоре незнакомца.

Однако плохо он думал о людях, не перевёлся альтруизм на белом свете.

– Стоять, земля! – категорично пресёк разговоры о взятке импозантный мужчина. – Будь здоров, на Европу не кашляй!

На следующий день Роман получил серпастый, молоткастый загранпаспорт и вдохновенными скачками заторопился на Фрунзенскую набережную за билетом на международные авиалинии. А ему по радостной голове бэмс: билетов на ближайшие полторы недели в Дюссельдорф и Франкфурт-на-Майне нет!

– Всего-то две недели разрешения на въезд осталось! – зарыдал в окошечко Роман.

– Если успеете собраться, – пошла навстречу беде касса, – завтра на восемь утра один билетик завис.

Как это не успеет?! Купил Роман подвалившее счастье и понёсся в Подмоскowie к родственникам. Те заахали, заахали: надо в Божий вид сибиряка приводить из унтов и шубы. Дядя сорвал с плеч кожаную куртку, племянник с ног – туфли. Брюки из-за высоты роста пришлось свои оставить с пузырями на коленях.

Чтобы не рисковать, Роман поехал в ночь на аэровокзал, по пути с главного телеграфа, заплатив бешеные деньги, отбил три телеграммы в ФРГ. Подстраховался, чтобы хоть один компаньон да встретил.

Однако во Франкфурте никто из немцев в объятия с трапа

не заключил. Час Роман ждал горячих лобызаний, два, наконец, дошло: зазря тратит дорогое и ограниченное время заграничной жизни...

Слава-прибалт научил сибиряка, что во Франкфурте железнодорожный вокзал (далеко ходить не надо) расположен здесь же в аэропорту на другом уровне. Роман пошёл за билетом ехать к компаньонам. В голове немецкого языка всего ничего – раз-два и обчёлся, у окошечка от волнения последние дойчслова вылетели. Только данке шон и битте шон лезут на язык. Собрался и твёрдо выдавил: айн тикет Дюссельдорф. Кассирша начала тараторить какие-то цифры. Роман чисто по-русски ответил: ноу проблем. Протянул деньги из галстука, получил билетик и кучу бумажек сдачи.

– Спустился на перрон и только собрался покурить, – рассказывал дальше Роман, – подлетает фанера белая – поезд интерсити – болид из шести вагонов фирмы «Сименс». Думаю, при таких скоростях курить недосуг. Запрыгиваю в ближайший вагон. Типа нашего купейного, только двери стеклянные. Открываю первое купе, шесть мест, два свободные. Как человек культурный спрашиваю: дас ист плас ист фрай. Они: нихт фрай. Вот, думаю, сволочи. Мстят за нашу победу над Германией. Ладно, подавитесь, скандалить не буду. В соседнем купе аналогичная картина заполняемости, они опять «нихт фрай». Вот немчура! Поезд мчится, место свободное, а они как собаки на сене. И в третьем купе, где я в наглуго с повышенным тоном спросил: дас ист плас ист

фрай? – мне «нихт» под нос. Как «нихт», возмущаюсь про себя до глубины души, когда вот они фрай! И тут парень в круглой шапке, как выяснилось из Техаса, подходит и на чисто английском спрашивает: рашен? Ес, отвечаю, оф кос. Он головой кивает: гоу. В коридоре показывает на табло над дверями и на англо-русском объясняет суть жэдэ заковыки. У них не принято прыгать с сиденья на сиденье, как заяц по капустной грядке. Раз билет на это место продан, пусть пассажир только на следующей станции сядет, на табличке оно заранее помечено как занятое. И не лезь не в свои сани. Тем паче мой билет вообще в вагон другого класса.

Наученный американцем пошёл Роман вдоль несущегося по Германии коридора искать своё место. В конце вагона стеклянная дверь. Не успел Роман в неё уткнуться, вжик перед самым носом и отворилась – проходите, пожалуйста. Роман, наоборот, от этого фокуса остановился как вкопанный. Ничего себе автоматика! И сделал контрольный шаг назад. Дверь бесстрастно закрылась. Шаг вперёд – открылась. Ясно понятно – Европа. Перед следующей дверью уже не стал скакать в танце папуаса. Миновал чинно самораскрывающуюся преграду.

– У нас тогда ничего подобного и в помине, – рассказывал он товарищам по американскому бизнесу. – Иду я дальше, впереди дверь между вагонами. Тоже прозрачная. Я уже опытный мэн, попёр на неё, как на буфет, сейчас думаю, распахнётся, пропустит меня, и со всего маху о стекло фэйсом.

Оставляю на двери своё изображение в фас. Из глаз искры веером, а дверь ни с места. Ни ручки на ней, ни кнопки, ни микрофона, чтобы «сим-сим, открой» просить. Ровно, плоско и прозрачно. Ну, думаю, и денёк получается! Никто не встретил – раз, физиономия горит, будто кулаком въехали, – два! Того и гляди последует!

Забился Роман в угол тамбура, голову ломает: может, данный вход-выход только на остановках работает? Чтобы пассажиры, вроде его, не скакали туда-сюда.

Вдруг подходит к двери гражданин, прикладывает руку и ба!.. Вон где ключик от ларчика – в стекле металлизированная полоска. Роман тоже аккуратно руку к поднёс, повторил фокус и, наконец-то, попал в свой вагон. Места есть, никаких табло. Салон как в электричке – садись, куда заблагодарассудится. Расположился Роман напротив бабульки. Поезд несётся со страшной скоростью, за окошком замки старинные, городки проносятся. Хорошо! Ещё бы покурить. Однако ноющая от встречи с дверью физиономия предупреждает: терпи, как бы не нарваться на новые неприятности.

– И вдруг бабулька, – рассказывает Роман, – достаёт табак, курительную бумагу, сворачивает самокрутку, причём с фильтром. Как полагается, пальцами шустро покрутила, языком лизнула, склеила, о ноготь большого пальца торцом сигарки постучала и готово! По-деловому щёлкнула зажигалкой. Ну, думаю, бабуля, сейчас поглядим, как тебя народ рвать будет. Вагон не пустой, ладно я, потреплю, а осталь-

ные добропорядочные немцы как на курящую в них фрау посмотрят через очки европейской цивилизации. Бабулька аппетитно затягивается, дым выпускает... И что за номер – запаха нет! Я его не чувствую. Бабка преспокойненько делает одну затяжку за другой, никто ей слова не говорит, не прессует. Ну, думаю, я-то чем хуже бабульки. Да у меня батя до Кенигсберга дошёл. Достаяю «Яву», четыре блока с собой взял, дурак что ли марки на дым переводить, они для другого пригодятся. А в голове шkodная мысль: сейчас засмолю наших термоядерных, это не фрицевский табак, от русского духа быстро пятый угол искать будете. Затягиваюсь ударить по немцам химической аткой, слышу, надо мной зажужжало, голову поднимаю – сеточка, в неё дым втягивается. И чем больше дыма, тем громче жужжит оттуда. И такая меня радость человеческая взяла – дверь, пусть с потерями, победил и покурить наконец-то удалось... В Германии, оказывается, не так уж плохо, как показалось поначалу...

Наслаждается Роман немецкой действительностью, а мимо лотошник пиво везёт. Роман мгновенно перевёл цену в рубли и ужаснулся дороговизне А с другой стороны – красиво жить не запретишь. Захотелось красоты. Сигареты советские взял, «Жигулёвского» не догадался. А это значит, красота требует жертв – раскошеливайся, если хочешь настоящего немецкого!

Пиво отменное, ничего не скажешь, но реакция организма один к одному с «Жигулёвским». Прижало Романа. Пора

идти посмотреть, как туалеты немецкие функционируют.

Вход в одноместный кабинет из тамбура. Очереди нет. Сделал Роман естественное дело и растерялся в поисках пушкостроительного устройства системы управления сливом воды. Ни рычага, ни педали, ни кнопки. Тогда как у двери целых три: красная, желтая, зелёная. С надписями. Роман устно по-немецки за редким исключением ни два, ни полтора, письменно и того меньше. Даже пытаться не стал. Начал рассуждать с применением логики. Допустим, одна кнопка для малого смыва, другая – для серьёзного водопада. Зачем, спрашивается, третья? И почему красная? Настораживающий свет. Вдруг катапульта при аварии? В газете читал: женщине на транссибирской магистрали стало плохо в туалете, как назло замок на двери заклинило. На станции стекло выставляли для спасения... Немцы, может, сразу катапультируют, попавших в беду пассажиров? Роман не отважился давить на красную, боясь оказаться за пределами летящего на всех парах болида фирмы «Сименс». И, подумав, из предложенных вариантов выбрал самое умное решение: тихой сапой оставить всё как есть, следом какой-нибудь фриц зайдёт и нажмёт что следует. Подумаешь, ругнётся...

Но надо руки помыть. И опять загвоздка. Над умывальником две трубочки хромированные, одна диаметром побольше, вторая – поменьше. Ни кранов, ни барашков.

– Мне хотя бы пару капелек водички, – Роман вёл повествование дальше. – Свежий носовой платок размером метр

на метр тётка предусмотрительно положила. Было чем утереться. Подношу руки лодочкой, вода как хлынет. Убираю – останавливается. Как на той двери автоматизация. А зачем тоненькая трубочка? Сунул руки. Оттуда пук-пук-пук жидкое, тягучее, шампунем пахнет. Во, думаю, и голову можно освежить! Волосы короткие носил, фен не нужен.

Накапал Роман пригоршню жидкого мыла и на себя, от усердия даже в глаза попало. Видимость ноль, вслепую руки для воды протянул, как даст кипятком сквозь мыло. Тут же в голову жар ударил: холодная кончилась, а он весь в пене! Как в вагон к немчуре выходить? Руки ошпаренные горят. Но где наша не пропадала. Зрение одного глаза от мыла очистил и тихохонько сделал вторую попытку разжиться водой. Уже не крутой кипяток ударил, похолоднее пошла. А если правее взять? Как из горной реки ледяная. А резко влево? Аж с паром. Ещё одну немецкую хитрость распознал, пополнил копилку интеллекта.

После чего спокойно мыло смыл, досуха вытерся. И услышал голоса за дверью. Ругнулся про себя: доэкспериментировался, теперь шито-крыто не выскользнешь, очередь перед туалетом образовалась. Будут шептаться: русиш швайн, не смывает за собой.

– Я резко принимаю решение, – красочно рисовал Роман этот эпизод своего первого путешествия в загнивающий капитализм, – задействовать жёлтую кнопку. Красная – это чересчур, а зелёная она и есть зелёная. Давлю и к моему ужа-

су замок щёлкает, а за дверью крик: «Вам помочь? Вам помочь?» На немецком. Ну, и хрен с вами, думаю, надо сдаваться. Давлю на ручку двери, и тут быжжж – вода смыла из унитаза весь позор. Ура! Престиж русского не подмочен. Выхожу, а немчура возбуждённо толпится, так как над входом горит жёлтый транспарант с надписью: «Помогите, мне плохо!» Оказывается, я сигнал бедствия подал.

Домчался Роман до Дюссельдорфа, там пересел на электричку и поехал в пригород к компаньону. И здраво решил не искать того по офисам. Зачем о стёкла физиономией биться, когда кроме компаньона бывший омич Женя Ломаев ждёт земляка не дождётся. Только бы узнать, где его улица? Вариант с такси Роман отнёс, вдруг идти всего ничего, а он валюту разбазаривает. Так и получилось в результате, дружок неподалёку жил.

Чтобы выяснить местонахождения нужного дома, Роман обратился к молодому парню. К женщинам не стал с вопросами подступать, вдруг подумают, пристаёт с нехорошими мыслями. Выбрал рыжего детину. Собственно, больше никого поблизости не было на тот момент.

– Конкретный немец! Только в кино про фашистов снимать! – хохотал Роман. – Рукава закатай и вылитый СС.

На вымученном немецком Роман спросил про нужную улицу. Немец как на дурака уставился в вопрошающего. Роман собрал в кулак всё произношение, по слогам повторил. На нерусской физиономии опять ноль понимания. Роман в

третий раз, на всякий случай с привлечением тощих знаний английского, задаёт рыжему аборигену географический вопрос: как проехать, как пройти?

– Снова тарашит на меня фрицевские зеньки. Я не выдерживаю и в тупую физиономию говорю: ни хрена ты, баран, не скажешь! «Сам ты баран! – заржал немец. – Паришь мозги. Здесь весь район на русском чешет». Так что «распространенье наше на планете...»

– Хватит текста! – подняла рюмку Лидочка.

– Точно! – подхватил Антон. – Джавахарлалу Неру сказал, трепитесь в меру!

– Пора выпить за именинницу и песни петь! – призвала Лидочка.

– Как опупительны в России свитера! – выдал Антон импровизацию на любимую Лидочку песню. – Вино, шампанское и баксы...

С каждым ударом молота

На следующее утро с Антоном поехали на биржу. Услышав «биржа», Миша раззудил фантазию на здание с колоннами, лестница широченная, ступени мраморные, двери высокие с резьбой, ручки золочённые, за ними зал огромный во всю геометрию. В нём клерки, клерки, клерки выясняют способности клиентов для рационального трудоустройства.

Фантазия съёжилась, столкнувшись с действительностью. Никаких колонн со ступеньками. Стена кирпичная без окон, без дверей глухая, вдоль неё стоят рабочие руки в мужском исполнении. Человек сто пятьдесят. Выстроились, как проститутки на панели: одна нога согнута в колене, подошвой о стену опирается. Позже выяснил на собственном опыте – поза не только проституткам удобная в период ожидания удачи у моря трудоустройства.

Схема вербовки на бирже выглядит так: подъезжает машина с работодателем, на неё со всех сторон кидаются жаждущие заработать: что надо? Что платишь?

Следующая подруливает, и её мзновенно окружают: меня возьми! Меня!

– Американского безработного здесь нет, – пояснял картинку Антон. – За такую мелочь гнуть спину нэма дурных. Он пособие больше получает, чем за восемь долларов в час ишачить. Зато мексиканцы, другие латиносы за пятёрку го-

товы вкалывать. Сбивают цену. Негров, видишь, нет. Их работодатели не берут – ленивые.

Первый рабочий день в Нью-Йорке получился ничего себе. Антон удачно подлетел к одной машине, контрактор оказался русским, завербовал обоих убирать медицинский офис после отделки. Никаких кирпичей, неподъёмных носилок, тачек и кусков бетона. Где-то опилочки подмести, где-то пыль пропылесосить. Тяжелее веника ничего не поднимать и шестьдесят четыре доллара на каждого за восемь часов работы.

– В лёгкую мы сегодня доллариков срубили, – прокомментировал Антон.

– Я в «Хилтоне» пахал не сравнить с этими цветочками.

– Не волнуйся, будут и ягоды. На них здесь тоже урожай! На следующий день вызрела одна.

До двенадцати часов проторчали на бирже с нулевым эффектом. Народ расходиться стал.

– Остались на чём болтались! – подытожил Антон.

Но тут подвернулась работёнка – ломовая и дешёвая. Антон отказался от неё, Миша крутить носом не стал – надо как-то день пребывания на западном полушарии оправдать. Арифметика суровая: за жильё в сутки семь долларов отдай, за еду – пятнадцать, не то ноги протянешь. Нанялся Миша на условия двадцать восемь долларов за день. Работодатель-араб на рефрижераторе по магазинам, кафешкам мясо развозит, ты разгружаешь. Его сарай на колёсах не во всякий

переулок заедет, остановится за два квартала, и таскает Мише куски тяжеленные в точку назначения. На улице пекло, в футболке и шортах дышать нечем, а внутрь рефрижератора заскочишь: инеем, как труп, покрываешься.

– В оконцовке, – рассказывал Миша Антону, вернувшись в отстойник, – язык у меня на плече, силы на нуле, дышу, как загнанная кляча, к закромам через весь вагон идти, рефрижератор опустел... Пока в один бежишь, пока обратно мясо до двери дотащишь – масло в коленях застывает.

– Ничего, – утешал Антон, – с каждым ударом молота мы станем свободнее!

И пошла писать губерния в Мишином дневнике рабочих буден. Вёл полную бухгалтерско-финансовую ведомость о шабашках на американском континенте. Каких только ударов молотом свободы не нанёс по штатам. Разгрузка мебели, стройка или наоборот – ломать не строить. Отделка квартир. Бывало, недели на две ремонт, раза три попадал на суперский, то бишь, моментальный: за день квартиру освежил и долларов 75 на карман. Один раз не то, что с нуля, с глубокого минуса ремонт делали на пару с Антоном. Квартира выгорела, драили несколько дней, а потом всё остальное... Провоняли пожаром от и до...

– От вас несёт как от головёшек! – ворчали женщины в отстойнике. – Там бы и ночевали со своим вонизмом!

– Работа не воняет, – парировал нападки Антон, – она пахнет победой!

Завязались связи с контракторами, кои быстро распознали, у Миши работа в руках не гниёт, плесенью не покрывается. Абы как не делает. Порой сам контрактор тормозит: хватит миллиметры ловить! У Миши и качество, американский комар носа не подточит и не в час по чайной ложке делает – кисти, шпатели и другой заморский инструмент так и мелькает в проворных руках. В институтские годы в стройотрядах и на шабашках, зарабатывая на жизнь, поднаторел в строительных ремёслах.

Особенно любил длительный ремонт. Раз привёл контрактор в трёхкомнатную квартиру:

– Один справишься?

– Само собой!

– Вперёд!

Полнометражная квартира, фронт работ, есть где развернуться и заработать: обои смыть, стены отшпаклевать, покрасить.... И хозяйева почти родня – земляки, милые старички-евреи из Новосибирска. Давил Израилевич и Рива Иосифовна. Под семьдесят обоим. Из СССР уехали в конце шестидесятых. Миша пришёлся им ко двору своим старанием. То кофейку сварят, то греночками угостят. А сентиментальные! По НТВ зазвучит русская песня – «Оренбургский пуховый платок» или «Издалека долго, течёт река Волга», их ностальгическая слеза прошибает. Давид Израилевич, сам в прошлом в симфоническом оркестре на флейте играл.

Спрашивает:

– Миша, извини, вопрос деликатный, можешь не отвечать, а Дима сколько обещал тебе заплатить?

Дима – контрактор.

– Хорошо, – не стал Миша скрывать, – тысячу пятьсот долларов.

– Обманул. Ой, обманул нас. Пять с половиной тысяч только за работу без материалов взял. А мы договаривались подешевле, раз без официального оформления. Жаль – тебя не знали, напрямую бы вышли.

Месяц ремонтировал старичкам жильё. В последний день угостили Мишу обедом, по рюмочке коньяка с Давидом Израилевичем выпили.

Дима, как и все контракторы, нанимая, обещал: работы у него море, простоя не будет, одно закончишь, тут же новый объект подгоню. Море быстро обмелело, Дима замямлил: потерпи чуток, обязательно позвоню. Миша размечтался ремонтные работы, как у земляков-новосибирцев получить, а ему опять на биржу идти с гвоздём в голове: будет работа или нет.

Предварительно достал список контракторов, обзвонил. Ни одной зацепки.

– Что могу тебе сказать? – утешил по-дружески Антон. – Одна у тебя дорога: попу в гость и на биржу.

Мужики в этом бойком месте Нью-Йорка лишь в позе ожидания смахивали на проституток, в остальном – ничего подобного. Много фантазии не надо представить более сот-

ни мужчин в одном месте в утреннее время. Не будут они празднично торчать. Один гамбургер жуёт, у другого шланги со вчерашнего горят, бутылку пива в бумажный пакет спрятал и реанимируется из горлышка. Всё в пределах законодательства США. Если ты опорожняешь бутылку на нью-йоркской улице в её естественном виде – штраф. А так, вроде никто не видит, что ты в себя вливаешь.

Другой взбадривается кофе, держит стаканчик в руке. У каждого второго пакетики со съестным – подкрепляются. Мусор куда? Под ноги. Если в вагоне метро обычное дело у американцев швырнуть газету или обёртку на пол, на улице и подавно не миндальничают с мусором – свобода. К середине дня биржа свалка свалкой. Кому не повезло с работой – после двенадцати расходятся. Но не все, отдельные личности, загасив шланги, блаженно спят под стеночкой.

Жители близстоящих домов не желали входить в превратности судеб тех, кто стремился посредством биржи вложить свой труд в процветание Америки. Мусорная эстетика биржи их возмущала, строчили жалобы властям. Правоохранительные органы реагировали проведением рейдов.

– Попадал я однажды под раздачу, – рассказывал Миша полицейскую историю. – Стою на бирже, скучаю, работы нет, день пропадает, вдруг полицейский. Куда скука девалась! По фильмам привыкли к стандарту: в Америке полицейский – детина с квадратным подбородком, кулаки – быков валить, плечи в два обхвата. Тут ничего подобного – бабёнка. Лет

двадцати пяти. Мулатка. Фигуристой не назовёшь. Арбузик, из которого ножки торчат. Но идёт, как пишет. Руки свирепыми маятниками ходят. Фуражка с кокардой. На лице написано: сейчас вас всех в бараний рог сверну! С ног до головы увешана наручниками, дубинкой, газовым баллончиком, другим табельным оружием и приспособлениями бить, вязать, обесточивать преступника. И злющая-я-я! Причём, на русском языке. Чешет по-нашему без запинки. Разбегались от неё мужики, как тараканы от света. Чем я ей понравился – не знаю, за мной погналась. Я замешкался со стартом, она как шарахнет дубинкой по спине. И матом: «Стой! Раздолбай!» Я от неожиданности, родную речь услышал от полицейского, запнулся на ровном месте и оказался в наручниках. Глазом не успел моргнуть – готов Иван Петров. «Будь другом, – прошу, – отпусти». «Московский волк тебе френд!» – отрезала поговоркой и повела в отделение полиции. Или как там их участок называется. Кранты, думаю, мне теперь, гуд бай, Америка.

Вспомнил Миша с тоской песню «Гуд бай, Америка». Виза безбожно просрочена, отправят в родные края с волчьим билетом в компьютере. И ни под каким видом больше не просочишься обратно. Миша к тому времени только-только оправдал деньги, что на поездку потратил, начал в плюс работать. И на тебе – собирай манатки, отправляйся восвояси, не солоно Америки хлебавши.

– Зря у меня поджилки трагически тряслись, – рассказы-

вал дальше Миша, – обвинение, которое вменили, – сплошной хихикс. Стоя на тротуаре, мешал передвижению по нему прохожим. Будто для облегчения пешеходного движения надо было лечь – перешагивайте, господа, хорошие. К расстрелу меня не приговорили, отпустили с миром. Иди, дескать, и больше так не делай. Про визу никто и не думал спрашивать. В Америке не найдёшь дураков за дядю с тётей вкалывать. Одно дело полиция, другое – иммиграционная служба. На кой первой головная боль второй. Кому за нелегалов деньги платят, пускай тот ловит их, согласно штатному расписанию.

Антон на злключения Миши заметил:

– Каждый в Америке должен съесть свою лопату дерьма!

А ты только-только приступил к трапезе.

Я буду долго гнать велосипед

Транспортные расходы разорительно били по карману, тянули из него потом и кровью заработанное. Поездка на работу – полтора доллара и обратно выложи. Бегать за автобусом из соображения экономии только в анекдоте можно. А если альтернативу применить – велосипед? США – страна поголовной автомобилизации, но пока агрегаты с педалями, как пережиток, не отменили. Продолжают продавать транспорт во два колеса и одну человеческую силу.

Миша загорелся выгодной идеей о двух колёсах. На работу задаром ездить, по вечерам на океан купаться гонять. Ни от кого не зависишь и денежки целые. Антону загорать нельзя, холодно отнёсся к двухколёсной теме, но посоветовал воспользоваться услугами барахолки Брайтон Бич, где бывшие соотечественники ведут бойкую торговлю.

По документам они изменили гражданство, в остальном – попробуй выкорчуй менталитет. Язык учить не хотят. «За-чем-таки нам английский, мы в их Америку не ходим». В Бруклине всё по-русски. На рекламном щите в пол-улицы с одной стороны зовёт в дорогу лозунг: «Летайте самолётами Аэрофлота». С другой – в последний путь призывает ритуальное бюро «Невское»: «Мы поможем вам в трудную минуту».

Можно сказать, Брайтон Бич – российский город. Посему,

должна наличествовать барахолка.

– Какая из себя? – спросил Миша у Антона.

– На омской был? Здесь тютелька в тютельку!

Миша не поверил. У Антона не поймёшь, то ли шутит, то ли на самом деле.

Оказалось, почище, чем в Омске.

В Омске попробуй найди на барахолке стакан гранёный, народнео названием «ключ на двести пятьдесят» с надписью на доньшке «цена 6 коп.». Здесь – пожалуйста. Ложки-вилки алюминиевые, пуговицы из шестидесятых советских годов. Если и видел Миша что-то подобное, только у своей бабушки в коробке из-под леденцов. Подольская швейная машинка в упаковке 1972 года выпуска. И это на другом конце земного шара от Подольска.

Миша поначалу подумал: не киноклюква развесистая про нашу Россию-матушку снимается? Наподобие «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди». Угораздило Леонида Гайдая снять эту белиберду после «Кавказской пленницы», «Иван Васильевич меняет профессию», «Двенадцати стульев», «Бриллиантовой руки». Будто он, говоря одесским языком, с мозгами поссорился. Вдруг ещё кого разморило увековечить наших брайтоновичевских сограждан? На океанском побережье при дороге вереница контейнеров – устанешь вдоль них идти – с надписью на боках на чисто русском языке: «Железные дороги СССР». А у контейнеров продавцы, деда, тоже made in СССР. У ко-

го прямо на земле товар разложен, кто под него полиэтилен или тряпку какую подстелил.

Чего только нет. Подстаканник с гербом Иркутска – древний зверь бабр, несущий в зубах соболя, рюмки разнокалиберные, рядом стопка видиков. Чайный сервиз столетней советской давности. До последнего предмета, до последнего блюдечка целенький. Термос китайский, купленный где-нибудь в Томске.

У Миши глаза разбежались от удивления и восхищения.

«Ёперный театр! – хотел сказать от переизбытка чувств. – Настоящая барахолка!» И подавился восторгом от ещё больше неожиданности. У одного из контейнеров увидел Моисея Марковича.

«Проникновение наше по планете особенно заметно...»

Моисей Маркович росточком был метр сорок зимой, когда знаменитую тёмно-зелёную с широкими полями шляпу надевал. Пятиклассник, если брать по вертикали. В плечах, мышцах – Шварценеггер. Ручищи – такими подковы прямо на скакунах разгибать, ноги, как у штангиста. И кривые.

Без сомнения, это был Моисей Маркович. Дул осенний холодный ветер, он как ни в чём ни бывало сидел на складном стульчике голый по пояс, в шортах. В Омске с первым весенним солнцем ходил в лёгкой курточке. По непостоянству сибирской погоды народ ещё метался между шубами и демисезонным нарядом, он окончательно гардероб на лето разворачивал. Когда граждане, наконец, решались доста-

вать плащи, Моисей Маркович вовсю щеголял в рубашке. Не марганцовка текла в жилах! Кровь бурлила – не удержать. В морозы щеголял в болоньевой курточке, на голове упомянутая выше тёмно-зелёная шляпа. Никаких шапок-ушанок, полущубков и валенок.

В шестидесятые-семидесятые годы на омской толкучке Моисей Маркович торговал радиодеталями. По воскресеньям приезжал на мотоцикле «Урал» с множеством транзисторов, резисторов, конденсаторов и другой дефицитной номенклатурой в люльке. Причём это были радиоэлементы, выпускаемые для оборонной промышленности. Михаил Моисеевич скромно умалчивал, откуда ноги росли у его богатства. Ну-да разве от мальчишек скроешь. Прознали. Моисей Маркович имел доступ к свалке оборонного завода.

И вот земляк на другом конце земли торгует электронной техникой нового поколения. В США нет комиссионок. Ненужное выставляется на улицу мусорщикам. Телевизоры, видеомагнитофоны, микроволновки, компьютеры, электронные инструменты. Если прибор неработающий – шнур обрезан, работающий – целый. Из этого утиля питался прилавок Моисея Марковича.

Сюда бы ещё «Урал» для полного колорита. Но не выпала мотоциклу перемахнуть океан.

При скромном росте Моисей Маркович едва дотягивался руками до руля, ногами – до педалей. Ездил по омским улицам, распластавшись могучей грудью на бензобаке. Неудоб-

ства управления не мешали гонять с предельной скоростью. Кровь в жилах не только на мороз кипела.

«Так ездить,— качали головами прохожие, — надо сразу гроб в гараже ставить!»

Как-то лихач пронзал рёвом мотора один из омских проспектов. На голове морковного цвета шлем, мотоциклетные очки защищали глаза от набегавшего потока воздуха. Могучий «Урал» подрагивал от набранной скорости. Все три колеса азартно отбрасывали назад асфальт... Вдруг (ах, уж это «вдруг») Моисей Маркович увидел из положения «лёжа грудью на баке» преграду, взгляд его, проходя впритирку к фаре, уткнулся в шлагбаум, перекрывающий улицу. Из лёгкой, полосато разрисованной трубы он приказывал транспорту: «Стоять! Ни с места!»

«Проскочу», — понадеялся на свою комплекцию гонщик.

Зачем время попусту тратить на бесполезное стояние, если локомотива с вагонами не видать, эти железнодорожники вечно перестраховываются. Магистраль с рельсами отнюдь не транссибирская, местного пошиба, будочки и тёти с флажками нет, в ГАИ настучать про нарушителя некому.

Вжался гонщик в бензобак, и всё бы ничего, да подвели миллиметры, что в шлеме круглились. Всего самая малость не вписались в габарит. Но этого хватило. Удар выбил наездника из седла, заставил совершить принудительный полёт с приземлением на асфальт. Михаил Моисеевич распластался на асфальте во весь свой короткий рост в отключенном от

сознания состоянии.

«Уралу» хоть бы что, его миллиметры не задела преграда. Мотоцикл не заметил потери бойца, ещё быстрее припустил вдоль по проспекту.

Очнулся гонщик в больнице.

– Где мотоцикл? – отбросил казённое одеяло решительным движением короткой, но сильной руки. – Где мой «Урал» я вас спрашиваю?

Откуда в больнице знают. Своих забот полон рот. Тем не менее медперсонал сделал всеми силами попытку успокоить пациента. Предлагал таблетки, врачевал словом. Не помогло. Какое спокойствие, когда судьба любимого транспортного средства в полной неизвестности. Михаил Моисеевич заявил в милицию. Описал свой «Урал» до последнего винтика.

Извёлся в ожидании радостной вести от оперативников, надеялся, вот-вот сообщат: «Ваш мотоцикл найден! Забирайте!» Снова и снова звонил в милицию. В ответ на его вопросы органы несуразно мямлили, что поиски продолжаются. Они осложнены отсутствием каких бы то ни было мотоследов на месте происшествия, и вообще следов «Урала». Будто оживлённый проспект миллионного города на мгновение разверзся и поглотил вместе с коляской стокилограммовый мотоцикл. Был зелёнький, красивенький, и нет его. При этом ни одного свидетеля происшествия.

– Ведь не волк – в лес убежать! – взывал к совести мили-

ции Моисей Маркович. – Кто-то явно притырил? Надо искать похитителя. Не знаю, с собаками, обходом близлежащих домов производить в поисках свидетелей. Это не иголка в стоге сена.

Моисей Маркович грозился:

– Я вам буду делать скандал вселенского масштаба.

Обозначенного масштаба скандал не удалось сделать, и вообще, потрясения, свалившиеся на Михаила Моисеевича – удар о шлагбаум, а главное, утрата мотоцикла – повлияли на его могучее здоровье. Организм начал защищать рассудок сном.

Миша близко познакомился с Моисеем Марковичем на заводе, как раз полсе пропажи мотоцикла. Моисей Маркович работал в механическом цехе на наладке электрооборудования и спал на ходу. Механик пошлёт станок ремонтировать, а наладчик исчезнет. Где? Что? Глядь, из-под станка ноги торчат. Спит. В столовой ложку опрокинет в рот и задремлет, другую зачерпнёт – и опять в сон кинет. Цеховские разбудят, почастит немного, и снова дремота берёт своё. По два часа обедал.

Несколько лет маялся бедолага, а потом ничего, восстановился. А мотоцикл так и пропал с концами.

– Моисей Маркович! – подошёл Миша.

– Мишка! – вскочил бывший земляк. – Видик купи? Всего 10 долларов.

– Он ведь не фурычит.

– Отремонтируешь. Или вон телефонный аппарат?

– Велосипед нужен.

– Сегодня нет, закажу ребятам, денька через три зайди...

– Молодой человек! – крикнул от соседнего контейнера дедок. – У меня всё есть что вас интересует.

Моисей Маркович нехорошо посмотрел на конкурента.

– Новый, – не обратил внимания на косой взгляд продавец, – разик-другой, может, поезженный. Такую цену обыщите – не найдёте! Всего шестьдесят долларов.

И хотя на велосипеде ездили больше одного раза, судя по шинам, облупившейся кое-где краске, был в хорошем состоянии.

– Торгуйся, – шепнул Моисей Маркович.

– Сорок, – отреагировал на подсказку Миша.

– Вы меня просто удивляете, молодой человек, – возмутился продавец, – я вам как родному сыну, а вы меня раздеваете.

– Лёня, это земляк из Омска, – сказал Моисей Маркович. – Хороший человек.

– Ладно, – смягчился продавец после рекомендации, – пятьдесят пять.

Моисей Маркович пошевелил бровями, сигнализируя – не соглашайся.

– Сорок пять! – назвал свою цену Миша. При этом Моисей Маркович подбодрил гримасой: так держать!

– Молодой человек, я имею вам сказать, что вы-таки гра-

бите меня. Если бы вы были не земляк, я бы давно вам сказал; забудьте меня навсегда и этот новенький велосипед. Но только из уважения к вам готов оторвать его т моего большого сердца за пятьдесят долларов.

– Хорошо, – сказал Миша, – отрывайте!

Моисей Маркович был рад десяти долларам скидки больше покупателя. Как же наказал конкурента.

Со своей стороны тоже поимел выгоду – продал земляку замок со здоровенной душкой. Им Миша накрепко примыкал коня колёсного, примчавшись на работу или на океан.

Первая поездка получилась не без юмора. Миша, как человек технической мысли, до приобретения велосипеда разведаль, что Оушн парквей прямо к океану выходит. С набережной вырुливай на неё и гони в сторону Манхэттена. С этой ориентиром в пространстве надавил на только что приобретённые педали. Ход у велосипеда – одно удовольствие! Дорога, как стол, ровная! Петь хочется! Что-то типа:

Я буду долго гнать велосипед.

В глухих лугах его остановлю.

Нарву цветов.

И подарю букет

Той девушке, которую люблю.

Подумалось, сейчас бы с Татьяной на пару рассекать по Нью-Йорку.

Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.

Не успело музыкальное настроение заполнить сердце, обнаружился дорожный дискомфорт. Спиной ощутил Миша нелюбовь попутчиков-автомобилистов. На сигналы давят, к бордюру прижимают.

«Не нравится, что медленно еду», – подумал.

И начал выжимать из себя и велосипеда всю мощь, дабы в потоке держаться. Велосипед горный, шестнадцать скоростей. На самую быструю поставил, крутит изо всех сил, уже слюна кислая, всё равно насаждают.

И вдруг слышит – за спиной машина пристроилась и не обгоняет.

«Твои проблемы», – подумал Миша.

Зажужжал стеклоподъёмник.

«Полиция что ли?» – ёкнуло сердце.

Но в спину ударило:

– Эй ты, козёл! Здесь на велосипедах не ездят!

Не стал Миша обниматься с соплеменником. Вильнул на ближайшем свёртке.

Оказывается, рассекал по хайвэю – скоростной трассе. Для медленного городского транспорта, типа автобусов, сервис роуд имеется – обслуживающая дорога, а для ещё более

черепашьего – велосипедная дорожка... По хайвэю машины прут почём зря. И вдруг чудо с педалями под колёсами путается.

– Во! – смеялся Антон. – А ты говоришь – тоска в Америке. Тут веселуха каждый день. Ведь соотечественники кругом, а с ними не соскучишься. То облапошат, то обматерят родным словом.

Мани-мани у Билла и Вани

Вечером, запершись в ванной, Миша звонил в Казань Тане.

В США быстро понял – Тонька, в объятия которой мужа Афанасия на своих плечах привёз, на переговоры с Омском, когда ему названивала, жутко не тратилась. Полчаса пять долларов стоят. Можно и в два раза дешевле, только связь чуть похуже. Не даром, конечно, но Миша не реже одного раза в неделю Тане звонил. Бывало и чаще.

– Здравствуй, солнышко далёкое, – запел в трубку, – здравствуй, моя радость!

Разговор быстро вышел на основное события истекшего дня – двухколёсное приобретение...

– ...Главное, будто у меня на затылке клеймо «русский» или на спине «СССР» с гербом!

– Миша, помнишь Боровое Матюшино? В воде ты брал меня на руки и кружил-кружил-кружил...

Как не помнить. День солнечный, Волга тёплая... Они выбегали из воды и падали на горячий песок головами к бору... Из прохлады подлеска сосны восходили к небесному зною и убаюкивающе шумели в вышине... Танина кожа пахла солнцем...

– С проходящего теплохода, как сейчас помню, доносились: «Милая моя, солнышко лесное, где, в каких краях

встретишься со мною?»

– Песню не помню.

– Мне было так хорошо!..

Вечером от соснового леса, солнца, ласковой Волги возвращались в Казань на открытой палубе неторопливого кораблика.

– Ты обгорел и спал, положив голову мне на колени.

– Видела бы, как здесь однажды до волдырей пережарился! На океан приехал, все вокруг в футболках купаются и загорают. Думаю, что они закрываются, дефективные что ли? Я практически не сидел на пляже. Как забрался в воду, так часа три проторчал безвылазно. Вода тёплая-тёплая... А когда вышел, на своей шкуре раскумекал – зачем футболки... Через воду обгорел...

Таня слушала, а перед глазами был тот давний вечер, закат, упавший на воду от берега до берега. Волга несла навстречу кораблику золотистый пурпур, он ходил пластами от проходящих встречным курсом барж и теплоходов. Позади наших героев сидела громкая компания. Парень с высоким голосом смешил друзей анекдотами, лихо напевал арии из рок-оперы «Иисус Христос супер звезда». Причём, воспроизводил точно. Таня боялась пошевелиться и разбудить Мишу...

– Ты так сладко спал! – рассказывала в трубку. – Шея красная, как у варёного рака... Расстались мы на площади Куйбышева...

– Я, наверное, не в общагу, а к Юре Сорокину в Борисово поехал...

– Мне так хотелось позвать к себе и дома объявить: «Мама, папа, это мой Миша». А ты бы сказал: «Это моя Таня».

– Скажи сейчас матери.

– Сам скажи!

– Давай!

– Да ну тебя.

– Заработаю деньги, приеду и без телефона скажу.

– Деньги, деньги... Как я устала от этой зависимости...

– Ты бы знала, как в США поголовно мозги свихнуты на долларах! Просит у тебя закурить. С кем из мужиков не бывает. Уши пухнут, так захотелось. Мой принцип – не отказывать. Здесь – даёшь сигарету, он вместо «спасибо» суёт 25 центов. Или даже просит и сразу деньги протягивает. Когда первый раз столкнулся – обалдел. Но ты бы видела его с опавшей челюстью на моё «ноу» от центов. Что за невидаль – не брать деньги за своё?! У бедняжки башню клинить начало. Заикаясь, испуганно сунул мне в карман мелочь и порысил галопом. Или контрактор при расчёте. Заработал я 498 долларов. Он протягивает пятьсот и обязательно скажет, что с меня два доллара сдачи! И доволен, получив эту мелочёвку! А сам при этом ломает кисточки, шпатели, валики, что выдал в начале работ. Себе не забирает, но и я не могли использовать в другом месте. Сколько раз вспоминал здесь историю, как у нас в общаге дипломники деньги делили. Для

американцев это дикость. А была симфония!..

На третьем курсе Миша не подсуетился вовремя с общагой и – вот те на и война: оказался не с одногруппниками, а в сбродной комнате с тремя дипломниками.

В начале октября сидит на кровати и вдруг с возгласом:
– Кто над нами кверху ногами? – заваливают три дипломника плюс ещё один.

Миша на кровати сидел.

– Так кто над нами кверху ногами? – обращаются к нему.

Откуда ему знать.

– Муха! – захохотали разом.

Возбуждённые, весёлые... На то имелись веские причины – с шабашки, где-то под Мамадышем в колхозе работали, вернулись в городскую жизнь. С сумкой денег. Какой там кейс! Тряпочная нищенка цвета картофельного мешка. До краёв набитая купюрами, того гляди лопнет...

Бригада дипломников-шабашников была ярко интернациональная: татарин Ахмет, чуваш Коля, мордвин Саша и русский Роберт.

Роберт здорово играл на гитаре и балалайке. Саша знал наизусть бессчётное множество стихов Есенина. Подвыпив, мог читать часами на кухне. Слушатели заходят, выходят, а он читает.

Ахмет был парашютистом. О нём даже писала институтская газета. Зимой Миша с ним чуть не попал в историю с траурной рамкой.

– Хочешь полетать, как бумажный змей? – предложил Ахмет.

Конечно, «хочешь»! Тем более – сессия идёт, значит, в голове заноза сидит: какой бы предлог найти от конспектов оторваться?

А здесь оторваться в сторону неба!

Стартовая площадка на льду Казанки. Рядом с кремлём, который когда-то Иван Грозный у татар брал.

Чуть дальше по льду – дамба и мост. Иван Грозный к ним никакого отношения не имеет. Да не в этом суть.

Технология полёта от конспектов проста. Парашют-крыло раскрыт уже. За кольцо дёргать не надо. Но всю упряжь на себя надеваешь, как положено по инструкции. Через ляжку на груди пропускается верёвка, метров сорок длиной. Её концы привязываются к большой палке. Человек по весу не бумажный змей, одному запускающему трудно обеспечить управление полётом – четверо палку держат. Ветер надо льдом со стороны Волги (Казанка в неё неподалёку впадает) тянет, навстречу ему парашют ставится.

Внимание! На старт. Один запускающий сзади улетающего парашют держит в парусном состоянии. Марш! Все побежали. Парашют воздух набрал, и... подъёмная сила ноги летуна ото льда отрывает... Счастливчик пошёл-пошёл воспарять.

Здóрово!!

Здóрово-о-о-о!!!

Не выше башни Сююмбеки пик подъёма, а всё равно – как птица на кремль смотришь. Вон пролом, который с времён Ивана Грозного заделать не могут! А дальше за кремлём – диск цирка, стадион. За дамбой – памятник в честь воинов Ивана Грозного...

Ребята внизу за палку держат, взмыть выше башен не пускают!

И вдруг они закричали.

Один конец капроновой верёвки отвязался от палки и со страшной силой устремился вверх к летуну. Миша оказался на свободе – можно лететь в небо выше башен. Можно, да нельзя. Верёвка тоже одним концом на свободе, а другой к палке по-прежнему привязан, которую ребята держат. Миша летит, капроновая верёвка, бешено скользит по ляжке. И перетёрла её.

Мишу бросило назад. И, Боже, он увидел складывающийся парашют.

«Наигрался хер на скрипке – видно музыку любил!» – вспомнил грубое, но меткое выражение коменданта общежития и полетел на встречу со льдом.

Не птицей...

– Я думал, кости не собрать, – признался потом Ахмет, переиначив крылатое русское выражение.

Кости собирать не пришлось. Ушибами Миша отделался, хромл с полмесяца.

Коля-дипломник тоже был с изюминкой. Об этом фрукте

чуть позже.

На тот момент ни прыгать с парашютом, ни петь, ни читать «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» не значилось в повестке вечера, стояла задача поделить содержимое нищенки на четыре части. С разгона хотели на стол вывалить сумму. Но Саша закричал:

– Стоп! Вы что?

Столешница в безобразных кругах от чайника и сковородки, рытвинах и порезах по всей площади.

Неуважение к напряжённому труду на такую поверхность его итог высыпать. Дипломники пошарили глазами по комнате, Ахмет узрел на шкафу лист ватмана. Чем не скатерть! Чертежом книзу постелили и на белоснежность высыпали заработок!

Деньги в банковских пачках, но мелкого достоинства. Рубли, трёшки, десятки. В сумме гора, в ней высилось более четырёх тысяч. По тем временам автомобиль «Москвич» лежал на столе. Богатство! Делить его собирались без всяких коэффициентов участия – каждому по тысяче. Остатки – на общее пользование. В комнату что-то прикупить, погулять-расслабиться, само собой. Кассу совместных трат организовать на чай, хлеб и другие мелочи. Щедро спросили Мишу, не надо ли денег, раз вместе жить будем. В трудную финансовую минуту, мол, ты в беде не бросишь старших товарищей. Миша гордо отказался, сам только из стройотряда.

Принялись делить на четыре кучки. Но вдруг Коля гово-

рит:

– Мужики, бывают ухари, ловкостью рук, не надрывая упаковки, вытаскивают бумажки. Давайте проверим пачки. Вдруг обдурили – не полное содержимое.

Все загорелись: давайте! Мы должны честно друг с другом разойтись. Вдруг кому-то достанется неполноценная пачка.

Бросились пересчитывать. А куда учтённое девать? В углу фанерный ящик посылочный с мусором. В самый раз банковская ёмкость. Мусор выбросили, газетку на дно постелили.

Купюры мелкие, процесс пересчёта – нуднее не придумаешь. Только рублёвых пачек штук десять.

– Нет! – первым сломался Роберт от тупой работы, – без гастронома не разберёшься, пора за пивом сгонять.

Противников предложению не нашлось, вскоре две трёхлитровых банки с «Жигулёвским» украсили стол.

После утоления первой жажды Ахмета осенило:

– Ерунда какая! На столе чистый лист, а мы ерундой маемся – надо «пулю» расписать!.. После неё разделим!

Непересчитанные деньги полетели в ящик к пересчитанным.

Преферанс не та игра, щелбаны на кон ставить. Каждый взял по пачке рублей. Но опять загвоздка, пиво кончилось. Да и вообще его забраковали за разбулдыженность. В магазине, что рядом с общагой, продавалось яблочное вино в трёхлитровых банках. Многократно проверенный напиток. Что-

бы два раза не отвлекаться – купили четыре банки. Вот когда понадобилась Колина изюминка. Он артистично раскупоривал вино в данной ёмкости. Без ножей и открывашек.

Короткий замах, острый локоть резким выверенным движением (вниз вверх) бьёт в металл, от удара крышка вминается, отрываясь от горла сразу по всей окружности, и доступ к вину обеспечен. Пейте, други, веселите душу!

Пошла игра на фоне яблочной поддержки. Дым коромыслом, вино рекой. То и дело двери открывались, приходили друзья дипломников и немели от пиратской картины. Вино, карты и денег полный ящик. Обретая дар речи, сходу просили в долг. Нормальная человеческая реакция. Шабашники не отказывали. Одалживали в разумных пределах и даже поначалу записывали кредиторов.

Потом случилась путаница, Роберт устал от бухгалтерии, передал обязанности учётчика Саше, тот к порученному делу отнёсся из рук вон халатно. Вышла путаница, после чего постановили: деньги спрятать, лавочку по беспроцентному кредитованию закрыть.

Засунули ящик под Мишину кровать. Раз трезвый – охраняй. Миша «Яблочное» не употреблял. Точнее – его организм. Именно на это вино была резкая аллергия. Желудок воспринимал «Яблочное» как молниеносное слабительное.

Стоял ящик под кроватью дней пять. Несколько раз дипломники порывались заняться делёжкой денег, но каждую попытку прерывали помехи. Или терпения не хватало, и сно-

ва начинали играть в преферанс, или кто-то из их группы приезжал, горячая встреча перебивала финансовые задумки.

То и дело поступала команда:

– Коля, огонь!

Коля выполнял просьбу без проволочек. Причём, как истинный профессионал своего дела, одинаково артистично открывал банки с обеих рук. Стоило правому локтю устать от перегрузок, переключался на левый. И наоборот. Ни разу не подвёл товарищей...

В институт дипломники не ходили. Куда дипломная работа денется – до защиты полгода.

Был один нюанс описываемой ситуации: в комнате замка на двери не было. Его высадили ещё по весне, потеряв ключи. Дверь с тех самых пор стояла с дырой. И вот однажды, проснувшись среди ночи, Ахмет, возвращаясь из туалета, заметил отсутствие запора и решил деньги перепрятать в более надёжное место.

Задумано – сделано. И лёг опять спать.

«Яблочное» вкупе со сном подействовали на память паталогическим образом. Информация о манипуляции с ящиком к утру исчезла из головы Ахмета напрочь. Когда Коля хватился денег, Ахмет запаниковал вместе со всеми.

– Какой такой морда украл? – заговорил с неприсушим для себя чудовищным акцентом.

Не сказать, что у него был литературно чистый русский язык. Случались огрехи, как тогда на полётах у кремля, но

не до такой же степени.

Волнение сказалось. Да и как не волноваться. Стоял ящик с деньгами под кроватью и нет его. Дипломники принялись трясти остальных жителей комнаты частным расследованием. Кто заходил? Если бес попутал и взяли, лучше вернуть по-хорошему.

– Деньги матери на ремонт дома намечал! – рвал рубаху на груди специалист по локтевому открытию трёхлитровых банок Коля.

– Гитару концертную хотел купить! – трагически хватался за голову Роберт.

– Не брали мы! – чуть не плакали меньшекурсники из соседних комнат.

В поисках пропажи дипломники бросились переворачивать комнату кверху доньшком. Саша балкон, заваленный пустыми банками и бутылками, сломанными стульями и всяким хламом, накопившимся за многие годы, очистил. В старом, без душки, ведре под строительным мусором отыскал запечатанную чекушку водки начала 70-х годов выпуска. Неизвестно кем, когда и от кого заначенную. Можно сказать, раритет, но никто не проявил восторга.

Зато какой рёв раздался из встроенного шкафа, а потом был подхвачен всей комнатой, когда на свет божий вывалился Ахмет в паутине и с драгоценным ящиком. Под старыми башмаками, рваными куртками отыскал деньги.

– Какой раздолбай туда засунул? – возмутился. – Какой

идиот?

Поносил себя любимого последними словами.

Пережив нервное потрясение, дипломники сходу, не отвлекаясь на вино и карты, без перекуров пересчитали содержимое. И страшно удивились. Но не тому, что бесследно исчезла целая тысяча, хотя за неделю на такие деньги надо было пропустить через себя банок триста «Яблочного». Были поражены факту: как много осталось! Целых три тысячи с копейками!

Одним махом поделили данную сумму и разъехались по домам отдыхать после шабашки.

– Расскажи это американцам, – смеялся в трубку Миша, – у них шарики за ролики зайдут от такого варварского извращения к самому святому – к деньгам!

– У Ахмета с моей двоюродной сестрой дачи рядом. По сей день прыгает. Недавно стал чемпионом Татарстана. Больше четырёх тысяч прыжков. Каких только передраг не было. Однажды, рассказывал, парашют толком не раскрылся, но повезло – в болото упал. Сверху гора снега, внизу жижа, даже не поломался... И жизнерадостный всегда...

– Хранит судьба...

– Никогда по головам не шёл, об деньги не измазался, никого не кинул...

Полюби через стёклышко

В воскресенье обитатели отстойника один за другим разошлись. Миша остался один, повалялся без дела и направился в долину сексшопов. Так обозвал злачное место Антон Хохлов.

– Русский мужик в Нью-Йорке не бывал, коли той клубнички не едал, – говорил назидательно.

Будучи в студенчестве в Москве, Миша с трудом (купил билет с переплатой) прорвался на выставку «Сто картин музея “Метрополитен”». Эль Греко, Гойя, «Портрет русской балерины» Пабло Пикассо, импрессионисты и другие европейцы, хранящиеся за океаном. Музей находится на Манхэттене, на Пятой авеню, это Миша разузнал. Даже номер дома запомнил – 1000. Если Таню удастся вытащить в США, обязательно надо сводить на шедевры живописи и скульптуры, а пока почему бы другую экзотику не отведать. Ту, что на том же Манхэттене под боком у Бродвея. Бродвей гремит на весь мир своими театрами, мюзиклами, другой развлекаловкой высокого пошиба. Именно здесь Метрополитен-опера, на Бродвее престижные выставки проводятся, мюзиклы каждый вечер в большом количестве. Здесь Фёдор Шаляпин демонстрировал нью-йоркским любителям музыки, как может петь русский бас, и концерты сверхпопулярного в США Сергея Рахманинова проходили с бешеным успехом.

Это что касается уникальности Бродвея, однако параллельная ему авеню не менее популярна у жителей Нью-Йорка и его гостей. Во времена оные данная улица борделями славилась. В борьбе за нравственность на проституцию в Нью-Йорке наложили ограничения. Постановили: хорош смертный грех разводить, переходим на здоровые рельсы. Однако на каждый болт с секретом всегда есть ключ с подходом. В альтернативу проституции расцвели секшопы.

Зарулил Миша в один с сугубо познавательными целями. В предбаннике развалы интимных товаров. Фильмы, журналы, причиндалы для гурманов. Американцы и здесь обошли запрет. Скажем, красotka в печатной продукции без всего дана. Да не совсем. И не лоскуток белья на фотографии интим прикрывает. Нет. Залеплено. Не моги каждый всякий глаза почём зря задарма пялить. Купи, отлепляй и хоть ложкой ешь. Право первой ночи, так сказать, обеспечено законом штата.

Миша ничего покупать не стал, прошёл вглубь заведения. Залище!.. Конца края не разглядеть. По периметру индивидуальных кабинок понаделано – собьёшься считать... И в центральной части зала не меньше. Штук сто пятьдесят или даже двести с хвостиком. Афроамериканцы на службе, то бишь – негры. Один салфетками торгует, другой со шваброй вдоль кабинок шныряет в поту чёрного лица, то в одну освободившуюся занырнёт, орудием подтирания поелозит, то в другую... Стоять некогда...

Миша в кабинку зашёл, на стул сел, доллар сунул в машинку, запускающую сервис. В него два телевизора входят. Один над другим. На верхнем в каждом углу порно продукция себя рекламирует. Выбирай в зависимости от секснаклонностей. Можно научной терминологией описать товар на экране, можно проще изложить. Короче, в одном углу «М» и «М» изображены, в другом – «Ж» и «Ж», в третьем – банально-классический «М» и «Ж» вариант, а четвёртый с привлечением зоологии.

Выбирай, кнопку дави и переводи зрение на нижний телевизор, где тебе три минуты демонстрируется кино в соответствии с половыми пристрастиями... Никакой лирики с признаниями при луне и без оной. Исключительно деловой подход без сю-сю, му-сю и телячьих нежностей. Как говорится: пришёл, увидел, наследил. Только что изнутри процесс не показывают. Артисты всю стараются, личным примером вдохновляя зрителя...

Вышел Миша из кабинки. В салоне народ по-деловому снуёт, деньги не жалеет. Среди публики процентов двадцать-тридцать женщин зафиксировал глазом инженера-аналитика и удивился: «А они чё здесь делают?»

Позже на логические полки разложил явление интереса слабой половины американского человечества к сексшоп-страстям и пришёл к выводу. В Штатах Соединённых на улице не познакомишься с интересующим полом. Мужики на женщин смотреть боятся. Расценит твой взгляд как сексу-

альное домогательство и суши гамбургеры – закатают в казённый дом с зарешёченным видом из окна. Едешь в автобусе, не вздумай место даме уступать! Какая бы ни была старокоренная с клюкой, сиди, как парализованный. Боже упаси дёрнуться место уступить, помочь войти-выйти или чемодан внести-вынести. Пусть у неё хоть пуп от натуги развязывается, никаких джентльменств не проявляй. Дави на корню позывы галантности. Перед входной подъездной дверью даму вперёд себя не пропускай, тугая не тугая дверь, ни за что слабому полу не открывай, сама пусть корячится. Какая бы красавица ни встретилась на пути, смотри как на пустой нуль. Иначе можешь в криминальную историю вляпаться! Профессора Кузнецовы, кои упоминались ранее, в первый день загремели бы со своими интеллигентскими замашками в американскую каталажку и научные достижения перед математикой не спасли.

Страдают от таких законов не только граждане мужественного пола, слабосильные защищаемые тоже к секшопам прибегают. Она и рада внимание на себя обратить, да он глаза в пол уткнёт от тюрьмы подальше. Потому американки наряжаются как попало. На кой ляд из кожи лезть? Идёт такая краля, на плечах шикарная дублёнка, на ногах кроссовки спортивные. В сумме – как на корове седло. Иначе не скажешь. Ей бы сапоги на высоких каблуках, походку от бедра, она будто подстреленная идёт. Или платье за тысячу долларов на ней, а к нему носки, в коих только на лужайке за

бабочками прыгать. В автобусе при всём честном народе да-ма запросто может брови выщипывать... Казалось бы, полно народа, мужчины, а ей наплевать с высокой горы...

Иная русская женщина на троечку, но наведёт марафет-макияж – тут подкрасится, там подмажется и – обаяшка. Смотришь и жизни радуешься. Здесь считают, зачем макияжиться, коли мужики в упор не видят. Ещё и демонстративно физиономии постные воротят?

И получается: где уж нам уж выйти замуж – нарисуем, будем жить.

Вышел Миша из телевизионной будочки, глядь – ещё один тип кабинок предлагается. За пять долларов. Взялся за познавательский гуж – продолжай экскурсионные траты. Сунул в машинку деньги в соответствии с таксой. В этой кабинке телевизора с возбуждательным киноискусством не было, зато жалюзи открылись, и... вот те раз, слушай песня на заказ – за стеклом живая деваха. Да не просто живая! Фигурашка! И самый-самый чуток одета. Музыка заиграла, она хоп-хоп – пару раз вильнула тем местом, что пониже спины, сценический наряд – бюстгальтер, трусики – долой, согласно сценарию предстала во всей телесной наглядности. Где надо гладко, где надо рельефно.

«Малазийка!» – определил Миша. Нет, географию установил, как жалюзи упали. А то подумаете – у малазиек национальные особенности под минимум одежды запрятаны. Лет двадцати от роду. Небольшенькая с отличной тазобедренной

конструкцией, плавными обводами всех выпуклостей. Миша предположил: будет исполнять танец живота, демонстрировать гибкость тела, возможности сочленений опорно-двигательного аппарата. Отнюдь, никакого танца, как повихляла лениво бёдрами, избавлялась от лоскутков одежды, так и замерла. Стоит в наряде Евы-прародительницы, глазами хлопает.

«Пяти долларов мало?» – по-американски расчётливо подумал Миша.

Малазийка будто мысли клиента прочитала, цапнула телефонную трубку и маячит: хватай свою.

Только сейчас Миша разглядел – с его стороны тоже аппарат для речевого контакта. Как вошёл не заметил его, всё внимание малазийка на себя взяла.

«Секс по телефону?» – подумал и сказал по-русски в трубку:

– Аллэ!

Ответ прозвучал английском, был он краток и конкретен:

– Двадцать долларов!

При этом собеседница показала на прорезь в стекле. Дескать, бросай и продолжим общение.

«С каких это шей-борщей?» – недовольно подумал Миша.

А вот с каких. Малазийка села на столик, что стоял у неё за спиной, в смелой позе, и принялась пальцах разъяснять: я буду делать так, а ты у себя эдак. В результате получится как в той песне «и тебе, и мене хорошо!»

Миша пожал плечами, дескать, не понимаю, гражданочка, что вы от меня хотите. Жалко было двадцать баксов совать куда попало.

– Ноу андестенд инглиш! – сказал Миша в трубку.

Да при чём здесь английский?! – возмутилась девица всем своим обнажённым видом. Мол, при чём здесь английско-американские разговоры.

– Русо туристо облика морале! – сказал Миша, вспоминая знаменитый фильм «Бриллиантовая рука». Про себя подумал: чем же всё это закончится?

Финал получился прозаичным, пока перепирались, сеанс иссяк, жалюзи закрылись.

Или малазийка поняла: с «облика морале» навару не будет. Нажала на педаль: прощай, голубка, до новых журавлей. Уступи «русо туристо» место щедрой клиентуре.

Побрёл Миша прочь из шопа, двигаясь навстречу ручейку сосредоточенных мужчин и женщин, спешащих к телевизорам и малазийкам...

Солнце над Манхэттеном светило нежаркое, денёк разгорелся в самый раз для прогулок, но радости в душе не было, закралась в сердце тоска зелёная. Миша побрёл по Манхэттену куда глаза глядят и уткнулся в художественную самодеятельность, которая тоже потребовала с него денег. Там малазийка, здесь афроамериканец. Штук пять негров на тротуаре концерт устроили, вместо барабанов вёдра полиэтиленовые из-под строительных смесей, трое ритм ладошками

выколачивают, четвёртый выделяет пляску руками-ногами, и всей подвижной фигурой – на голову встаёт, винтом на ней крутится... Но самый главный в ансамбле народной музыки пятый, тот, что с прохожих за погляд деньги сшибает. Настырно так, дескать, ничего не знаю, раскошеливайтесь, платите за негритянское творчество!

– Да пошёл ты в пим дырявый! – грубо сказал приставале Миша. – Самому бы кто подал! Я и не смотрел, больно нужна дремучая самодеятельность!

И повернул коня восвояси.

Черкануть по Европе

Вернулся Миша домой и вспомнил: сегодня Троица.

Аннушка Речева говорила.

Аннушка приехала в США такой же верующей, как остальные в отстойнике. На подлёте к Нью-Йорку захотела перекреститься на счастье в новом месте, и зависла рука необразованная: справа налево или в обратном порядке кладётся крестное знамение. Суеверно побоялась перепутать – кабы наперекосяк после этого не пошло. Не защитила себя крестом. А мысль запала. Заглянула однажды в православную церковь в Нью-Йорке, подглядеть, как крестное знамение накладывается, и просто из любопытства. С той поры каждое воскресенье стремилась съездить в церковь. По натуре контактная, быстро завела знакомства среди прихожан...

В это воскресенье тоже с утра пораньше засобиравшись на службу.

– В молеальный клуб, – сыронизировал Антон Хохлов.

Накануне Аннушка принесла пару зелёных веток, украсить отстойник в традициях праздника.

И ещё Миша вспомнил, как ходил в детстве с бабушкой в Троичную поминальную субботу на кладбище.

– Почившие сродники наши сидят в этот день на скамеечках у своих могилок, – говорила бабушка, – и ждут, придём к ним, расскажем про житьё-бытьё. Помолимся за них,

вспомним добрым словом.

– А на Радоницу ждут? – спрашивал любопытный Миша.

– И Радоница их день. Ко мне будешь ходить на могилку в родительские дни?

– А как же? Но ты живи, бабушка.

Она рассказывала про другие родительские субботы – не запомнил.

В отстойнике было тихо, Миша стал набирать Казань.

Условия самые благоприятные для разговора, никого из сотоварищей нет, прятаться в ванну, таиться по углам от чужих ушей не надо.

– Здравствуй, родная! – выдохнул радостью в трубку.

– Здравствуй, милый! Здравствуй!

– Танюша, а какие ты знаешь родительские субботы?

– Кроссворд разгадываешь?

– Да нет!

Таня тонкостей православного календаря не ведала.

– Бабушка говорила, – Миша поудобнее сел в продавленное кресло, – в родительские дни нас усопшие ждут на кладбище. А вчера была Троицкая родительская суббота. Я перед отъездом так и не собрался на могилку к отцу. Кто знает, может, и вправду ждал меня?

Миша начал рассказывать про отца. Его рассказ, преодолевая Атлантический океан, достигал Казани, Таня слушала затаив дыхание.

– Сам не знал, – начал повествование, – что к чему до два-

дцати четырёх лет. Домой в Омск после института приехал, полез в документы и наткнулся на казённую бумагу, из которой следовало, что отец зеком пять лет оттрубил. С 1948 года по 1953-й. Не успел переварить лагерный факт семейного прошлого, ещё одно здрасьте: лейтенант Иван Михайлович Прянишников на Нюрнбергском процессе в караульной роте служил. Мне в книжках приходилось читать, какая это была честь. И документ про Нюрнберг солидный – с красной печатью. Дождался мамы и говорю: давай-ка, родная, рассказывай, хватит секреты разводить, не 1937-й год на календаре.

История оказалась достойная пера. В 1941-м отец школу закончил и не успел с одноклассниками в добровольцы записаться, Калининскую область, вместе с родным Андреаполем немцы захватили. Парни, воспитанные в патриотическом духе, подались в партизаны, преисполненные желанием бить, крошить уничтожать захватчиков. В лесном отряде одна винтовка, а то и охотничье ружьё на трёх бойцов. Один стреляет, двое в очереди стоят, когда боевого товарища убьют, вместо выцеливать врага. Командир слабо утешил молодёжь, рвущуюся в бой. Сказал новобранцам: оснащайтесь, ребятки, оружием, кто как может, ничем помочь не в силах.

Отец был не хилого десятка – два метра три сантиметра ростом. И решил не ждать у моря погоды на получение винтовки или дробовика. Наметили с дружкой провести гоп-стоп военного времени. Офицера подкараулить поздним ве-

чером и разжиться пистолетом. Немецкая винтовка, что там говорить, убойнее агрегат. Ею вооружён патруль, что всю ночь по городу ходит. Но три немца – это не одного взять голыми руками. На первый раз остановились на офицере. Всё шло по намеченному графику операции, да не успели придушить жертву, тот самый патруль с винтовками выскочил. Пацанов скрутили и на допрос. Кто? Что? Как посмели?

Парни не бросились из себя строить героев-мстителей, кричать «смерть фашистским оккупантам!» Их не придушенная жертва – офицер – дал показания и ушёл спать. Немецкому парней в школе хорошо учили. Давай партизаны применять на деле знания, гансам по ушам тереть, что офицер к девушке одного из них приставал, они как рыцари заступились за честь барышни.

Начало войны, партизаны с раскладом «три ружья на одного лесного воина» захватчиков обозлить не успели. Парням поверили. Немцы в те месяцы соблюдали международные конвенции по отношению к мирному населению.

– Был случай с моей бабушкой по маминой линии, – рассказывал дальше Миша. – Мама тоже ведь из Андреополя. Дед был председателем колхоза, перед войной умер, бабушка с тремя маленькими детьми на руках осталась. Осенью свинью зарезали, и было сало. А тут рейд контрибуционный по заготовке продуктов для немцев. Полицейский заваливается: «Анастасия, давай, что у тебя есть?» – «Ничего, кроме трёх дочерей!» – «А мы посмотрим!» И прямой наводкой к

тайнику в подполье. Сало нашёл. Бабушка ему: «Что ты делаешь? Без него умрём, зима на носу!» – «Ничего не знаю, председательская жёнка!» Забрал, как бабушка ни просила. Она в ужасе: всё – семья не выживет! Помощи ждать неоткуда. Дети умрут на её глазах. Схватила верёвку и в лес. Отчаялась жить дальше. Односельчане перехватили: ты в своём уме? И кто-то сказал о грабеже немцам. Ночью стук в дверь. Бабушка открывает, стоит солдат, подаёт мешок: «Матка, сало».

Отца с другом расстреливать не стали за неуважение к немецкому офицеру. Но и отпускать с миром – немцы тоже не дурнее русских. Сильно жирно будет. Это уже не сопливые пацаны, а завтрашние солдаты Красной Армии, а сегодня – дармовая рабсила на благо третьего рейха. Отправили в Германию.

– Отец погиб в 1968-м на стройке, мне уже одиннадцать лет было. Но про войну не рассказывал никогда. За что, спрошу, орденов столько? За дело, смеётся. Были они с другом вначале в Германии, потом во Францию перегнали на виноградники. Любили немцы французское вино.

На виноградниках парни наладились драпака задать.

В мозгах не укладывается, как решились через всю Европу пройти? «Бежал бродяга с Сахалина» – это не только в песнях было. Бежали каторжники, через тайгу пробирались. Но там «хлебом крестьянки кормили меня, парни снабжали махоркой». Тайга, дикий зверь, бурелом, жандармы... Да

своя территории. На одном языке говоришь. А тут сплошь чужие города и веси. Понимали парни – никто им хлеба не подаст, водичкой у колодца не напоит. Замышляя побег, выкраивали из голодной пайки заначку на длинную дорогу.

Летом 1943-го по теплу пошли в отрыв. Ни карт, ни компаса, ни у прохожего спросить, как из Франции в Россию пробраться. Идти можно только ночью. Вся Европа под немцем, и вдруг русские ходят-бродят. Географию парни учили в школе не абы как, рассчитали, чтобы в Италию не забуриться, а через неё в Грецию и Турцию не упороть, надо держать по диагонали – на восток и в то же время на север. Значит, через Швейцарию. Вектор верно проложили и упёрлись в Альпы. Горы хоть и не Гималаи, а тоже не шутейные. Во время перехода попали в снежную бурю на перевале. Одежка летняя. Друг простудился. Что такое в горах переохлаждение? Стопроцентная пневмония, протекающая моментом. У отца на руках друг умер.

Отец двигается дальше один. Скорее всего, черкнул часть Швейцарии, Австрии, может, кусок Германии прихватил, затем – Чехия, Польша. Каждый день мог погореть. Где под дурачка косил, а когда Францию миновал, бывало, французом прикидывался. Языки на лету схватывал, французский освоил на виноградниках. Однажды в сарай забрался переждать дождь. На чердаке прилёг, задремал, вдруг слышит – немцы. Два дня пролежал ни вздохнуть, ни пикнуть, ни по надобности сбегать.

Лето в дороге кончилось, за ним – осень, потом как положено – зима, хоть и европейская, а тоже холодно. Дорожная торба давно опустела, держался на подножном пропитании. Когда подобрал польский крестьянин, отец от голода плохо соображал. Скелет и кожа. Но уже был в приграничье. В районе Гродно. Слегка промазал, круто на север взял. В сторону Бреста было короче. А так всего километров сто пятьдесят не дотянул до границы.

– Поразительно! – выдохнула в трубку Таня.

– Наши войска только подходили к границе, вели бои на своей территории. Поляки спрятали отца на хуторе. Сами впроголодь жили, но русского не бросили помирать. И немцам не сдали. Хотя знали, те чикаться не будут, найди они русского – весь бы хутор порешили.

Мать рассказывала, что отец не раз потом мечтал: вот бы поехать в Польшу к ним...

Я в 1995-м «БМВ» гнал из Германии и решил: должен побывать. Набрал пива немецкого, деликатесов. Название хутора от матери знал, по карте привязался. На магистрали Варшава–Гродно узенькая асфальтированная дорога от трассы, и километра через полтора за полоской леса домов пятнадцать...

Приехал и разволновался, как тот пацан перед экзаменом.

Да никто ни капли не помнит. По-русски все как я по-польски. Через пень колоду, с пятое на десятое объясняемся. Самому старому жителю лет пятьдесят пять. Я для начала

просто на ночлег попросился. Он, дескать, без проблем. Потом талдычу ему: пан, война с немцами, русский у вас прятался. Он мне объясняет, что от горшка два вершка был, ничего не знает. Что ты будешь делать! Я абсолютно уверен – тот хутор, и вдруг облом... Фотографии, спрашиваю, есть. Мать говорила: по рассказу отца у одного крестьянина шрам в пол-лица от удара лошади копытом. У нас в деревнях фотографии в залах, у них в спальнях почему-то. Провёл меня пан. Лиц много, но никаких шрамов. Ладно, думаю, пора заканчивать поиск, надо хозяев пивом угощать. Достал упаковку. За столом спрашиваю, хутор дальше за болотом есть? Да, говорят.

Не поверишь, Танюша, сюжет чисто киношный. После войны выяснилось, что родного брата отца в соседнем хуторе прятали. Лётчик дальней авиации он, отбомбив Берлин, на обратном пути был сбит, прыгнул с парашютом. Поляки его, всего в ожогах, подобрали. Крестьяне яйца собирали, это в те-то голодные годы! белок отделяли, чтобы на этой жидкости лежал.

Нью-Йорк освещало солнце, Казань донимал нудный ночной дождь, Татьяна смотрела на студенческую фотографию, что стояла на книжной полке – смеющийся жизнерадостный Миша в светлом плаще, широкополой шляпе – и слушала его рассказ из-за океана.

– Попили пива, поужинали, я пошёл спать в машине. Рано утром просыпаюсь – красота!.. Туман, роса по колено. Дви-

нул в соседний хутор. Километра два вдоль болотца. Стоит восемь домов. Собаки загавкали. Зачем, думаю, со вчерашним днём к людям приставать? Развернул себя в обратную сторону. Прихожу, хозяина нет, в поля уехал. И никого. Дом открыт. В здоровенном сарае комбайны. Подумал-подумал. Нет, уезжать нельзя. Не попрощался, да и вдруг что пропадёт. Не по-людски. Первой к вечеру дочка хозяина вернулась, лет двадцати, попросил её, чтобы в соседний хутор сводила, захотел продолжить поиски. Пришли. Призываю самых старых ветеранов. Дед, порядком за семьдесят, подходит. Крепкий ещё пан. Но глуховатый. Начал с ним изъясняться о делах прошлых лет. Вообще не могу понять его панскую мову. Переведите, прошу поляков. Они, на меня уставились: с какого языка на какой переводить – с польского на польский?

– В иностранном языке самое трудное – детей и стариков понимать, – заметила Татьяна. – Когда начнёшь, считай, язык освоил.

– Короче, дед тоже никакого лётчика не помнит.

Махнул я рукой. Отдаю им пакеты с колбасой, конфетами, пивом. Нате, говорю, где-то в этих местах русского лётчика поляки спасли, моего дядю. Но перед уходом попросил фотографии показать. В один дом завели, во второй, и вижу фото мужчины, лицо шрамом обезображено.

Потом по Белоруссии еду и осенило, в войну детям ничего о русском не говорили. Проболтается кто – всем хана. После войны, наверное, тоже не распространялись. Я сколько лет

не знал о лагерном и военном прошлом отца. А глухой дед, стреляный воробей, и сейчас держит язык за зубами. Приехал непонятный гусь в хутор и докапывается – о лётчике ему расскажи.

Брат отца, мой дядя Вася, в 1947-м умер. Сильно обгорел.

Летом 1944-го в хутор вошла Красная Армия, отца мобилизовали и для начала на откорм поставили. Дистрофиком не был, но для его роста шестьдесят килограммов – это кощей. Уже через месяц – есть у нас фотография – отец щекастый здоровяк под...

Написал письмо матери, узнал, что отец и два родных брата погибли. Стал проситься в разведку. Отговаривали. «Я их так ненавижу!» – стоял на своём. И добился, попал во фронтовую разведку. Немецкий знал хорошо. Похоже, каждый второй рейд в тыл – это орден или медаль. Неполный год воевал, а только орденов пять.

Как-то пацаном просыпаюсь, родители кино по телевизору смотрят о разведчиках – «Звезда». Слышу, мать отца спрашивает: «Когда страшнее всего было?» Он начал рассказывать, однажды языка захватили, допросили, а потом командир приказал труп сжечь, заматывая следы. В деревне два дома горели после бомбёжки. «Бросили в огонь, – рассказывал отец, – а он вдруг зашевелился. До того жутко стало. Мышцы от высокой температуры стали сокращаться. Полное ощущение – ожил».

Был случай, с командиром и ещё одним бойцом отец за-

скочили в брошенное селенье. На их беду немцы вынырнули из лесочка на двух мотоциклах. Куда прятаться? Посреди улицы огромный развалившийся воз сена, телега засыпана, колёс не видно, лошади нет, хозяина нет. Нырнули под телегу в надежде – фашисты мимо проследуют. Да не совпали планы русских и намерения немцев. За мотоциклистами подъехала на машине пехота. Заколготились вблизи воза. Гыр-гыр-гыр по-своему, пару охапок сена взяли. Сидят наши, автоматы сжимают. От сверхнапряжения у одного голова не выдержала, крыша поехала. Глаза бешеные и рвётся выскочить. Командир, могучий мужчина, сгрёб его одной рукой, так что шея на сгибе руки оказалось, и придушил.

– Боже! – воскликнула Татьяна.

– Не насмерть, тот сознание потерял. Без шума вроде бы получилось, но немцы что-то почуяли. Щелка наблюдательная имела в сене, наши увидели – человек пять пошли с автоматами к возу, тогда разведчики – пан или пропал – выскочили из-под телеги, отец лимонку вверх подбросил, несколько немцев положил, но и командира наповал, а сам перемахнул через забор и дёру. Без царапины вырвался.

Отец к концу войны стал лейтенантом. А после победы попал в караульную роту Нюрнбергского процесса. Оно и понятно. Русский богатырь: волосы русые, глаза голубые, грудь, живого места нет – в орденах и медалях. Но в 1948-м не помогло героическое прошлое. Припомнили работы в Германии и Франции, закатали в лагерь. За колючкой прово-

локой отец стал строителем. Освободившись, очень быстро вышел в начальники строительно-монтажного управления. И погиб на объекте. Никогда не видел столько людей на похоронах. В основном мужчины. Помню на поминках... Одноэтажная столовая, толпа народа с кладбища приехала. Распорядитель говорит: «Нас так много – закусывать некогда. Партия заходит, сели за столы, выпили, помянули и подъём, уступаем место другим!»

А я перед отлётом в США на кладбище к отцу не сходил... И к бабушке...

«Хватит грусти и тоски», – решил про себя Миша, в трубку сказал:

– Танюша, здесь есть музей «Метрополитен», приедешь, обязательно посетим. Там картина Эль Греко «Вид Толедо»! Я в Москве видел, когда выставка приезжала. Поразительная вещь. Посмотрим!.. Мои любимые импрессионисты...

– Всенепременно! – засмеялась Татьяна. – Фантазёр ты, Миша!..

– Надо верой притягивать мечту!..

Собачий день в Пенсильвании

Американские евреи с пейсами, что в любую адскую жару ходят в чёрных длинных одеждах и в широкополых шляпах – особая статья для нелегалов из России-матушки. Больше для нелегалыщиц, у коих в канун еврейской пасхи сенокос. Ортодоксально верующие евреи несколько улиц в Нью-Йорке, в Бруклине, занимают, Баро-Парк называется. Каждый дом, квартиру положено перед пасхой до блеска отмыть. Повальные размойки, генуборки, согласно закону. Центы евреи – учить не надо – считать умеют, торгуются до последнего, норовя по минимуму нанять уборщицу. Зато работы море разлитое. Любят русские женщины еврейскую пасху. К сожалению, только раз в году... Каждый месяц бы такое раздолье. Пасха прошла и опять, как говорит Антон, геморрой на голову: где следующие доллары зарабатывать?

Хозяйки, как водится, разные. Другая год к плите не прикасается, семь потов прольёшь, химией отдирая до перво-зданного лица. А уж пылесосом надо в самые укромные углы залезть. Даже в рюкзачках школьных каждый карманчик требуется очистить. Крошечки хлебной в доме не положено остаться, крупинки микроскопической. Холодильники пустые. Шкафы с продуктами некоторые хитромудрые заклеивают бумагой и скотчем. Дверцу открываешь, а там лист бумаги от самого верха до самого низа. Боженька придёт, уви-

дит, очень бедная семья, кушать нечего, и что-нибудь подаст. Об этом Миша знал от Аннушки, Риты, подмышки бриты, других омичек... Радио ортодоксам разрешается слушать, телевидение – ни-ни! Кроме новостей другим нельзя оскверняться. Оберегаются от бесовского мира. Аннушка рассказывала, как-то убирается в Баро-Парке, хозяйки нет, ушла. Вдруг ба: музыка шаловливая зазвучала, речь с предыханиями... Что за напасть? Откуда в этом доме? Пошла на звук. Дочка хозяйская лежит на кровати, курит, как паровоз, и порнуху во все глаза по компьютеру смотрит. Ты беса в дверь, он не мытьём, так по другому залезет.

Миша после «Хилтона» уборкой не занимался. Но как-то пришлось поработать на ортодоксальных евреев. Не в период пасхального сенокоса, ближе к осени. На бирже сняли нашего нелегала детский лагерь отдыха, что в Пенсильвании в трёх часах езды от Нью-Йорка, в порядок приводить.

Доставили работодатели бригаду, гастарбайтеры думали увидеть отель минимум в три звезды, а увидели строения, коим троечку даже по советским меркам поставить рука не поднимется. Соединённые Штаты капитализма, но в Мишину пионерскую бытность под Омском пионерские лагеря на порядок лучше были. Миша даже подумал: может, привезли их в учреждение специального назначения, куда на выживание ортодоксы деток своих бросают? Чтобы жизнь кока-колой не казалась.

Халабуды барачной архитектуры, фанерно-гипсокартон-

ного исполнения. Нары вместо кроватей из досок сколочены, тумбочки – на дрова давно пустить пора. А все удобства на улице. Убогая эстетика. Зато кто выживал в сих спартанских условиях, было что вспомнить в Нью-Йоркских каменных джунглях. Природные ландшафты, как в рекламе. Поросшие лесом горы, сосновая роща, чистейшее озеро, воздух хрустальной чистоты!..

Работают ребята, вдруг треск в лесу, олень выходит. И не одинокая сиротинушка, чудом выжившая, целый выводок. Глазом не повели, рогом не пошевелили, что люди в их владениях объявились. Собственно, шевелить нечем – безрогие, но глаза на месте. Миша кусок хлеба вытащил, протянул оленю, кушай, лесной собрат. Не отказался, зашевелил влажными губами. И другие пошли к лакомству...

В процессе работы Миша познакомился с Юрой Гуревым. Вместе чистили территорию американского пионерлагеря. Юра недавно выиграл грин-карту, жил в США без заячьей дрожи, на законных основаниях. Юра поведал, как скандально столкнулся полгода назад с ортодоксальными евреями. По сей день икается.

– Угораздило при парковке клюнуть машину, – начал рассказ. – Еле заметная вмятина. В Баро-Парке своя Америка, машины редко меняют, как советские граждане, на старье ездят. «Форду», который я почеломкал, было сто лет в обед, калоша семидесятых годов. Они полицию вызвали.

Как нередко бывает с рассказчиками, Юра освещал собы-

тие со своей колокольні. В Баро-Парке на самом деле много машин, ведущих летосчисление с тех золотых времён, когда на прекрасных американских дорогах места было хоть отбавляй, бензин дешёвый, мода автомобилестроения диктовала удлинённые широкие кузова. Громоздкие автомобили тех лет производства за долгий срок эксплуатации утратили былой блеск и надёжность, что-то плохо открывалось, что-то держалось, образно говоря, на соплях, однако жителей Баро-Парка вполне устраивали. Один такой музей Юра задел, вырливая со стоянки. Когда хозяин указал на непорядок, Юра взорвался:

– Вы меня за дурака с немытой шеей считаете?

Ему бы достать кошелёк да разойтись полюбовно, он разбушевался. Нелестно отозвался о задетой машине, коей красное место на свалке, американцах, которые всех остальных считают за умственно отсталых. Соединённым Штатам тоже досталось в гневном монологе. В их адрес тоже бросил нелицеприятный камень.

И это Юра, который где надо и не надо восхищался раем Соединённых Штатов. Превозносил их до седьмых небес и ругал непечатными словами «немытую, отсталую, убогую» Россию, которую век бы не видеть. И вдруг прорвало в обратную сторону. Явно день был не Юрин.

Товарищи, с которыми с которыми сидел в машине, пытались урезонить Юру. Дескать, не кипятись на весь Баро-Парк, давай поторгуемся да и замнём скандал. Делов-то.

Куда там – Юра докрасна распалился.

Потерпевший тратить время на словопрения не стал. Не захотелось собачиться с русским посреди. Вызвал третейского судью – полицию.

Стражи порядка быстренько Юрину машину забрали на штрафную площадку. С грин-картой Юра был уже отчасти американцем, но горе заливал с привлечением сугубо русских подходов. Случился автопоцелуй в субботу, выходной ушёл на борьбу с нервным потрясением, которое гасил стаканном способом. В понедельник голова болела, во вторник тоже не лежала душа вызволять машину. Когда отыскал принудительную стоянку, штраф накапал, дешевле было другую машину купить, чем арестованную вызволять. Для американца не смертельная сумма, для Юры, ещё не совсем полноценного, особенно по доходам, гражданина США – серьёзная.

В хорошую копеечку влетело недержание языка...

– Язык мой – враг мой, – подвёл черту рассказу Юра.

– Слово не воробей, – поддакнул Миша, – вылетит – не расплатишься!

На операцию по мытью полов в корпусах Миша отправился с Петей Оскотским. Петя был американцем питерского происхождения. Работал в русской газете в Нью-Йорке, утверждал, что заместителем главного редактора. Похоже, шелкопёрский талант оплачивался не густо, в свободные от газетных забот дни Петя мог позволить расслабиться только

извилинам, мышечную энергию подключал к подработкам. Мише объяснил сей факт с глубокомысленным выражением на лице: таким образом ходит в народ для познания жизни в непосредственном контакте с читателями газеты.

Весь день трудилась бригада под небом Пенсильвании, в перекурах восторгались гастарбайтеры природой. К вечеру восторг к окружающему ландшафту поубавился. Приехали из нью-йоркского пекла в шортиках и футболочках. Для работы ведущих специалистов по перемещению тяжестей – бери больше, тащи быстрее – одежда в самая подходящая, кабы к вечеру горный климат резко не понизил температуру в градуснике.

Важная деталь поездки – день недели. Не среда, четверг или вторник, даже не воскресенье – пятницу показывал календарь. Значит, с заходом солнца у работодателей шабат шалом. Бросай лопату, остальные дела и сутки не кантовать. До заката солнца в субботу никакого напряжения, палец о палец не ударь.

К заветному моменту поставленную задачу бригада закруглила от и до. Рапорт сдан, рапорт принят. Территорию до последней бумажки вычистили, весь бедлам после деток убрали, полы в домиках вымыли. Можно отправляться на равнину.

Нет, нельзя. Шабат у заказчика.

Наши атеисты не согласны с религиозной постановкой вопроса. Требуют вернуть себя на место, откуда взяты.

А им говорят: отдыхайте до завтра.

Оно бы, может, и неплохо на свежем горном воздухе, да зуб на зуб не попадает от горной свежести. Работодатели в корпусе для администрации чтут свой кодекс, работникам отвели пару домиков. Температура – что внутри, что за порогом – не уснёшь. Просто холод собачий. И никаких постельных принадлежностей. Днём матрасы с одеялами, подушки с простынями сами на машины грузили, отправляли на склад. Знать бы, что так получится.

И есть хочется просто невмоготу. Ни у кого из пятнадцати человек ума не хватило взять с запасом провианта. Ерунду какую-то каждый сунул в дорогу – бутербродов, водички. Миша из Сибири и то дал слабинку, забыл принцип: хлеб сам себя несёт. Идешь на день – бери еды на три. Американское изобилие подточило нюх.

Холод. Голод. Где-то олени бродят. Может, и волки. Начали атеисты-гастарбайтеры возмущаться в полный голос. Ненормативная лексика в ход пошла. Работодателям наплевать, они поголовно русский не знают.

Петя Оскотский завозмушался на английском в лицо работодателям. Дескать, не борзейте! Мы обговоренное сделали, отправляйте сейчас же в Нью-Йорк! Мне завтра на работу в газету.

На что наниматели говорят: хочешь вылететь из своей паршивой газетёнки? Сделаем выкинштейн, нам тебя как два пальца об асфальт уволить. Сиди и не вякай! Остальным

полицией начали угрожать: будете бузить – заложим в иммиграционную службу и отправят по этапу домой.

Юра Гуреев тоже в полный голос возмущается, в дверь административного корпуса пинает (работодатели предусмотрительно закрылись) с требованием: вывозите сейчас же!

Случай с машиной не научил держать язык за зубами. И все нелегалы от голода и холода озверели, наплевать стало на угрозы. Хором требуют справедливости. Сглаживая конфликт, работодатели привезли гамбургеры с кока-колой. В момент бригада уничтожила подачку, да что там те гамбургеры – червяка заморить. Снова гастарбайтеры начали бузотёрить – даёшь Нью-Йорк.

Ортодоксы уже не прочь отделаться от нервных гастарбайтеров, самим надоела такая ночка, не шабат, а что попало! Но не могут решить, кому закон религиозный нарушить, садиться за руль и везти бузотёров в Нью-Йорк.

Наконец, посадили бригаду в школьный – тупоносого фасона, жёлтого цвета – автобус...

Заплатили за работу бригаде копейки. Компенсировали тем самым испорченный праздник. Бригада не решилась возмущаться при расчёте, только бы вывезли из этих дебрей. Ехали в Пенсильванские края с розовыми мечтами: туда три часа, обратно столько же. По правилам, если расстояние до рабочего места большое, время на дорогу в одну сторону по тарифу оплачивается. И семь часов пахоты. В сумме десять часов должны оплатить. Мечтали – веселились, при расчёте

– прослезились. Вместо обещанных восьми долларов в час, получилось пять с половиной.

За гамбургеры, которыми цивилизованными методами подавлялся бунт гастарбайтеров, тоже содрали с них. До цента считали в свою пользу.

И всё же в сухом остатке лучше, чем голый кукиш. У каждого нелегала есть в биографии чёрные дни, когда получал после работы фигуру из трёх перстов под нос: «Какие деньги? Шёл бы подобру-поздорову куда подальше, пока не заложил в иммиграционную службу!»

Миша мысленно в ладоши ударил, увидев в четвёртом часу утра огни Нью-Йорка. Кончились пенсильванские мучения. Только бы что-то в желудок бросить. Сосало под ложечкой страшное дело как. Пустой желудок требовал продукты питания. Хорошо, гроссери работают по ночам. Этакие лавки, магазинчики типа нашего сельпо, только калош, фуфаяк и хомутов нет, в остальном – один к одному по широте ассортимента. Не сходя с места можно получить любой бакалейно-гастрономический товар, а также парфюм, химию домашнего назначения, какую-то другую мелочёвку из промтоваров...

Залетает Миша в такую лавку. На витрине сосиски дешёвые. Хоть здесь повезло. С таким заработком, когда в кармане вошь на аркане, не разгонишься на деликатесы. Схватил две упаковки. Ух, размечтался, поесть до отвала и восстановить силы, утром снова на работу, неделю назад договорился

на эту субботу, обещали восемьдесят долларов за день, как тут отказываться из-за бессонной ночи.

«В отстойнике все спали, – рассказывал Миша про ужин в то раннее утро, – на кухню проследовал на цыпочках, воду на огонь поставил, посолил. Всё как положено. А есть хочу, просто капец! Горный воздух, нервный стресс, долгая дорога – аппетит бешено разыгрался! Просто волчий, зверский, собачий – быка бы съел! Надеваю очки, хоть и не очень в английском, да кое-что научился разбирать. Захотелось (на будущее) прочитывать надпись на упаковке, ни разу не покупал подобные сосиски. Смотрю, и ёперный театр – пёсик нарисован. Питание для американских четвероногих гавкающих тварей. Как тут не вспомнить крылатое выражение Антона о лопате дерьма, которую каждый из нас должен откусывать в Америке. В который раз досталась мне хорошая пайка, а я-то считал – свою лопату употребил с верхом...»

Под ёлкой в замке с «калашом»

Нину Собинову Миша знал по Омску. Моторная бабёнка руководила турфирмой с оригинальным названием «Нина». Через неё Миша гонял в шоп-туры. После дефолта 1998 года покупателю сделалось не до шопингового товара, через это и купец сел на мель. Накрылась медным тазиком «Нина», которая с кавычками, без них махнула в США на заработки. Если головой зарабатывать не получается, надо что? Правильно – руки включать.

Начинала бэбиситтером. В переводе с иностранного, как говорилось ранее, – за детками глядеть. Как-то заявляется Нина на побывку в отстойник, под глазом фонарь. Что за макияж кулачного боя? Хозяин нравоучения читал? Нет – детка-конфетка. С такой начинкой попалась, с пелёнок впору на гангстера записывать. Тогда как в негласной инструкции по воспитанию сказано: беби с тобой вправе хоть что делать, ты его пальцем не тронь. В США это сплошь и рядом. В метро сопливый первоклашка залетит в вагон и айда на ушах ходить. Ранец швырнул, по лавочкам в обуви скачет... Ты на безобразия смотри и молчи, как рыба в пирожке, слова поперёк сказать не смей. Могут срок накрутить. А уж за уши отодрать да по заднице пару раз вольника огреть – думать не моги... Дети личности творческие по американским законам, что хотят, то пускай и вытворяют.

Нинин воспитанник под прикрытием законодательства США то ботинок хватал, то клюшку. И колотил бебиситтера куда доставал. А норовил, засранец, исключительно в глаз или в нос садануть. Кто бы знал, как у Нины руки чесались вырвать этот самый ботинок да по заднице ему! по заднице! Отходить, чтобы раз и навсегда запомнил, как взрослых уважать! Но даже язык приходилось держать под замком, деньги-то неплохие получала.

Но терпению пришёл конец, в один момент не выдержала Собинова штатовский подход к педагогике, вспомнила здоровые методы Макаренко, и тот самый ботинок (ух, с каким наслаждением!) сделал массаж мягкому американскому месту. До суда конфликтное дело не дошло, кончилось расчётом. Нина горевала недолго, нашла новый бебиситтерский хомут на свою шею.

И так не один раз.

Собинова натурой была сердобольной, омичей в Нью-Йорк понаехало навалом, рвалась помогать каждому. Отбыла в Америку одной из первых и прошла через многих контракторов. Лёвочка стоял во главе списка. Омичи, особенно омички, частенько пользовались услугами его фирмы. За пятьдесят пять лет жизни Лёвочку порядком побила моль, однако до мужских функций пока не добралась. Баболюб был зверский. Да и как утерпеть-удержаться, столько зависимых женщин с утра до вечера вокруг заискивающе на тебя смотрят – найди работу.

Секретарш, само собой, подбирали по эротическому вкусу. Кроме этого, всего одно профессиональное условие требовалось от них – знание английского. Заказчики всякоязычные попадались, но все хотя бы с небольшим английским. Жанна Денисова иняз университета только что окончила, из себя глаз не оторвать! Яблочко наливное! Лёвочка таял от её вида. Скоренько место секретарши под Жанну очистил. Работай, Жанночка, ягодка ненаглядная! Работай, солнышко иртышское! Жанна за работу с рвением взялась. Она и лицом взяла, и статной фигурой, и интеллект, придраться не к чему. Всё у неё чётко, всё по полочкам разложено. Даже если откажет заказчику, он доволен, так хорошо с ними поговорили. Единственный изъян производственный – не подпускает к себе благодетеля, не позволяет прикасаться к статной фигуре. Лёвочка подарочки подносит, в комплиментах рассыпается, так и сяк старается. Нет, держится русская крепость во вражеском стане.

Лёвочка от «пряников» перешёл к экономическим рычагам. Начал зарплату стропливой гордычке задерживать. Разломаешься, долларом ударю по твоему карману. Чуть-чуть выдаст на поддержание статной фигуры и всё. Месяц марирует, второй, третий... Добивается похотливой цели. И вообще, жалко производственному принципу изменять: все секретарши через постель прошли. Что ты ёжишься-корёжишься, пощупать не даёшь! Будешь ёжиться-корёжиться – не шупана уйдёшь!

Нина Собинова, узнала о притязаниях Лёвочки к Жанне, возмутилась до самых селезёнок:

– Ах, ты старый козёл! Я это так не оставлю!

Кликнула профсоюзное собрание на тему мораль в западном обществе. Позвала несколько женщин-омичек к Лёвочке в офис и ну его прорабатывать:

– Это что за нахальство? Ты посмотри на себя и на неё. Ты уже дед три раза, а она персик! Заложим полиции все твои шахер-махерные делишки! Этого хочешь?

Лёвочка труса спраздновал от напора Нины, вдруг эта бесбашенная и вправду донесёт. Лёвочка начал оправдываться: ничего подобного, это заказчики тянут, как только рассчитаются – до цента покроет долги по зарплате.

На другой день рассчитался с Жанной, после чего она ушла от приставучего начальника.

В следующий раз по другому поводу Нина скандал устроила. Лёвочка широко бизнес с русскими нелегалами развернул, общагу для них держал. Как-то Нина заглянула к подругам, а там дым коромыслом, с Лёвочкой ругаются. Он повышает поборы за жильё, а бабы ему: совсем обнаглел! так не договаривались. Нина отчихвостила Лёвочку, подругам говорит:

– Кончай базар, начиная барахолку! Собирайтесь, день-другой у меня переночуете, пока другой жильё не найдём! Не на одном Лёвочке свет клином сошёлся!

Так и сделали, да на следующий вечер хозяин Нинино

жилья саму её выставил за порог. Узнал, что она целую компанию к себе привела, испугался, законно живущие в доме нажалуются в полицию, русские нелегалы шалман устроили.

В отстойник Нина приезжала по воскресеньям расслабиться от дел. Нередко с ночёвкой. Любила водочки в хорошей компании выпить, песни попеть-погорланить...

После Нового года звонит с классной идеей – в гости к себе зовёт. В ту пору Нина устроилась на зависть. К водочно-му королю. В прошлом бухарский еврей, он прибыл в США из Бухары ещё в разгар Советского Союза, молодым и ретивым. Предки с басмачами за рахат-лукумное место под бухарским солнышком сражались, он тоже не собирался коптить нью-йоркское небо за нищий доллар. Отвоевал бизнес с автоматом в руках. Нина рассказывала, в спальне у короля над кроватью красовался «Калашников». Крошил из него – было мокрое дело – конкурентов, как в гангстерских фильмах. Действовал по принципу: если человеческих слов не понимаешь, получи соответствующий калибр в живот.

В результате одна из русских водок оказалась в руках американца из Бухары. Матовая бутылка, на ней Спасская башня Московского кремля. На этой водке построил себе замок. Частные дома в США штампуются под стандартную гребёнку. Коробки на основе гипсокартона без архитектурных наворотов возводятся. Тем только и отличаются – один больше, другой меньше. Потому от ураганов и торнадо разлетаются дома в разные стороны. Лишь у тоненькой прослойки сверх

состоятельных иной подход к жилищному вопросу. Сорокаградусный король отгрохал себе эксклюзивный замок.

В него Нина пригласила земляков. Тайком от хозяина. Тот закатил гулянку с друзьями в новогоднюю ночь, и не похмеляясь улетел с семьёй в Бухару на рождественские каникулы. Нина позвала друзей-подруг продолжить банкет своими силами.

– Выпивки осталось, еды! Всё одно выбрасывать! Порезвимся!..

Ехать не ближний свет, больше трёх часов от Нью-Йорка. Нина договорилась со знакомым контрактором, владельцем микроавтобуса. И восемь человек махнули в гости к водочному королю. Приходите к нам в гости, пока нас дома нет.

Хотели Генку Сватова прихватить по дороге – отказался. Того самого Сватова, которого по причине широкофюзеляжности в самолёте всей бригадой проталкивали в проходе. США на фигуру повлияли радикальным порядком – в любую щель мог проскочить. Гена превратился в стройного Кощея. Сбросил пятьдесят из своих ста десяти килограммов. Без всяких таблеток и гимнастик ушли жировые отложения с бёдер и живота, как и не было вовсе. Гену жизнь заставила поставить цель – кровь из носа за год отправить домой двадцать тысяч, рассчитаться с долгами и улететь следом за деньгами в Омск.

– Мне здесь воду в ступе толочь недосуг! – говорил.

Урезонил себя во всех пунктах. В Омске жил под лозун-

гом: «Пива вечером полторашку не выпил – день псу под хвост». В США губы ни разу не помазал. Ел, экономя каждый цент, жил без окон, без дверей, каморка в гараже. На работу ни за что не сядет в автобус или метро, когда пешком можно за час дошлёпать. Брался за любую мелочёвку, если крупнее не попадалось. Ну, отдохни ты, сил на стоящее наберись. Нет – даже в воскресенье, даже за три доллара в час ходил.

– Ген, поехали, – звал Миша. – Голая халява. Поешь от пуза, выпьешь.

– Иду на работу.

– Праздник, грех упираться.

– В Омске оттянусь.

И пошёл по пустынной улице.

– Сестра звонила, – поведал Борис Прохоров, – говорит, Генка за полгода восемь тысяч долларчиков домой отправил.

– Вот упёртый.

– Зато быстро вернётся.

– Дурачок, – бросил Прохоров.

Сам Борис время от времени, подзаработав, забивал холодильник едой и уходил в затяжное пике. Как и Гена, в доамериканский период любил пиво. Им-то и надувался в период запоя с утра и до изнеможения, и так каждый день, пока на мель не садился. И снова запрягался недели на три. Перед Новым годом как раз вышел из загула, сидел на подсесе, по-

этому двумя руками принял приглашение Собиновой погулять за счёт мафии.

– Ёперный театр! – воскликнул Антон по дороге, когда ехали по Нью-Йорку. – Смотри, что творится!

Год наступил 2000-й. И фантастика для русского глаза – площадки, куда выставлялся мусор, заставлены компьютерами. Высились горы системных блоков. Фирмы, что их штамповали, загодя заложили в технику финт ушами: переходя через 1999 год, она, дура такая, вставала нараскоряку от нулей в счётчике времени, сбивала работу программ. Что делать пользователю индивидуальному и корпоративному? А ничего – покупай новый аппарат. Старые потащили на свалку. Следом бежали негры с отвёртками и тут же размундировали блоки.

– Вот бы наших умельцев сюда! – с завистью сказал Миша.

Позади остался Нью-Йорк, заваленный компьютерным мусором. Пошли пригородные виды.

Наконец, свернули к заветному месту.

– Где тут наша Нина, губки как малина? – в своём репертуаре прилип к окну Антон.

Здоровенный холм царил над местностью. По склонам домá понатыканы, дорога кругами мимо них поднимается. На вершине, на самом центровом, королевском месте замок современной постройки. Тут башня торчит, там другая высывается. С той самой бутылки водки срисованы.

Ни забора вокруг, ни охраны с собаками. Только бассейн

огорожен, чтобы никто не утонул сдуру.

– А деки нет, – заметил Роман. – Надо бы подрядиться.

Ранней весной Роман откопал золотую жилу. Сконтрактовался со строительной фирмой. Хозяин – истинный американец, зато жена русская. И тяга у мужа была не только к женщинам нашей национальности, мужиков на работу набирал исключительно русских. Роман быстро у него выдвинулся в форманы – бригадиры. Не зря в стройотрядах прошёл школу от каменщика до командира. Бригада специализировалась на модернизации частных домов. Спальни у американцев на втором этаже. Со сна разморило в бассейн плюхнуться. Да с окна не сиганёшь в водную прохладу. Надо на первый этаж через весь дом тащиться. Хозяевам захотелось облегчить жизнь.

– Лодыри фигурой лишний раз потрясти. А нам на счастье, – комментировал вкусы заказчиков Роман.

В угоду лентяям возводились пристройки – деки. Придывалась к дому открытая терраса на столбах на уровне спальни, с неё лестница. Выходишь в ночных трусах или без оных – и напрямиком в воду.

Замок в этом отставал от веления времени.

Зато внутри интерьер королевский. Один холл, второй. На полу мрамор чёрного цвета. В первом холле бар-стойка, во втором – гостиная, телевизор огромный, холодильник, аппаратура музыку слушать, пространства навалом танцевать под неё. Кресла – сел и тонешь, встать не хочется, диванчики

по стенам. Красота... Вверх три этажа. На третьем спальни. Каждая с душевой, не надо по соседям бегать, грязь таскать, бельём сверкать. В главной спальне автомат «Калашников» висит в благодарность за победу над врагом. Подвал тоже не картошку хранить. Баня, теннисный стол, тренажёры – мышцы мафиозные качать, бильярд – шары с компаньонами катать...

Есть где развернуться и заблудиться.

Скоренько пробежали гости с экскурсией по этажам и за дело.

Гуляли в гостиной. Холодильники от еды еле закрываются. Чего только нет! Рыба – во рту тает! Красная икра... Чёрная отсутствовала в меню доедального банкета. То ли в Новый год стрескали хозяева ложками, то ли чёрная и для них не по карману. Зато красной – гора. Мясные блюда нескольких видов.

На сладкий стол торты, конфеты, фрукты.

Для начала прокатились по коньячку.

– Ух, ёперный театр! – крикнул Антон после первой. – Пошёл, как дети в школу.

В хорошей компании коньяк не жилец, вскоре переключились на водку. Родимая тоже шла не хуже «детей в школу».

Нина подпила, давай песняка рвать. Голосистая и уйму песен знает, а что вылетело из головы – песенник на Брайто-не приобрела. Есть куда подглядеть.

Соединённые Штаты Америки на тысячи километров во-

круг, а посредине наши поют «Омские улицы»...

Фонари, от снежинок мерцая, жмурятся,
Каждый дом золотыми огнями горит.
Я люблю, я люблю наши омские улицы
В этот час, когда светят кругом фонари.

Лидочка орган не прихватила на этот раз, зато белый рояль имелся в замке. Стала подыгрывать, петь вместе с Ниной, остальные подтягивают:

Для меня все дороги к тебе потеряны.
Все мечты о тебе от зари до зари,
И всегда жду тебя я на площади Ленина
В этот час, когда светят кругом фонари.

Спели «Омские улицы». Лидочка ударила с частушками по клавишам.

Спит Розита и не чувствует,
Что на ней матрос ночует!
Вот пробудится Розита
И прогонит паразита!

Играл рояль такое картинистое до сей поры или нет – трудно сказать. Под пальцами Лидочка – с удовольствием.

Как у бабки нету мочи,
А старик-то с мочию!
Его чёрт и надоумил
Влезть на бабку ночью!

Хорошо ревели.

– Как охренительны в России свитера! – поднялся из-за стола с песнями Антон. – Кто со мной в баню?

Миша первым сорвался. Он как увидел парную, сразу во всех местах зачесалось.

– А можно попариться? – спросили Нину.

– Что естественнo, то не безобразно! – великодушно прозвучало в ответ.

– Кто о чём, а вшивый о грязи! – завернула поговорку за угол смысла Рита, подмышки бриты.

Полезли мужики на полоч. Жаль без веника баня, финского покроя, зато прогревала до самых печёнок-селезёнок.

– Ух! – сладострастно стонал Миша. – Хорошо! Сейчас бы в бассейн!

Не те дизайнеры замок проектировали. Им бы в подвале купель тоже отстроить. На что уж финская баня не русская и то предполагает нырки в воду в разгорячённом виде. Миша бы и на улицу побежал, да по случаю зимнего периода бассейн был закрыт наглухо.

После полка́ Миша с Антоном, развивая культурную про-

грамму, бильярдные шары покатали. Боря им помогал, но с бутылкой в руке. Он наметил использовать халяву на всю катушку. Нина с Ритой взялись резаться в настольный теннис. Рита, подмышки бриты, оказалась даже разрядница по сему виду спорта. Несла всех через десяток...

Оттянулись от души. Долго вспоминали добрым словом новогодний уик-энд.

Нина тоже. Но всего пять дней. По истечении этого срока появилась на пороге отстойника с чемоданом. Обычно в выходной приезжала на побывку, тут среди недели «здрасьте».

– Насовсем, – доложила с болью в голосе.

Король грелся под бухарским солнышком, кушал урюк, шербет и кишмиш, а в зámке, кроме Нины, тайком осталась на хозяйстве следящая система...

Миша с Антоном однажды ломали офис службы социального страхования, что американцам их ИНН выдаёт. Прозрачные клетушки, каждая на четыре стеклянных кабинетки поделённая, и над каждой, срывая фальшпотолки, обнаружили видеокамеру, микрофон.

– Ёперный театр! – сказал Антон. – Хуже тюряги. Ты в носу поковырялся в своё удовольствие, пятую точку почесал, а всевидящее око начальника и в нос вместе с тобой лезет, и в другие места. Матюгнулся в сердцах, шеф ушами стрижёт – не в его ли адрес комплимент?

В зámке тоже была следящая система. Гости, хозяином незванные, резвились во всю ивановскую, она с черепашьей

скоростью писала, что и как во всех углах творится. Вернулся бухарец, включил и опа! – русская пьянка по полной схеме: водка, песни и даже мужики распаренные в его простыни замотаны, на его диванах возлежат, его водку хлещут.

Срочно провёл инвентаризацию замкового хозяйства. Ничего из вещей не пропало на Нинино счастье, выгнал работницу без материальных претензий. Иди, дескать, если свинством на мое добро отвечаешь.

Счастлива была без ума в замке. Тепло, светло, никаких сволочных, сопливых беби. Завидовали нью-йоркские омичи, кто по чёрному, кто с белым оттенком. Да продлилось счастье всего-то два с половиной месяца.

Сгубила фарт щедрая русская душа.

– Дёрнул бес вас пригласить! – сетовала на судьбу Нина.

– Зато веселуху устроили! – успокаивал Нину Антон. – Есть что вспомнить!

– Особенно мне!

– Нина, всё что ни делается – к лучшему, – сделал философский вывод Антон, – может, Бог уберёт тебя! Как у моего тёзки Чехова: если «калаш» висит на стене в первом акте, в третьем должен кого-нибудь убить. Ты вовремя до третьего акта покинула эту пьесу. Стрельба мимо пройдёт.

– Ну, тогда ладно, – согласилась Нина. – Автомат мне самой не нравился. Спрячь ты его в сейф. Нет, надо на показ. А крышу у хозяина сносило. Как начнёт орать по телефону, на всех этажах слышно. Я старалась забиться в самый даль-

ний угол...

Лонг-Айленд без уик-Энда

– Вот, говорят, Омск – большая деревня, – молвил Антон, зайдя в отстойник. – Что там Омск, земной шарик – большая деревня! В Таиланде шествую по пляжу, ба – одноклассник Вовка Лапиков, лет двадцать не виделись, в трусерах с тайкой в обнимку пилит! В Анталии нежданно-негаданно в магазинчике нос к носу столкнулся с первой женой двоюродного брата. Стервозная бабёнка, а увиделись в туретчине, от радости аж расцеловались! Сегодня в метро захожу, ёперный театр, Коля Укротитель пчёл во всей кучерявой красе стоит, уши плеером заткнуты. Два года назад в больнице познакомились.

Коля не болел, не кашлял – от армии косил. Не хотел надевать на цветущую молодость шинельку с погонами, затягивать её ремнём с бляхой. Лёг в больничные покои на поиски во чреве любимом какой-никакой болезни. Палата досталась многокочная, без свободных мест. Антон с Колей по воле случая оказались на двух соседних. Был ещё поблизости дед с сиво-кудратой головой. Антон его сходу Берендеем окрестил. Кроме Коли ещё два уклониста от армейской повинности лежали в палате. Больных они из себя не строили. Забили холодильник пивом, хохотали над анекдотами из газет, к медсестрам молодым, их было полно в отделении, проявляли повышенный интерес. Дед Берендей постоянно шикал на

неуёмную компашку.

– Если у вас дурость в одном месте играет, покоя не даёт, – отчитывал парней, – идите в дискотеку, здесь заведение лечебное! Скажу завотделением, пусть в армию вас наладит!

Не давал молодому поколению стравливать гормональный пар и другую энергию.

Однако у деда тоже было слабое звено, за которое Коля мстительно дёрнул. И подорвался. Берендей крынку пчёл прихватил в больницу. Ими лечился от ревматизма. В больнице лежал по другому поводу, но упросил завотделения в учреждении традиционной медицины продолжить народный курс. Берендей ловко доставал пчёлку из крынки, сажал в нужное место для внутримышечного введения яда. После чего довольно кричал.

– Ну что, – спрашивал Антон после очередной процедуры. – Укололся одноразовым жалом? Хватанул дозу?

– Из пчелки яд, – говорил Берендей, – это тебе не из аптечного тюбика, в который неизвестно что натолкано. У пчёлки без посредников натуральный продукт.

На иронию Антона Берендей не обижался, а увиливающих от призыва парней однажды заложил. Нажаловался, что распитием пива мешают другим пациентом максимально использовать достижения современной медицины.

Завотделением, средних лет мужчина, крупной комплекции, сердитым басом отругал уклонистов за употребление неположенных в лечебном заведении напитков. И потребо-

вал немедленно очистить от них холодильник. Не то, пообещал, в двадцать четыре секунды очистит стационар от нарушающих режим пациентов.

Коля решил наказать Берендея за доносительство. Пиво, понятное дело, призывники в унитаз выливать не стали – в спешном порядке выпили. Коля и без того не блистал интеллектом, а пиво, как утверждал Бисмарк, мозги разжижает. Коля подтвердил умозаключение великого немца на собственном примере.

Берендей, будучи в туалете, что находился в другом конце коридора, услышал истошный крик. Коля, пока хозяин крынки с лечебными пчёлами отсутствовал, достал крынку из тумбочки, снял марлечку с горловины и принялся вытряхивать медоносных и лечебно-кусающих насекомых на волю. Разжиженными пивом мозгами посчитал: пчёлки будут страшно рады обретению свободы. Пчёлы вместо спасибо набросились на спасителя. Сразу несколько из них отметились укусами на Колиной физиономии. И разлетелись в боевом настроении во все стороны. Взятки в больнице брать было не с чего, принялись лечить всех подряд от ревматизма.

Завотделением был из неисправимых курильщиков. Пациентам, падким на сигареты, настойчиво рекомендовал избавляться от табачной зависимости, себе – нет. Одну сигарету от другой прикуривал. Он как раз выкурил одну и достал другую, когда услышал душераздирающие вопли на подведомственной территории. Выскочил, благоухая табаком, а

навстречу рой пчёл, которые, как известно, не переваривают экологию, распространяемую курящими. Одна пчёлка антипатию выразила жалом под правый глаз, другая – под левый. Завотделением от обиды за болезненное неуважение к собственной персоне захотел заматериться в полный голос, несмотря на должность.

И не стал откладывать непечатные эмоции в долгий ящик.

Попробуй удержись! Под крышей пять минут назад нормального подконтрольного ему отделения пчёлы пулями носятся по коридору и палатам, процедурным и подсобным помещениям без разбора поражают и без того нездоровый народ и мимо медперсонала не пролетают. Молоденькие медсестры из своих закутков выбежали и тут же поплатились за любопытство. Одна верещит – за шиворот пчёлка заскочила, у другой в причёске насекомое запуталось, третья руками с такой частотой молотит по воздуху, вот-вот оторвётся от пола и полетит заодно с пришельцами из крынки.

Пациенты – лежачие, ходячие и едва живые – впали в нервное состояние. Кто на улицу устремился из последних сил, кто под одеяло с головой ушёл, кто окна с треском открывает – выгонять посторонних. Коля, в мгновение ока опух от укусов. Вместо лица у него была какая-то, извините, харя. Завотделением тоже хорошо поправился на физиономию...

Когда больница, неся многочисленные потери, победила, Коля получил от Антона кличку Укротитель пчёл. Звание

носил всего ничего, минут десять. Завотделением, проморгавшись, вытурил Укротителя на все четыре стороны.

– И что вы думаете, – после истории о пчёлах сказал Антон обитателям отстойника, – оказывается, Коля в США нашёл убежище от воинского долга. Нелегалом по ночам полы в супермаркете мастикой обрабатывает. Пожаловался, что горло болит, эта самая мастика на зверской кислоте замешана, которая на горло отнюдь не благотворно действует. «Один до меня рак на этом получил!» – доложил с гордостью Антону. Однако из США даже под страхом онкологии не хочет уезжать. Днём по мере сил и возможностей подрабатывал на ремонте квартир.

Польза от встречи Антона с Колей пала на Мишу. Через пару недель освободитель пчёл из крынки позвонил Антону с великодушным предложением неплохой работёнки. Антон переадресовал её Мише, и тот познакомился с бывшей соотечественницей – Диной Рахлиной. Миниатюрных форм, интеллигентной женщиной. Возрастом под пятьдесят. Чего не скажешь по спортивной фигуре. Держала себя в тонусе. «Мои года – моё богатство», – поётся в песне. Дина была мила лицом, и всё же для него процесс накопления богатства, указанного в песне, проходил не бесследно. Дина даже подумывала сделать пластическую операцию, спрашивала у Миши, не посоветует ли что-то в этом плане, слышала, в Москве есть классные специалисты, и значительно дешевле, чем в США.

Дина в советской жизни была диссиденткой без всяких яких, не то, что Борисик с Лёсиком, что заправляли в Детройте бригадой русских хаускиперов. Эти ухаи в США начали выставляться советскими диссидентами-правозащитниками. Дина угодила в диссиденты на студенческой скамье. Как-то дружок из МГУ пригласил зайти к «оригинальной бабушке». Жила она в центре Москвы, в полнометражной, начиная с безразмерного коридора, трёхкомнатной квартире. Причём, обитала на хоромных площадях в единственном числе. Но не скучала над прялкой у окна с тоскливой песней «догорай, моя лучина».

Данная квартирка в суровом ведомстве, блюдушем идеологическую верность курсу коммунистической партии, пользовалась дурной славой. Хозяйка имела бурное политическое прошлое. Революционерка ленинского призыва, зечка ежовского закала, лично знала Надежду Константиновну Крупскую и даже Каменева с Зиновьевым. Пройдя на ура в романтической юности школу маёвок, стачек, всяких подпольных мероприятий, в зрелые годы угодила в заведения с вышками по периметру. Двадцать пять лет провела за колючей проволокой.

Восторженная Дина стала часто посещать бабушку. Бывать в квартире, в которую в разные времена заходили Солженицын, Синявский, Гинзбург и другой народ подобного умонастроения. Так сказать, жилплощадь для встречи с интересными людьми. Клокочущая праведным гневом

на извратителей идей Ленина, идей революции, Дина стала перепечатывать нелегальную литературу, размножать самиздат с использованием ЭВМ, распространять его. Попала под неусыпное око следящего за чистотой помыслов сограждан комитета госбезопасности.

В результате в 1977 году оказалась у того самого камня с развилочной задачей: куда стопы направить – направо или налево? Третьего не дали. Или по стопам бабушки революционерке в лагерь, или эмиграция. Дина повернула от камня в сторону Израиля, только что потом ещё один один вираж заложила, не доезжая до земли обетованной, на австрийском перевалочном пункте переэмигрировалась в США.

И вот статуя свободы, Нью-Йорк без КГБ и соцсоревнований. Ура горизонтам новой жизни! Внедряясь в жизнь без комсомола, партактива и трудодней, с лихвой, говоря образами Антона, употребила свою лопату дерьма. Работала от темна до темна посудомойкой, уборщицей в гостинице... Язык учила... Сын с трёх лет сам приходил с ключом на шею домой из детсадика, и что уж там выделял один-одинёшенек? Пронесло – квартиру не спалил в несмышлёном возрасте, наркоманом не стал в подростковом.

Дина, добросовестно употребив свою часть с той самой сакраментальной лопаты, удачно вписалась в бум персональных компьютеров. Билл Гейтс со товарищи, а также Стив Джобс с корешами-единомышленниками развернули свой филиал научно-технической революции, Дина тоже сгоди-

лась рядовым солдатом в этой битве за мировое компьютерное господство американской мысли. Окончила курсы и устроилась в сеть магазинов по продвижению в массы вычислительной техники.

Снова крутилась на работе по десять-двенадцать часов, но заработки были не сравнить с посудомойкиными. Жизнь заокеанская стала налаживаться, а тут неожиданно-негаданно в Советском Союзе, в оплоте и заплоте коммунизма, щели образовались, разразилась перестройка с открытием границ. Отчего в США ещё один бум, как сказал бы Антон, бумкнул.

Русского человека всегда влекло в дальние страны, дабы, забравшись за тридевять земель, ностальгировать по отчизне. Новые русские стали вкладывать деньги в недвижимость за тридевять земель. Деньги, что называется, жгли ляжку, избавляясь от ожогов, потянулись в США отовариваться недвижимостью. Пока коренные американцы въезжали в изменения ситуации на рынке недвижимости, наш вчерашний соотечественник (полёта повыше, чем Лёвочка и Лёсик с Борисиком) с привлечением таких же бывших организовал фирму по продаже домов, квартир и другого жилья на возделенном для земляков континенте. Дина стала его первым помощником.

К моменту знакомства Миши с Диной, та жила в своей полноценной квартире в Манхэттене, и не где-то сбоку припёку, а впритык к Центральному парку, с окнами на это самое центральное место культуры и отдыха ньюйоркцев. Ради

укрепления здоровья и сохранения фигуристой фигуры по утрам трусцой бегала Дина на лоне природы, створённом человеком. Место не только центровое, но и отчасти мемориальное. Будь на земле одним выстрелом меньше, ходила бы Дина в соседях с Джоном Ленноном. Квартира-музей знаменитого гитариста-композитора через дом функционировала.

Располагал при жизни легендарный битл-ливерпулец второй жилплощадью в Нью-Йорке или нет – не ведаю, Дина располагала в двадцати минутах ходьбы от своей первой. Дом был проще, без дормана (привратника) в шикарной ливрее, как у Центрального парка, а всё одно, как ни крути – самое сердце Нью-Йорка. Но и это ещё не всё по объектам, вносимых Диной в декларацию о недвижимости. Для уик-эндов Дина приобрела по случаю дом в Лонг-Айленде. Кто не знает, Лонг-Айленд – остров в Атлантическом океане, в устье Гудзона. Рукой подать от Нью-Йорка.

– Доллары – учила Мишу, – бумажки. Пусть со всякими разными средствами защиты, а не спасут, при экономическом катаклизме. Золотом тылы бакса не обеспечены. Посему лучше держать заработанные деньги в объектах объективной реальности, а не в эфемерных банковских счетах.

Ездила Дина на джипе «Тойота Ленд Крузер». В Лонг-Айленде в уик-энд гоняла по Атлантическому океану на собственном катере.

– И всё равно я здесь второй сорт, – разоткровенничалась однажды. – А жизнь в Америке – вкалывание и вкалывание

до опупелости! Или как там говорится?

– Опупения!

– Не то, что книгу почитать, о мужчине подумать некогда. Не рай здесь, не думайте!

Этакая минутка женской слабости.

К дому Дины в Лонг-Айленде Миша тоже хорошо приложился молотком, шпателем и кистью, но это случилось третьим пунктом делового сотрудничества с бывшей соотечественницей. Укротитель пчёл предложил Антону сделать у Дины суперский ремонт.

– Вечно вот так, – сказал в ответ Антон, – то пусто, то густо. Только что ввязался в ремонт квартиры, это на месяц. Пусть подождёт.

– Не, ей надо срочно, ждать не будет, – отклонил Укротитель предложенный вариант. – Заплатит хорошо.

Антон великодушно поделился с Мишей объектом. Вопрос стоял освежить покраской квартиру, не ту, что вприпрыжку к Центральному парку располагалась, а ту, что пополоше. Срок штурмовой – за один день. Миша взялся, да шпатлёвка загнала в цейтнот – медленно сохла: вот-вот метро закроют, а ещё прорва работы.

– Не беспокойся, – сказала Дина, – заканчивай без спешки.

«Неужто ночевать у себя оставит?» – грешным делом обрадовался Миша.

– На такси отправлю, – не оправдала надежду Дина.

И вручила двадцать долларов со словами:

– На такси и утром позавтракаешь.

Миша, воробей из рогатки стреляный, пусть голова при-
тупилась за долгий трудовой день, однако чётко зафиксиро-
вала предназначение суммы – «на такси и завтрак». На сле-
дующий день снова пришёл к Дине закончить начатое и вру-
чил три доллара сдачи. Как ни считай, на такси без чаевых и
на завтрак без изысков – не больше семнадцати получается.
Нам чужого не надо, своё не отдадим.

Дина без слов сдачу взяла, и после этой мелочи Миша об-
рёл полное доверие.

Претензий к качеству ремонта не было. Придирчиво
осмотрев покраску, Дина сказала:

– Хорошо! Пятёрка твёрдая!

Антону Миша скажет:

– Можно было за час не восемь, а двенадцать долларов
просить. Поскромничал, зато вторую квартиру, что у Цен-
трального парка сговорились ремонтировать.

Миша немного помечтал после Дининой оценки «пятёр-
ка твёрдая» – вдруг за мастерство премию отвалит. Нет, до-
говор не перетакивался. Хотя однажды, узнав о проблемах
с аккумулятором к видеокамере, Дина с широкого плеча от-
валила аж семьдесят долларов. Опять же, вручая сто долла-
ров, сказала:

– На аккумуляторы и такси.

«Проверяет что ли?», – подумал и двадцать долларов сда-

чи принёс.

Даже если Дина и проверяла, проверку прошёл. Квартиру у Центрального парка Миша отремонтировал, а потом Дине понадобилось дом загородный возвратить к жизни. Женщины она и в штатах чудо в юбке – забыла солярку в автономную автоматическую систему отопления залить. Как полагается, с холодами включила её, сама в Нью-Йорк умотала. А котёл тыр-пыр и встал с последней каплей горячего. Зима удалась лютая по нью-йоркским меркам, мороз трещал десятиградусный. Детский стишок гласит:

Мороз десятиградусный
Трещит в аллеях парка.
Нам весело, нам радостно
И на морозе жарко.

Радостно нью-йоркцам не было. Что для омича смех, для нью-йоркца – конец света. Загородный Динин дом скоренько остыл, батареи перемерзли. Это бы полбеды. Трубы водопровода – тоненькие медные – полопались. Воде только этого и надо. Хлынула под напором в образовавшиеся трещины. Подача централизованная, то есть резервуар бездонный. А сантехника вызвать, укротить несанкционированный хозяйской расход воды, некому. День хлещет, второй, третий... И на первом этаже льётся, и на втором... Удобства с ваннами и душами американцы везде любят. Наконец, соседи оторо-

пели. Что за невидаль – ручьи из дома зимой текут.

Стены – гипсокартон, по-американски – шитрок, полы паркетные.

– Когда я туда зашёл, – рассказывал Миша Антону, – была картина Репина «Приплыли». Дом как из океана вынули. Жуть! А душа, чё греха таить, запела от радости: фронт работ – делать, не переделывать! На месяц точно биржу из головы выкину.

Паркетом занимались паркетчики, тогда как многочисленные стены, потолки – Мишины. Обшивал, шпаклевал, шурился, красил. Даже не на месяц на полтора «выкинул биржу из головы».

Время стояло бурно-весеннее. День за днём сжигал март. То с ветром холодным, но солнышко будоражило живительным ультрафиолетом землю и Божиих тварей на ней. В такие дни в обеденный перерыв Миша снимал футболку и загорал на пирсе канала, по которому катера и яхты уходили на просторы Атлантики. Кусок берега канала перед домом, длиной в тридцать метров, принадлежал Дине. Океан, видимый Мишей в перекурах из окна второго этажа, сверкал в погожие деньки от весеннего света до самого горизонта... Парус неба, ходящие под ветром водные поля Атлантики... И солнце, солнце, солнце во всех уголках...

Добираться до рабочего места только в одну сторону было два с половиной часа, последние две недели, как запустили отопление, Миша ночевал на рабочем месте... Пять дней

ему помогал Коля Укротитель пчёл. Руки у него росли даже не из заднего места: ни перила шкуркой обработать, ни стены отшпаклевать. Приходилось всё доделывать, переделывать. Дине Миша ничего не сказал, но был рад, когда Колю с головой отвлекли полы в супермаркете. Каким Коля мог заниматься ремонтом, в свободные от полов время, осталось тайной для Миши.

Безвыездно работать в Лонг-Айленде было выгодно по всем позициям. Особенно – карману. Миша, наделённый Диной правом самоконтроля, лично вёл табель учёта рабочего времени и ставил себе по двенадцать-четырнадцать часов. Без мухлежа. Что ещё делать на выселках, как не работать? А значит – хороший приток в бюджет. В то время как отток нулевой. Экономический феномен заключался в отсутствии трат на пропитание. Не подумайте: Миша последовал примеру подвига Гены Сватова с его голодной нью-йоркской диетой. Помог массовый психоз американцев.

Как уже говорилось выше, янки, посаженные на компьютерную технику, были перепуганы до смерти в 1999 году газетными слухами, что 1 января 2000 года наступит национальная катастрофа. Вся глобальная система банковских расчётов в одночасье полетит в тартарары из-за компьютерной неразберихи. Рухнет при попытке перейти от трёх девяток к трём нулям. Электричество погаснет, вода в кране иссякнет, с полок магазинов сметут всю еду. Это русского горожанина, закалённого экономическими и социальными ре-

формами, трудно запугать. Он мыло из суслика сварит, самогонку в морозильнике сварганит (автор не шутит – есть такой рецепт самогоноварения), за мясом в деревню сгоняет. А как быть американцу, если его выживаемость зависит на сто процентов от полок магазинов? У него полное затмение, где что растёт, из чего берётся. Ему кажется всё сразу в упаковке и появляется на свет. К примеру, у Дины захудалой грядочки с луком на своей земле нет. Пять соток под газон отведены. Ну, вскопай ты грядочку – моркошку, свёколку, лучок, укропчик, петрушечку посади. Приехала на субботу-воскресенье на катере кататься, нарвала зелени, салатик сделала – как хорошо! Будут американцы кверху задницей в земле ковыряться.

И вдруг объявляется перспектива конца света. Мы смеялись над нашими бабушками и родителями, которые всегда имели дома на чёрный день запасы муки, сахара и спичек. Американцы, охваченные паникой, закупают грузовиками предметы первой и остальных потребностей. У Дины в доме кладовка три на три метра, стеллажи по всем стенам, до потолка была забита. Консервы коробками, вплоть до чищенной картошки в банках. Крупы. Сахар. Кофе. Сухое молоко. Батареек несколько неподъёмных упаковок. Свечи. Моющие средства. Готовилась продержаться с этим закромами не один месяц до нормализации компьютерной жизни.

Тревога оказалась ложной. Дина разрешила Мише всё, что ни пожелает, брать из запасов на конец света. Работник

ни в чём себе не отказывал. Ни в батарейках к плееру, ни в мыле с зубной пастой. И конечно – всякие гуляши, голубцы, ветчины и колбасы консервированные. К тому времени оснастился видеокамерой, дабы посылать Татьяне репортажи американской эпопеи. Кормовые запасы кладовки первым делом задокументировал на видео с красочными комментариями. Этаким репортаж, как американцы сами себя до смерти напугали!

Обстоятельно записал на видео интерьер и экстерьер дома, прилегающий участок, из которого уже лезла травка нового урожая. На заднем дворике росла берёзка, пока безлистная. По нашим понятиям – уродица, ствол, в руку толщиной, лишь на метр от земли прямой, а дальше, будто болезнь корёжила бедняжку. Не для данной породы зелёных насаждений климат.

«Как хочется к настоящим берёзкам! – комментировал Миша съёмки. – Прижаться к прохладному стволу щекой, соку попить!..»

По соседству стоял длинный одноэтажный дом. Хозяева в приличном возрасте, особенно он. В русском языке девственен, но при знакомстве обрадовался:

– Тёзука! – и представился, – Майкл.

И скажи после этого в упрёк Антону, что земной шарик не большая деревня. В войну дед гонял в Советский Союз самолёты через Дальний Восток. Тогда и усвоил, что Миша и Майкл – «тёзуки». Над Омском, говорит, пролетал. Земеля

да и только.

Деда Майкл был горячих кровей. В воздушном пространстве уже не получалось остужать темперамент, зато в гараже, кроме «Тойоты-короллы» супруге по хозяйственным нуждам ездить – стояли спортивные двухместные «Ягуар» и «БМВ». Игрушечки! Ослепительно малиновый с синим откидывающимся верхом «БМВ»! И хищно-чёрный «Ягуар» 1966 года выпуска.

На них летал дед по земной тверди. А ещё была страсть – сверхскоростные катера. Таковых тоже имелось два экземпляра. Как гоняет на катере тёзка, Миша вживую не видел, но лицезрел на фотографиях, что висели по стенам. В воде один винт, остальное, задрав нос, летит над водой, узким брюхом рвёт воздушный поток. Не только на фото ощутил Миша ассовость тёзки. До пустоты в желудке почувствовал, когда согласился проехаться с лётчиком-истребителем на «БМВ». Сразу со старта сердце пассажира заняло по поводу отсутствия катапультного устройства.

Такой был деда Майкл. Его пример говорил, американцы, как и русские, азартный народ. Миша, набирая американские видеокadres для Татьяны, напросился к Майклу в гости, заснять интерьер дома. Жена Майкла (вторая, как пояснила Дина) – Кэт – полная говорливая дама, лет на восемнадцать младше мужа и рукодельница, каких поискать. Есть у американцев родство с русскими! На стенах, диванах, креслах образцы лоскутного шитья пэчворка по ихнему. А также

галерея вышивок с пасторалями, цветами, оленями на лужайке... Руки Майкла тоже не только на штурвале самолёта, руле «Ягуара» и катера были искусны. Моделист был. А также коллекционер. В большой дом, походил на музей, совмещённый с модельным клубом дворца пионеров. Телефонный аппарат времён Эдисона, стоящий на антикварном комоде. Под потолком модели самолетов, дирижаблей. На шкафах домики деревянные. На каминной полке парусник и паровоз. Железную дорогу Майкл тоже любил. В здоровенном с большими окнами гараже, кроме «Ягуара» и «ВМВ», стоял стол размером с бильярдный, а на нём детская железная дорога. Тоже раритет, судя по всему. Рельсы, водокачка, вагоны пассажирские, товарняки, паровоз с обувную коробку, вокзал, будочка стрелочника. Фигурки рабочих с лопатами у путей... Всё это вобрал в видеокамеру Миша под американское тарактенье хозяйки Кэт, которая взяла на себя роль экскурсовода. И её мало занимало, что экскурсант не силён в английском.

Майкл иногда заходил к Мише по-соседски. Наблюдал за трудовым процессом. Уважительно кивал головой, дескать, молодец. Усиливал оценку, выставив большой палец. Кое-что помнил из полётов в Советский Союз

– Наш человек! – рассказывал Миша Антону. – Но выпить по-соседски ни разу не предложил.

– Поди-тка боялся тебя. Если общался в войну с русским солдатом, значит, на себе испытал, что такое наш брат за сто-

лом. Представляешь, как их встречали с новыми самолётами!

– Не знаю, не знаю.

– Думаю, просто жмот. Ну выпили бы по пятьдесят граммов виски. Даже кофе ни разу не предложил.

В ту ночь Мише не спалось. Попробуй усни, когда за стеной светопреставление. По крыше, окнам колотил дождь. В требовательном стуке читалось: «Откройте подобру-поздорову!» Будто хотел со своей стороны испытать дом водой.

Миша поднялся в четвёртом часу, разжёл камин. Это блаженство у живого огня ему разрешалось. Даже поощрялось, Дина попросила сжечь испорченный потопом паркет. Вывозка мусора – дорогостоящая операция.

Огонь заметался от ветра, залетающего в трубу, запахло дымком.

«Может, мы с Таней реанимируем прошлогодний снег?» – с тоской в душе подумал Миша, глядя на скачущее пламя.

В доме соседей есть цветная фотография: седовласый Майкл гордо восседает в кабине допотопного истребителя времён второй мировой войны.

– Museum! – ткнул пальцем в фото Макл.

Миша и сам видел, что самолёт на привязи.

Вдохновенное лицо на фото говорило, стоило Майклу втиснуться в кабину, положить руку на штурвал, и сердце зачастило – эх! сигануть бы под облака! Полететь в солнечном просторе!

Да напрасный труд! Промчались золотые денёчки! Не веротишь, не вернёшь то красивое времечко! Может, и у них с Таней такая же петрушка? Музей для исторических воспоминаний?

Миша набрал Казань.

– Здравствуй! – запела трубка. – Чувствовала, что позво- нишь! Соседка спрашивает: ты что, как блаженная, с утра светишься? Она всё ругается, я немного поделилась с ней. Она, нее девочка, мол, телефонные страсти разводить! А я сегодня проснулась и вспомнила, как ты перед дипломной практикой приехал. Помнишь, мои родители были в Сочи?..

– Ещё бы! У меня такое ощущение: мы за четверо суток ни разу не вышли из квартиры.

Таня жила в десяти минутах ходьбы от аэропорта, воз- душная гавань Казани была в ту золотую пору почти что в городе, троллейбус ходил. В здании аэропорта имелось уни- кальное заведение для тех аскетических времён – ночной ресторан. Единственный в городе. Но безымянный. Студен- ты КАИ окрестили злачное заведение «АПэ». Отчасти от «аэропорта» производная, кроме того – в вычислительной машине «Наири» был режим работы «АП».

– А не сходить ли в «АПэ»? – могла ударить в общаге су- масбродная идея среди ночи. Сумасбродная, не значит, тут же погашенная здравым смыслом. Как раз наоборот. Трёх рублей вполне хватало выпить по стакану, а то и паре, вина, закусить беф-строганов или азу по-татарски.

Так и случилось у Миши с Таней в последнюю из четырёх ночей добровольного заточения. Захотелось шампанского. Утомлённые нежностью, вышли из подъезда, и вдруг оказалось – за пределами их счастливого уединения резко похолодало. Обойдя партизанскими тропами лето, осень дохнула студёной свежестью, ворвалась неласковым ветром в начало августа... На Тане платье, от комаров не спасёт, на Мише и того смешнее – футболка-сеточка. Да не возвращаться домой, когда аппетит разыгрался утолить жажду вкусно пузырящимся вином. Крепко обнялись для сохранения тепла...

– Кстати, у меня тоже в памяти, – поделилась в трубку Таня, – одна длинная-длинная ночь. Темнота, тишина во всём доме. Мы засыпаем, просыпаемся. А в отдалении постоянный гул самолётов. Но ведь не могли мы не ходить за хлебом, продуктами?

– Как-то среди ночи борщом кормила. Варила, поди, днём?

– Да уж, наверное!

В «АПэ» было пусто и сонно, лишь в дальнем углу расположилась компания парней, у одного руки по плечи густо покрытые татуировками. Тане компания не понравилась, передумала сидеть за столиком. Миша купил шампанское на вынос. Плитку шоколада.

– Всё равно должен открыть! – сказал официант. – Так положено.

Пили из горлышка на обратной дороге, прыскали друг на

друга хмельную жидкость, целовались мокрыми от вина губами... Кормили друг друга шоколадом.

– Помнишь, – засмеялся Миша, – ты среди ночи как грушу трясла меня?

– Я перепугалась – сердце заломило! Показалось – не дышишь. Просыпаюсь, а ты в подушку лицом уткнулся, и тихо. Зову: «Миша! Миша!»

– Я проснулся, по голосу понял твой испуг. Притаился для смеху.

– У меня в голове: что делать? Массаж сердца? Искусственное дыхание?

– И давай меня трясги за плечо! Чуть руку не оторвала!

– А ты свалился на пол и зарычал тигром.

– А ты разревелась в три ручья!

– Тебе бы так! А ещё, помнишь, мечтали улететь вдвоём на край света?

– Прилетай, я уже здесь! Горит камин, пахнет дымком, дождь беснуется за стеной! Познакомлю с дедом Майклом. Вот асс! Прокатился с ним на «БМВ» и сразу вспомнил анекдот, как мужик впервые прыгнул с парашютом и говорит, приземлившись: «Теперь-то я знаю, откуда адреналин прёт!»

– А ведь мы в те четыре дня побывали на счастливом краю света...

Счастье было где-то рядом

Миша с институтских шабашек усвоил: работа не должна быть каторгой, когда пашешь рога в землю – нет времени в гору посмотреть. Не потопаешь – не полопаешь, но и без отдыха недолго ноги в гроб протянуть. Американская шабашка не исключение из правил. С Ниагарой получился прокол, зато на столичный град Вашингтон поглазеть съездил. Ничего особенного, да отметился башмаками у Белого Дома и Капитолия. В Атлантик-сити дураком надо быть не съездить. Во-первых, говорят, тот в США не бывал, кто Атлантик-сити не повидал, во-вторых – в мёртвый сезон задаром экскурсия. Всего семнадцать долларов за всё удовольствие. Дорога бесплатная, а она не ближний свет – туда и обратно на автобусе шесть часов в сумме. Плюс кормёжка разовая, тоже за счёт фирмы. И семнадцать долларов тебе возвращают, как на место доставят: пусти в игру, ощути казиношный азарт.

Не надо быть семи пядей в любом месте, раскумекать – чистой воды заманишка. Ведь не в музей приехал, где экспонаты руками не трогать. Здесь с точностью в обратную сторону: хватай со страшной силой. Город-казино. Только игральные заведения и гостиницы, чтобы отдохнуть в перерывах между проигрышами. Километры самых разных казино. И напропалую азартные игры под девизом: ты был ничем – вдруг станешь всем! Кругом автоматы, то в одном, то в дру-

гом как загремит сладостный звук: квоттеры – монеты в двадцать пять центов – водопадом в металлический лоток хлынули. Ещё один везунчик гребёт счастье лопатой. Значит, вот-вот и к тебе оно подвалит.

В Атлантик-сити Миша на пару с Ритой, подмышки бриты, поехал. Мише фарт на семнадцать начальных долларов не пошёл, а Рите повезло! Опа! – зашумел волнительно автомат, изрыгая квоттеры, запел гимн удаче. Сначала волнение на пяти долларах закончилось. А потом семьдесят пять как ахнет! Подставляй скорей мешок.

– Остановись! – тормозит Миша разбогатевшую сдуру подругу.

– Ты чё?! – Риту страсть обуяла, глаза сверкают охотничьим блеском. – Раз пошла такая масть, хватай фортуны за хвост, пока не опомнилась!..

Счастье было где-то рядом, получи в него снарядом.

Ещё один раз пятьдесят долларов огребла, а потом полетела под гору. Проигралась в пух и прах. Хорошо не тот пух с прахом, когда пулю в лоб и весь скандал. Особо нечего было просаживать – сто двадцать долларов всего-то и наскребла по всем сусекам кошелька, как Миша не хватал за руку.

В Мише бес наживы тоже пытался раздуть алчные порывы. Двести долларов было с собой. Но здравый ум победил. На корню скрутил голову пагубным мыслишкам. Обломалось Атлантик-сити нагреть руки из данного кармана.

Отдохнули иммигранты-нелегалы на азартной орбите, на

обратной дороге заговорили о житье-бытье.

– В Омск не собираешься возвращаться? – спросил Миша.

– А с чем ехать? Отсюда хоть что-то им отсылаю.

– Все мы так.

Вспомнили домашних. Рита пожаловалась: мама сильно болеет.

– Мама у меня в молодости красавица была киношная! – с гордостью доложила. – Родилась в захолустном Калачинске, но актриса да и только на довоенном фото. Волосы гладко зачёсаны, шея царская, брови вразлёт и глаза! глаза!.. А петь-плясать, тётки говорили, мастерица была отчаянная. Ну, варить-стряпать по сей день пальчики оближешь умеет...

Мчит автобус в Нью-Йорк, дорога дальняя, Рита про маму Валентину Сергеевну повела рассказ. Три раза замуж выходила. Первый – лётчик. Конец тридцатых. Перелёты Чкалова через пол-Земли, спасение челюскинцев из Арктики. Лётчик – первая героическая профессия. Времена такие, что во всех углах страны, чуть отошёл от железной дороги, главный вид транспорта – конь с ржанием и телегой. И вдруг в небе, кроме птиц с помётом, соколы с пропеллерами. Не устояла девушка перед модой. Уговорил летун на совместную жизнь. После чего оказалось: одно по улице прогуляться на зависть подругам, совсем другое – супружеские обязанности без свидетелей. «Днём целоваться с ним выше сил было, – рассказывала дочери о сталинском соколе, – при свете, хоть убей,

не могла».

Второго мужа, Игната, при свете, без света, в солнечную и дождливую погоду любила всю жизнь.

Расписались с ним, на танцы, в кино дружной семейной парочкой полгода побегали, и – «вставай, страна огромная». Проводила суженого на фронт. Отревела первую бурю слёз, ждатель-пождатель стала. Утром и вечером молитву читает от пуль. И вся-то радость, душу греющая, письма писать да «треугольнички» с фронта получать. Через день да каждый день слала весточки на передовую. Просто стихи в прозе, какие ласковые строчки бежали по бумаге. В ответ приходили и подавно песни сладкозвучные: «Мне бы на минутку увидеть тебя, ласточка моя единственная, синичка востроглазая, канареечка голосистая! Прижать к сердцу, обнять». Получит такое счастье Валентина, обцелует листочек, что дорогие руки держали, вдоль и поперёк, после чего, землю под ногами не чуя, летает с «птичьими» строчками на груди.

Как-то воспарила да тут же о землю хлопнулась. От сурруга с «синичками и ласточками» принесла почтальонка, а следом из фронтовых краёв с другим почерком: «Ваш муж Игнат живёт со мной как мужчина может с женщиной. У него шрам в виде «Г» в паховом месте. Во сне хихикает. Их часть в нашей деревне. Забудьте его из своей жизни. Надя».

Схватила Валентина за сердце: «Нет! Нет!! Нет!!!» Не верит клочку из школьной тетради. Разорвала, в печь бросила. Гори, змеиное известие. Не может её Игнат изменить

вероломно.

Вспыхнула бумажка подколотная.

А куда сердце девать? Ноет и ноет. Вдруг – правда?

Есть шрам в интимной области. Но мало ли на войне как можно подглядеть. В медсанбате, например. Ведь «ласточка и канареечка». А если и вправду – урвала себе мужика на марше эта Надя, долбануть бы её сзади? Во сне на самом деле Игнат хихикает. Будто щекотнули или водичку за шиворот...

С детских лет общественница и передовица, Ритина мама день и ночь ковала победу на мелькомбинате. И вот выскочила дезертиром из тылового окопа, сломя голову рванула в сторону фронта поставить точку сомнениям: есть баба у мужа для скотства или враньё голимое?

Валентина Сергеевна, в голове буря, а сообразила набрать самогонки, махорки, прежде чем побежать на станцию.

Время, что там говорить, бушевало суровое. Пусть три тысячи километров лежало до стрельбы смертельной, а и в сибирском тылу жизнь не сахар. Билет ещё можно с горем пополам вырвать, да попробуй в вагон залезть. Расшвыривала раненная в сердце любовь здоровяков и мешочников, гражданских и военных, летела к передовой через все преграды. Где врёт, где самогонку суёт, где махоркой рассчитывается. На переправе через Волгу нюхнула военного пороха вперемежку с кровью – под бомбёжку самолётную угодила. Только что рядом девчоночка с косичками бежала, а вот уже лежит, смертельная рана в полголовы.

В прифронтовой полосе патрули шныряют, органы по отлову подозрительных лиц в расположении войск шпионов выслеживают, но прошмыгнула Валентина в часть мужа. И бабу, к которой притулился воин на переформировании, нашла. У Нади коровка дойная, задница обширная, румянец, будто не война под боком, кто кому хребет ломает, а спортивные мероприятия.

Игнат, как лом проглотивши, остолбенел, увидев супругу любимую. Будто дальнобойный снаряд из-за леса, свалилась на порог жена. Контузией на мужа подействовала. Заикаться через пень колоду начал. Военная мясорубка вокруг, Калачинск ухнул в неправдоподобный космос, и вдруг Валентина из той жизни материализовалась снегом на голову.

Но не взорвалась жена космы выдёргивать сопернице толстопятой. В глаза бесстыжие мужу не наплевала. Развернула направление в обратную от фашистов часть света, пошла в глубину тыла, омывая сердце сухими слезами.

После войны на коленях умолял Игнат прощения. Майором вернулся. Руки-ноги без царапины. Красавец. Бабы живъём готовы были съесть, ведь мужики только на фотографиях остались. Не простила. Через пять лет после войны вышла замуж за мужчину на семнадцать лет старше, двух дочек родила, среди них – Риту.

Игната и это не остановило, долго ещё звал к себе.

– Но ты знаешь, – рассказывала Рита, – фотографии его и письма с фронта мать по сей день бережёт. Как-то спросила:

«Неужели нельзя было простить, ведь война шла – сегодня жив, а завтра убьют?» «Ничего не могла с собой сделать!..» – сказала.

Через неделю, как ездили в Атлантик-сити, Миша вернулся в отстойник, а женщины режут на своей половине.

– У Риты мать умерла, – Антон доложил.

– Едет на похороны?

– Нет.

– Ведь успеет. Двенадцать часов до Москвы, три – до Омска. Послезавтра будет там.

– Кто меня сюда больше пустит? – причитала на женской половине Рита. – Кто? Уеду и всё – путь закрыт!

Потом позвала мужчин, достала две бутылки водки:

– Помянем.

– Ещё ведь не похоронили, – ляпнул Миша.

Антон лягнул под столом: молчать!

– Мама из могилы меня натурально вытащила! – сквозь слёзы рассказала Рита. – В морге уже лежала. Я ещё в школу не ходила. Привязались болезни одна за другой. Крупозное воспаление лёгких, потом паралич горла, глотать не могла. Месяца четыре безвылазно в больнице. И вот раз врач смотрит – я не дышу. Пульса нет. Фонендоскопом слушают – ноль. Зеркало ко рту подносят – не запотеваает. Труп. Отправляют на вскрытие. А мать в больнице работала. Я когда месяц провалялась там, мать бросила моторостроительный завод, устроилась нянечкой, рядом со мной быть. Приходит

утром на работу, ей по голове: дочь умерла. Она в морг. Не пускают: куда ты?! Врач уже собирался вскрытие делать. Мать с кулаками: там моя дочь! Расшвыряла всех, прорвалась. Рассказывала, как увидела меня бездыханную – сердце чуть не разорвалось. И вдруг, будто веко у меня судорожно дёрнулось. Закричала: не трогайте! И наверх. А там профессор обход делает. Старенький, за семьдесят. Бросилась к нему. Живая, говорит, посмотрите, Христом Богом молю! Профессор отложил обход, спустился в морг и долго-долго старинным фонендоскопом – деревянной трубкой – слушал. И нашёл жизнь. Откачали. А если бы не мама?

Выпили по первой, не чокаясь, по второй.

– Не могу я поехать! – говорила Рита, хотя никто не склонял к обратному. – Она бы поняла. Похоронить есть кому. Сестра, дядя, племянники... Деньги отправлю. Уеду – и что там буду делать? Что?

Месяца через полтора Рита съехала из отстойника.

Чуть позже Миша увидел её в шикарном платье, садящуюся в машину.

Женщины из отстойника поведали, что пошла Рита в массажный салон.

– Какой из неё массажист? – не просёк Миша. – Как-то шею заколодило, попросил помять, так она элементарно не разбирается. Руки как крюки.

– В том салоне руки не на шею подгоняются. Узкая специализация.

И если полиция проводит многомесячные детективные операции по разоблачению владельцев интим-массажных салонов, по крупицам собирает стопроцентную информацию, до мужа Риты она долетела быстро.

– Ритка в массажный салон пристроилась, – позвонила в Омск Лидочка Фокина общей знакомой.

Та, не откладывая в долгую коробочку, тут же Ритиному супругу доложила.

– Из неё массажист, – аналогично Мише отреагировал он, – как из меня клоун на манеже.

Супруг закончил физкультурный институт, искусство массажа испытал на своей шкуре.

– Да нет, эротический массаж.

– Сука! – понял глубинную суть нового отхожего промысла муж. – Падла!

– Зато, знаешь, какие колыбашки зарабатывает! За пару дней, сколько другие бабы, квартиры убирая, за месяц.

Муж бросил трубку, радующую высокими заработками в семейный бюджет, и упал в кресло в ошарашенном виде. Пластинка, стой! пластинка, стой! с другим танцует баба мой! И тут же схватил телефон и заорал в США, не жалея денег. Очно обозвал собачьим словом Риту.

– Убью! – кричал, ноздри от злости за ушами. – Приеду убью!

– Дурак ты! – отпиралась Рита. – Враньё! Просто я начала заниматься недвижимостью.

– Вот и проверю, как ты движешься и не движешься!

Рита смертельных угроз не боялась. Супругов американцы в последнее время категорически попарно не пускали. Рита, конечно же, сидела в компьютере со всеми потрохами, даваемыми при оформлении туристической визы. Там записано, что в США заехала, а в обратную сторону не зафиксирована. Пропала два года назад. И вдруг к пропаже муж, указанный в документах, просится. Попробуй докажи им, что с целью – вершить правосудие: морду бить за массаж, запрещённый законами штата, рвётся.

В Омске мужу так и объяснили: бесполезно рыпаться на американский континент.

Он в психе разорвал все Риткины фотографии и запил на её деньги. Покутил с горя, получил микроинсульт, даже крыша ехала – пару дней пугал детей, неся околесицу, а одыбавшись, стал открыто жить с женщиной, с коей тайно время от времени коротал супружеский период.

Дочкам безжалостно объяснил, что за океаном мама другого дяденьку нашла.

Отчасти пожалел детскую психику от стопроцентных реалий жизни.

Доллары с небоскрёбов

Русский американец Вилли Токарев жалуется в микрофон:

Небоскребы, небоскребы,
а я маленький такой...

Не без причины. Миша, впервые выбравшись на Манхэттен, до предела разинул рот и так туда-сюда-обратно крутил задранной головой на чудеса архитектурного гигантизма, шею о воротник рубашки сбил до мозолей.

После чего решил сверху глянуть на небоскрёбный остров. Наметил с крыши близнецов Всемирного торгового центра осуществить созерцательную мечту, но оказалось экономически невыгодно. У «Эмпайр стейт билдинг» прайс-лист был скромнее и доступнее. К тому же об этом небоскрёбе ещё в школе читал, тогда он был самым высоким в мире.

Экскурсию на высоту птичьего полёта организаторы рассчитали тонко: раз побываешь – до гробовой доски в голове засядет. Решили проектанты: такое действие по формуле «хоп-хоп и в дамки» не пойдёт. Что за баня без предбанника, театр без буфета, балет без увертюры? Аналогичная картина с небоскрёбным туризмом. Забрось ротозея в лифте на последний этаж, он полупает глазами с верхотуры, плюнет вниз

и забудет впечатления, что с крыши видел. Совсем другое – пешочком подняться. Конечно, с первого этажа трюхать на своих двоих до последнего редко какой затейник найдётся, но если ты хотя бы пяток другой этажей мышцы понапрягаешь, факт покорения небоскрёба собственными ногами уже сильнее врежется в память. Можно козырнуть подвигом восхождения детям, внукам и посторонним слушателям.

Так обстояло дело с «Эмпайр стейт билдингом». Кстати, на него Кинг Конг в одноимённом фильме, спугав родные джунгли с каменными, вскарабкивался. Обезьяна гулливерская снаружи лезла, Миша частично на лифте, дальше пешочком до смотровой площадки. Но картина сверху величественная... Вертолёты под ногами летают, почти весь Манхэттен, кроме близнецов Всемирного торгового центра, мелкотой смотрится, родной Бруклин вообще деревня деревней...

– И чё? – спросил Антон. – Плюнул сверху на всю Америку?

– Не дали! Больше не полезу!

Пришлось.

Аннушка Речева, как говорилось выше, каждое воскресенье ходила в церковь. Даже пела в хоре.

– Тусовка под иконами! – комментировал Антон.

– Ты бы не зубоскалил, взял да и сходил для собственной пользы! – агитировала Аннушка. – В церкви такая благодать нисходит на душу!

Миша разок из любопытства составил Аннушке компанию. С полчаса постоял на литургии, что за благодать – не понял ни грамма.

– Какой ты шустрый! – сказала Аннушка. – Сразу тебе манну с неба!

– А як же!

В Нью-Йорке Миша второй раз в жизни в церковь на службу угодил. Первый – в институте. Была у них серьёзная организация – боевая комсомольская дружина, сокращённо – БКД. Каждую неделю один вечер Миша патрулировал со своей пятёркой улицы Казани с целью пресечения хулиганства. Раз в году был особый день в БКД – Пасха Христова. Православные ночь не спали и бойцы комсомольской дружины все в поголовном составе глаз не смыкали. Всех поднимали в ружьё на время ночной пасхальной службы. В самом центре Казани поперёк улицы Баумана неприступным заслоном стояли комсомольцы на подступах к Никольскому кафедральному собору. Отсекали несознательных граждан от опиума для народа. Единственное, кого пропускали кордоны и пикеты к храму, – бабулек, в темноте суеверий доживающих свой век.

На четвёртом курсе Мише достался пост у паперти. Во время службы зашёл в церковь погреться, ночь апрельская холодная выдалась, одет был в несерьёзную курточку. За одно хотелось поглядеть на отсталый люд. Отставал он красиво. Море белых цветов, море белых платочков на головах у

бабулек, священник в серебристых одеждах от алтаря густым басом из чёрной бороды на всю церковь поёт: «Христос воскрес!» И бабульки единым дыханием радостно: «Воистину воскрес!» И снова восклицает священник: «Христос воскрес!» Церковь ликующе отвечает: «Воистину воскрес!» Так три раза.

– Пойдём отсюда, – хихикнул в ухо Мише коллега по пятёрке, – вдруг бабки бросятся на нас целоваться-муслякаться!

Больше не приходилось на службы попадать. Поэтому был Миша неуч полный.

Аннушка, как говорилось выше, аналогично тёмной приехала в США, но втянулась.

– Мне легче после церкви, – признавалась, – так бы не выдержала от тоски, запила, как Борька Прохоров, или ещё что...

В церкви Аннушка обзавелась знакомствами. Через них предложила Мише работу.

– Везёт дуракам! – сказал Антон. – Как в лотерею выиграл.

Работа была с тряпкой и ведром, но с поднебесным уклоном. Техничка-верхолаз. Окна небоскрёбные мыть-чистить. В помывочной бригаде образовалась вакансия, Аннушка об этом узнала и предложила Мишу.

– В хороший день до трёхсот долларов можно заработать, – сказала.

- Да иди ты! – не поверил Миша.
- Но им требуется крепкий мужик.
- А я что – каша-размазня?

Миша упал на пол и начал отжиматься. Пятьдесят раз выдал, не запыхавшись.

– Пойдёт?

– Я не отдел кадров, – засмеялась Аннушка, – принимать твою физическую подготовку. Английский ты ведь знаешь?

– Английский на кой? – полиглотский арсенал у Миши был на скромном уровне. – С тряпкой разговаривать? Я с ней и по-русски в «Хилтоне» находил общий язык лучше женщин.

Тряпка американской национальности была ни при чём.

Мылись окна не так, как делают наши хозяйки по весне, на подоконник встают и айда приводить в прозрачный порядок стёкла. Небоскрёбные бытовой женской методой не отмоешь от пыли-грязи. Подход к очищаемой поверхности осуществлялся снаружи. С привлечением альпинисткой техники. Вишишь на верёвке, как покоритель снежных вершин, и наяриваешь щёткой.

Распределение работ в бригаде имело разделительную особенность: мыли иностранцы, страховали с крыш граждане США. Зачем хозяевам болтаться над пропастью каменных джунглей, когда можно руководить гостями с безопасной точки. Данная расстановка функций требовала для производственных переговоров английский язык.

Брали в бригаду возрастом до сорока лет. Миша, переваливший пору мужского расцвета, по физическим данным тридцатилетних обставлял. За городом на заброшенных домах успешно прошёл стажировку для помывочных работ.

По типу альпиниста в горах – обвязка, страховка, опускают тебя, поднимают. В руках ведро, щётка. И драишь-драишь, курить некогда. Чем выше этаж, тем жирнее тарифная ставка.

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны! – прокомментировал расценки Антон.

– Это же страшно! – испугалась в телефон Таня из казанского далека.

– Охрана труда действует. Надёжная страховка. Заработаю и тебя сюда вытащу! Хоть на немного.

– Я бы тоже работала.

– Только не горшки мыть!

Антон придумал слоган для чистильщиков-высотников.

– Под небом Нью-Йорка не с руки петь продукт отжившей эпохи: «Не кочегары мы, не плотники!» Новые песни придумала жизнь.

Антон спел на мотив «небоскрёбов» Вилли Токраева:

Небоскрёбы, небоскрёбы,

а я маленький такой!

С вас я доллары скребу

Правой, левою рукой!

Сам Антон за пару дней до первой трудовой вахты новоиспечённого высотника загремел в госпиталь. Возвращался вечером в отстойник и упал на улице без сознания.

– Из метро иду, никого не трогаю, – объяснил Мише по телефону, – и вдруг, ёперный театр, – вокруг уже американская медицина в действии. Госпиталь. Что между уличными кадрами и госпиталем, хоть зарежь – не помню.

– Что болит?

– Голову клинит. Здесь тоже терял сознание. Не нравится мне это...

– Голова не задница – на ней не сидеть! – для оптимизма сказал Миша. – Обвяжи да лежи!

– А ты уже «не кочегары мы, не плотники»?

– Завтра боевое крещение.

– Удачи тебе, дорогой. Да, Миш, если что – телефоны моих родных у тебя есть. Сделай как надо, больше некого попросить.

– Брось ты дурочку пороть!

– Бросай не бросай – все под Богом ходим...

Трудились на суперверхотуре хорошо. С перспективой. Столько её кругом из Манхэттена вдохновляюще торчит, окнами блестит-сверкает. Непочатый край вертикальной работы. Внизу машины таракашками снуют, людишки букашками суетятся, а он в поднебесье... На первых порах ёкало в паху от глубин под ногами. Фантазия рисовала мокрое место

от личности, если страховка подведёт. Но русские не сдаются! Ёканье исчезло, в работе подлые мыслишки о нештатном спуске головой в Манхеттен испарились.

Погодка в тот день стояла курортная. Солнышко светит, небушко синее, мелкие облачка надёрганной ватой висят... Миша работал на верхотуре с дурацкой песенкой, с утра в отстойнике влетевшей в мозги из русской нью-йоркской радиостанции:

Ой, напрасно тётя вы лекарство пьёте
и всё смотрите в окно.
Не волнуйтесь тётя дядя на работе,
а не с кем-нибудь в кино.

Он мыл окно высоко над Нью-Йорком, когда за спиной и сбоку заревел самолётный гул.

«С аэропорта Кеннеди поднялся, – подумал Миша не без грустинки, – может, в Москву пошёл...»

Москва-Москва как много в этом звуке для слуха русского сплелось. В Мишин слух врезался заполошный крик, вырывающийся из комнаты, окно которой мыл омич. Орала женщина и тыкала пальцем мимо Миши.

Он повернулся от очищаемой поверхности в указанном направлении. Мать честная! В северную башню Всемирного торгового центра, что гордо торчала невдалеке, врезался самолёт.

«Ёперный театр! – не поверил глазам Миша, – Опять Коперфильд пудрит мозги чудесами в решетке?»

«Боинг», этот вагон с крыльями и хвостом, как в киноужастике, вонзился в северного близнеца и скрылся внутри с концами.

Какое тут мытьё?! Не до производственных показателей.

Из башни вырвались клубящиеся шары огня и чёрного дыма.

Завыли сирены.

Из окон небоскрёба с самолётом внутри, с высоты сумасшедшей этажности начали беспорядочно падать люди... Вниз головой, вниз ногами, боком, переворачиваясь на ленту...

– Куда?! – закричал Миша. – Куда?!

Не им кричал Миша. Второй самолёт прицельно нёсся в южную башню.

Дней десять назад Миша с Антоном ездили к близнецам с художественно-документальной целью. Антон решил снять башни на видеокамеру. Купил её для увековечивания своей одиссеи в США.

– Если не поверят потомки устным рассказням, – прокомментировал Антон приобретение видеотехники. – Мы им кинодокумент в подтверждение: вот Америка во всей своей красе, а вот мы в ней во всём своём великолепии. Смотрите, внуки, как деды покоряли Соединённые Штаты!

Башни близнецов стояли одним из пунктов киноэпопеи.

Сначала Антон снял их издалека, с Гудзона, когда плыл к статуе Свободы на экскурсию с группой представителей отстойника, теперь для полноты картины следовало чудо Нью-Йорка в упор взять. По пути к объекту съёмки Антон с Мишей наткнулись на уличного гитариста многостаночника, многоинструментальщика. Дедок-негр. Само собой – чёрный, как кирза, но борода седая, точь-в-точь как у обычного русского деда. Сидит на стульчике, пощипывает гитарку, ублажает прохожих музыкой, пополняя личный бюджет. Всё как полагается у современного музыканта – усилитель, колонки... Руки струнами заняты, и ноги не простаивают. Правой барабан взбадривает сильными долями, левой, посредством ножного привода, фольклорный инструмент, наподобие стиральной доски, задействует. Вводит оригинальное звучание в аранжировку исполняемой пьесы. Педаль, как у прятки, давит на неё, в ответ деревянный рабочий орган по стиральным волнам пробегает, извлекая из них характерные звуки.

Антон принялся снимать экзотику нью-йоркских музыкальных буден. Миша бросил пару долларов в коробочку, что стояла перед исполнителем.

– Ты ещё бутылки музыкальные развесь! – подмигнул деду. – Палку в зубы и бей по ним!

Дед улыбнулся в ответ, будто понял, суть совета, что дал ему русский.

А Миша вдруг раскинув руки в цыганочке, хотя звучали

другие напевы, и пошёл-пошёл на камеру с хлопками в ладоши и шлепками по пяткам кроссовок.

Пусть не в такт музыкальному сопровождению, но от души.

Настроение было такое, что наплевать на окружающих, снующих мимо.

– Давай! Давай! – оживился Антон интернациональному дуэту. – Покажи русскую удаль в живом исполнении!

И направил камеру на танцора.

Негр тоже захотел «давать» – гитарными переборами и барабаном вкупе со стиральной музыкой начал подстраиваться под непривычные для африканских корней колленца.

И когда плясун врѣзал впрысядку, негр подстроился под ритм белого. Разноцветные артисты, что значит люди не чуждые искусству, спелись под сенью небоскрѣбов-близнецов.

– Дедуль, от меня тоже навар тебе за исполнительское мастерство! – бросил пять долларов негру Антон.

...А теперь над танцевальным пяточком пролетают «Бонинги», берут на таран близнецы Всемирного торгового центра.

«А если наш небоскрѣб на очереди?» – вспомнил о своём подвешенном состоянии Миша, когда в южную башню врѣзался второй самолёт, в ответ она окуталась клубами огня и дыма. Пусть небоскрѣб, окна которого чистит, не такой рекордно высокий, но кто его знает – может решено все один

за другим поспивать.

Миша принялся суматошно дёргать за сигнальную верёвку, орать в переговорное устройство. Налицо форс-мажорные обстоятельства, не до высоких заработков.

Никакой подъёмной реакции не последовало.

«Неужели все разбежались?» – пронзила нехорошая мысль.

Он висел между небом и землёй, когда южный близнец ожил, и все его четыреста с лишком параллелепипедских метров в гигантских клубах дыма начали стремительно строго по вертикали опадать. Небоскрёб, выстрелив облаком пыли, разлетающимися обломками, рухнул, как и не было... Лишь столб дыма стоял там, где только что высилось здание.

Нина Собинова схватилась за сердце перед телевизором, она снова зарабатывала бибиситтерством, дитё не било по физиономии, но родители служили в офисах во Всемирном торговом центре. Нине показалось: на женщине, летящей к земле вдоль смертельно раненного небоскрёба, платье хозяйки Лены. Она работала на восьмидесятом этаже.

Дина смотрела телевизор с разными чувствами. Сын (к великому счастью – разгильдяй!) сейчас должен был лететь в самолёте, но отзвонился: опоздал на посадку.

Тёзка Миши Майкл гнал по Лонг-Айленду ослепительно малиновый снаряд «БМВ», направляя его в Нью-Йорк. Внук служил охранником в северном близнеце.

Аннушка Речева в тот день не работала. Отстойник рано

утром опустел, все разбежались. Аннушка поставила на тумбочку икону Божьей Матери «Курская», достала молитвослов, вычитала утреннее правило и хотела сварить себе кофе, но вспомнила, сегодня 11 сентября – Усекновение главы Иоанна Предтечи. Батюшка после службы в воскресенье говорил об этом. День строгого поста. Аннушка решила ограничить себя и в кофе, даже без молока не пить. И вообще – до завтрака следует прочесть канон Иоанну Предтече. Она снова достала молитвослов, нашла канон и начала вслух читать, крестясь на повторяющей молитве:

Святой великий Иоанне, Предтече Господень, моли Бога о нас.

Вычитав канон, позавтракала без скоромного и, сменив халат на джинсовую юбку и футболку, вышла из дома и направилась в сторону метро. В какой-то момент поймала себя на тревожном чувстве, что-то было не так на улице. Но что? Вдруг поняла: нет американских улыбок, лица вокруг озабоченные, даже показалось – напуганные... Аннушка вспомнила про сотовый. Отключила на время молитвы и забыла. Нажала на кнопку и тут же телефон запел вызовом:

- Ты где пропала? – кричала в трубку подруга!
- А что? Молилась! Канон прочитала. Сегодня Усекновение главы Иоанна Предтечи.
- Ты ничего не знаешь? Взорвали близнецы Торгового

центра!

– Не может быть?! Там Миша Прянишников рядом!

Коля Укротитель пчёл, не чуя под собою ног, мчался по Манхэттену. Именно в это утро занесло колоброда к близнецам. Повезло, не успел вплотную приблизиться к интересующему объекту, с квадратными глазами весь в пыли улепётывал в противоположном от катастрофы направлении.

В госпитале, в то время как медперсонал сбегался в холл к экрану телевизора, показывающего башни в огне и дыме, уходил за горизонт Антон.

Мулатка-медсестра, не понимая до конца происходящего на экране воскликнула:

– О, my God!

И повторила громче, начиная осознавать, в телевизоре не фильм ужасов:

– О, my God!!

Пронзительно закричала на кадрах оседающей громады близнеца:

– О, my God!!!

«God» – это Бог», – последнее, что озарило голову Анто-на.

В Казани, замерев перед телевизором, дрожащей рукой вдавливала в телефонный аппарат кнопки Таня, вызывая Нью-Йорк.

Из-за океана шли бесстрастные длинные гудки.

– Мишенька! – кричала в бессердечные длинноты. – Ми-

шенька! Неужели ты там?

Рабочий день в Казани давно завершился, в Нью-Йорке только-только разгорался.

– Миша, дорогой, – упавшим голосом, отчаявшись дозвониться, повторила Таня, – неужели ты там?

Где ему, спрашивается, быть? Миша надрывался почём зря между небом и землёй, пытаясь докричаться до сослуживцев, во власти которых находился:

– Вира, падлы! Вира!

Перемешивая нормативную лексику языка Уильяма Фолкнера и ансамбля «Иглз» с ненормативной языка Ивана Баркова и ансамбля «Ленинград», Миша кричал в направлении коллег по бригаде:

– Вира! Ёперный театр! Вира!!

Крутнулся, осматривая небо на предмет новых самолётов-таранов, и вдруг сорвался в обратную от желанной сторону, пролетел пару этажей и с ударом повис на страховочном тросу.

«Они что – обалдели? – подумал, оставаясь в беспомощно подвешенном виде, с резкой болью в боку. Непроизвольно вырвалось: – Господи, помоги!»

Обрушился северный близнец.

– Сволочи! – отчаянно закричал Миша. – Сволочи!!!

И тут система доставки мойщика с крыши в рабочую точку и назад ожила, начала поднимать высотника для продолжения его нью-йоркской жизни.

В оформлении обложки использован рисунок Владимира
Удалова